

*НАБРОСКИ
НА БУМАГУ*

Николая де Лазари

Николай де Лазари

*НАБРОСКИ
НА БУМАГУ*

Рукопись на компьютер набрала
Галина Поповская

К печати подготовил, вступлением
и примечаниями снабдил
Анджей де Лазари

Łódź 2014

Рукопись Николая Николаевича де Лазари хранится в бумагах
Александры (Долли) Александровны де Лазари
в Центральном Московском Архиве-Музее Личных Собраний.

Благодарим Ольгу Константиновну Абачиеву и работников Архива
за помощь в работе над этой книгой.

Благодарим также профессора Станислава Веха за «жандармские»
консультации и доктора Михаила Гульчина за консультации по языку.

skład komputerowy - Andrzej de Lazari

© Copyright by Andrzej de Lazari, 2014
alazari@uni.lodz.pl

Все права защищены. При согласованном использовании
материалов необходима ссылка на ресурс.

ISBN 978-83-7729-131-3

Моим внучатам

Янеку и Зосе

Анджей де Лазари

Содержание

Анджей де Лазари

<i>Судьба!</i>	9
<i>Де Лазари из Карасубазара</i>	13

Николай Николаевич де Лазари

Наброски на бумагу

Родословная и детство	37
Кадетский корпус	40
В Симферополе	47
Одесса, Попова Гробля, Бердичев,	
Январское восстание поляков	60
Прощание с Мальвиной	71
Два месяца в Одессе	73
В Петербурге и Вильне	73
Александра Энгельгардт	76
Новая эра в моей жизни	80
В Лиде	82
Опять в Петербурге	84
В Полтаве	89
Кременчуг	97

В Царстве Польском	113
1873 год	120
Капитан Крупский	126
Другие дела в Гройцах	130
Энгельгардты	134
Опять в Гройцах	136
1874 год	143
Графиня Прозор	145
Лето в Винярах	147
Покупка имения	148
В Варшаве	153
В Радоме	155

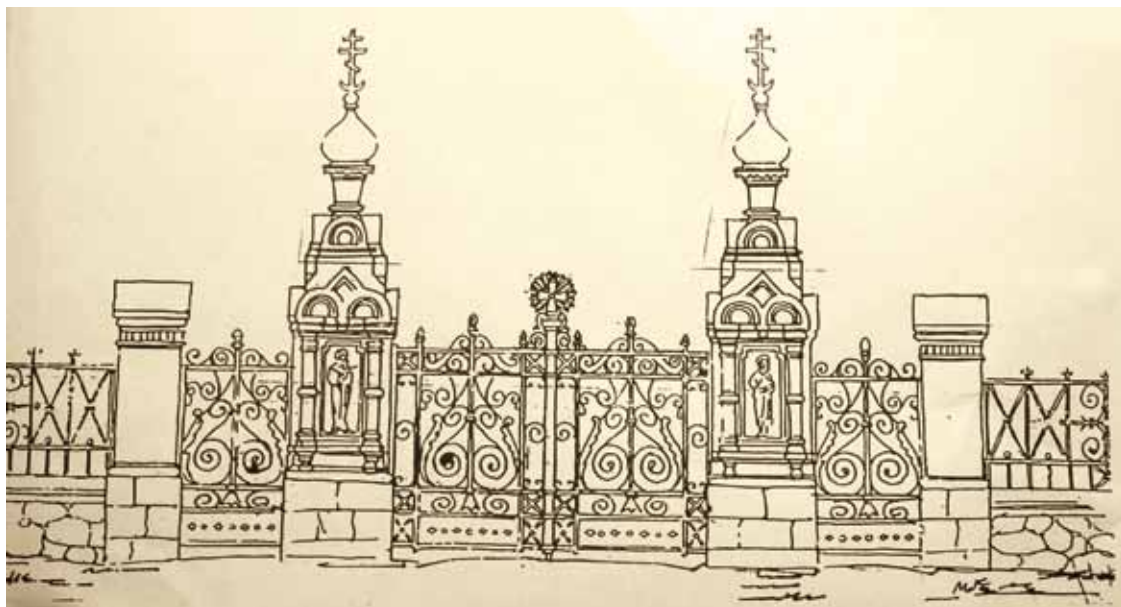
Приложение

О службе Н.Н. де Лазари	160
Семейные фотографии	164
Генеалогическое дерево	169
Послесловие	175

Чертежи

кладбищенской церкви, Благовещенского храма и въездных ворот,
построенных в селе Дубасище в 70- 90-е годы XIX века

Анджей де Лазари

Судьба!

Случайно, разыскивая русский перевод моей статьи в интернете, я нашёл на сайте www.SmolBattle.ru удивительную записку:

«На форуме была затронута тема, в которой было упоминание мраморной плиты с текстом на французском языке в д. Дубасище Глинковского района. Решил проверить, оказалось, что надпись на русском: „Генерал-майор Николай Николаевич де Лазари. Родился в 1834 году 21 марта. Скончался в 1901 году 24 февраля”. По словам старожилов в начале 90-х у основания холма лежал такой же мраморный памятник, но к сожалению он исчез».

Ниже помещено фото этой «плиты». Ещё ниже кто-то дописал: «Я эту плиту ещё 11 лет назад видел... тоже заинтересовало... Странно, что её ещё не упёрли...».

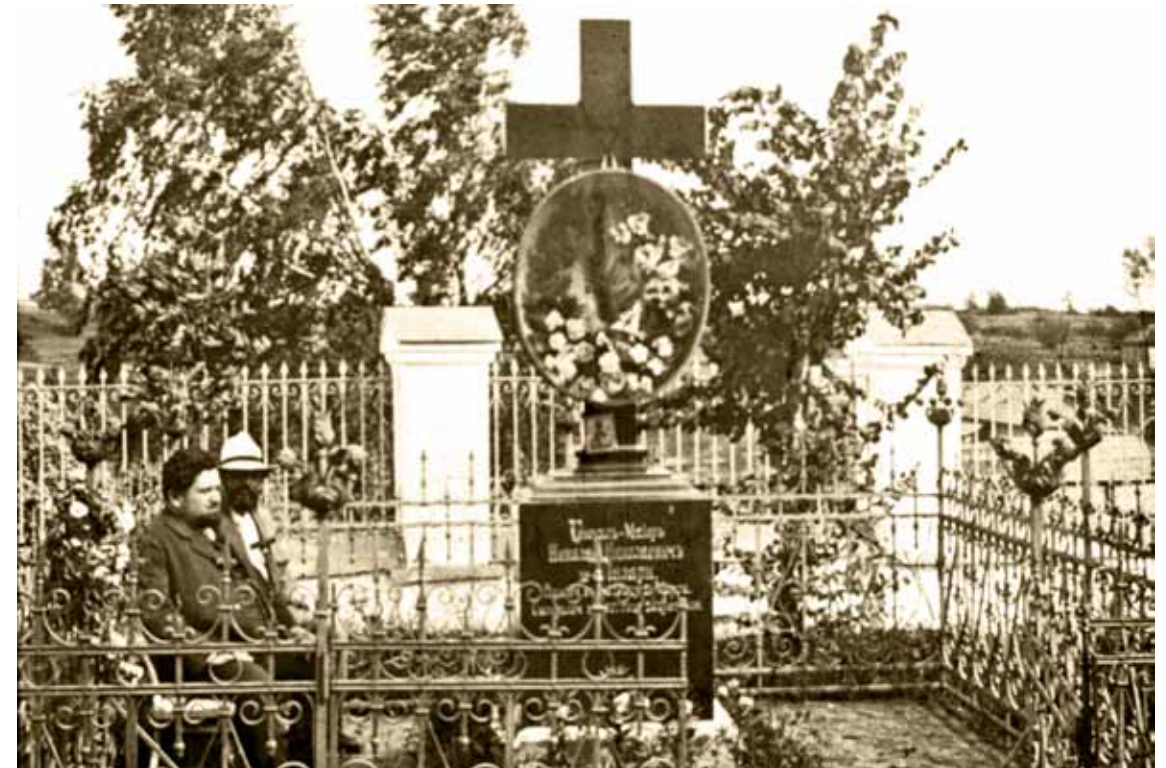

Действительно странно, что «её не упёрли», что после кладбища и церкви остался лишь этот кусок надгробного памятника моего прадеда, и что я попал на него в интернете. Большое спасибо краеведу, который проявил интерес к камню, валявшемуся в поле, и выложил фото на портале! Спасибо отцу Максиму Глинкину и Ольге Владимировне Терешковой из Глинки, которые позаботились об этом камне, поставили там крест, а прежде всего – спасибо жителям деревни Дубасище, которые так радушно встретили у камня меня с женой и троюродную праправнучку Николая Николаевича, Галину Поповскую с мужем!

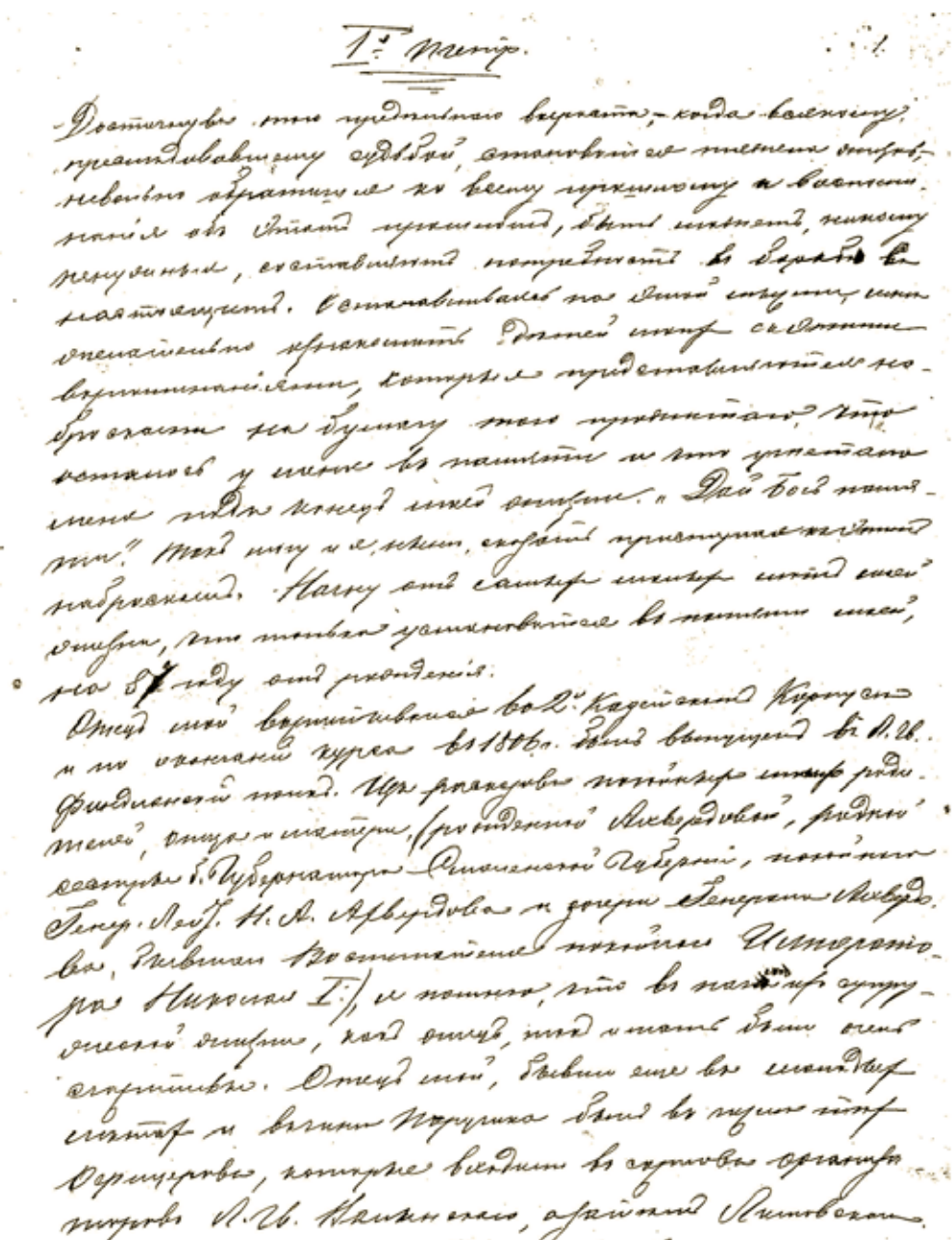

*Встреча у камня с жителями села Дубасище
в июне 2012 года*

Дома я отыскал две фотографии памятника, сделанные до революции. На обеих мой дед, **Константин Николаевич (1869-1930)**, у могилы своего отца; на второй, рядом с ним, сидит полковник Иван Романович Баженов (1855-1926), муж Евгении Николаевны де Лазари (Баженовой, 1870-1963), одной из сестёр Константина.

Кроме массы снимков (дед увлекался фотографией) дома сохранилась также рукопись воспоминаний Николая Николаевича. Несмотря на мое приличное знание русского языка, я не был, к сожалению, в состоянии разобраться в его почерке:

Справились с этим моя дальняя родственница, **Галина Богдановна Попова** (1956), которой за это низкий поклон от меня. Мы вместе решили выйти навстречу удивительной судьбе камня и заодно – русских и польских де Лазари.

Де Лазари из Карасубазара

Каково дерево, таков и плод.

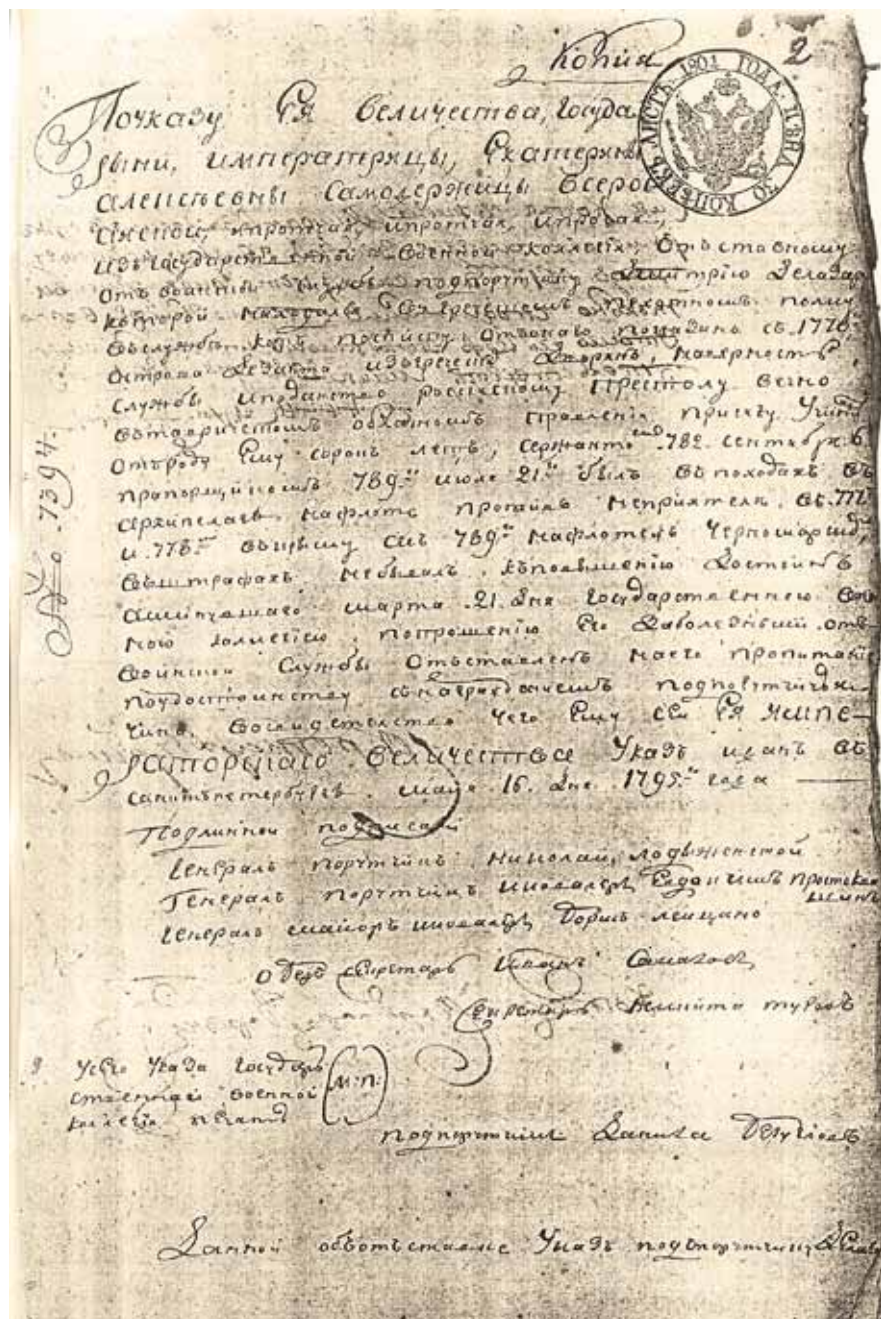
Из пословиц крымских татар

Пока жила моя мама, **Ирина Константиновна де Лазари (1919-1992)**, я особо не интересовался судьбой предков. Этим занималась мама. Правда, в конце семидесятых годов приехал к нам в Лодзь из Питера преподавать советскую литературу профессор Николай Иванович Соколов (1915-2000), и каково было мое удивление, когда он мне однажды объявил: «А знаете, Анджей, моя дочка только что вышла замуж за Андрея Делазари...». Я передал весточку маме и выяснилось, что **Андрей Евгеньевич Делазари (1952)** – праправнук актера и гитариста **Константина Николаевича де Лазари (Константинова, 1838-1903)**, брата моего прадеда. Позже, в половине восьмидесятых, когда я работал над докторской диссертацией, «сослали» меня на стажировку в Калинин, а мне нужен был Пушкинский дом в Питере. Денег на гостиницу у меня, конечно, не было и отец Андрея, **Евгений Владимирович (1924-1992)**, пригласил меня жить к себе. В Польше тогда было военное положение и кто-то донес, что я работаю в Пушкинском доме неофициально (раньше я официально провел там полгода, работая над кандидатской, и меня хорошо знали). Службы отослали меня в Калинин (так как «во время военного положения в Польше поляку жить на частной квартире не положено»), а у питерских Делазари были неприятности. Из удивительных «фамильных» совпадений стоит отметить, что девичья фамилия жен Евгения (Ирины) и моей (Эльжбеты) – Русакова, но здесь общих корней мы пока не нашли.

В 1996 году, в новой политической действительности (моей мамы и отца Андрея в живых уже не было), мы прожили с женой у питерских Делазари две недели. Тогда мы зашли в Архив Сената и нашли там в Родословной дворянской книге Таврической губернии 1804 года документ «Родословная и доказательства о дворянстве Николая Дмитриева сына Делазара». Из него мы узнали, что отец Николая Дмитриевича (1794-1882), «уроженец греческого острова Дезанта, в российскую службу вступил в греческий пехотный полк¹ в 1770 году».

¹ Греческий пехотный полк сформировал Григорий Александрович Потёмкин для борьбы с турками. См. М. Фомин. Греки на службе у российской империи: <http://rus-sky.com/gosudarstvo/army/greeks.htm>.

Позже два раза удалось мне побывать на конференциях в Крыму и, благодаря знакомству с симферопольским исследователем Павлом Коньковым, раздобыть копии многих архивных документов. Самый старый из них – копия Указа Ея Величества, Государыни Императрицы, Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской и прочая и прочая и прочая:

В Указе читаем:

«Из Государственной военной коллегии отставному от воинской службы подпоручику Дмитрию Делазари, который находился в греческом пехотном полку в службе как по списку от онаго показано с 1770 острова Дезанта из греческих дворян, на верность службы и подданство Российскому престолу вечно в Таврическом областном правлении присягу учинил. От роду ему сорок лет, сержант с 782 сентября 6. Прапорщиком с 789 июля 21. Был в походах в архипелаге на флоте против неприятеля в 777 и 778. В Крыму с 789 на флоте Черноморском. В штрафах не был, К повышению достоин. А минувшаго марта 21 дня Государственною военною коллегиею по прошению его за болезнь от военной службы отставлен. На его пропитание по достоинству с награждением подпоручичьим чином во свидетельство чего ему сей Ея Императорского Величества. Указ дан в Санктперербурге мая 16 дня 1795 года».

Таким вот образом выяснилось, как появился в Крыму первый де Лазари – Дмитрий (1755-1803), грек итальянского происхождения, с острова Занте, который сегодня называется Закинф. К сожалению, отчество его неизвестно, но на острове фамилия де Лазари в почёте и в музее хранится очень доброжелательный герб рода – рука, держащая над морской волной оливковую ветвь.

Гербы в музее на острове Закинф

Из других документов достоверно, что женился он на некоей Марии Юрьевне (1759-?) и был у них сын Николай (1794-1882; мой прапрадед) и четыре дочери: Екатерина (1874-?; муж Федор Иванович Кривонос – 1765-1827), Варвара (1792-?; муж Георгий Лулудаки), Анна (1798-?) и Елена (1786-?; муж Степан Николаевич Чевати). По семейным преданиям Дмитрий был убит из ревности в Афинах и там похоронен.

Из сохранившегося формулярного списка о службе **Николая Дмитриевича де Лазари (1794-1882)** (список от 15 августа 1836 г.; фотографии помещаю ниже в воспоминаниях Николая Николаевича), следует, что он «за отличие в сражении при селении Бородино награжден орденом Анны 4-ой степени», что участвовал во многих сражениях и дошел за войсками Наполеона до Парижа. Потом воевал на Кавказе. В 1823 был уволен от службы и определен в Таврическую отдельную роту пограничной таможенной стражи (сначала надзирателем, потом ротным командиром), а в 1830 г. стал полицмейстером в родном Карасубазаре. На старость лет он переселился в Одессу к старшему сыну Егору, где умер в возрасте 88 лет.

Карасубазар² в 1856 году. Картина Карла Боссоли (1815-1884)

² См. Карасубазар – сегодня Белогорск. <http://en.wikipedia.org/wiki/Bilohirsk>.

Николай Николаевич, чья надгробная плита лежит в селе Дубасище, представляет собой уже третье поколение де Лазари из Карасубазара. К сожалению, не был он ни артистом, ни певцом, ни гитаристом, как его брат **Константин**. Был жандармом, как и его другой брат **Василий (1831-1899)**, и служил на территории Польши. Их старший брат, **Егор (Георгий, 1826-1900)** был чиновником и всю жизнь провел в Одессе.

Николай, к счастью его польских потомков, в учебниках и работах по польско-русской истории не упоминается. Единственный случай – книга Станислава Веха (*Spółeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866-1996)*, Kielce 2010, s. 344), – где говорится о том, что полковник Николай де Лазари слишком много поляков освободил от военной повинности, за что в 1888 г. был переведен в Тифлисское, а затем в Ереванское Губернское Жандармское управление (1891). Из его воспоминаний же следует, что он был в дружеских отношениях со многими польскими помещиками, бывал у них в гостях и принимал их у себя.

В 1892 г. Николай Николаевич был назначен начальником Омского Жандармского управления, а 1898 г. «произведен в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией...». И только в июле 1898 г. переселился он на Смоленщину, где и был похоронен.

У Николая были два сына – **Константин (1869-1930)** и **Александр (1880-1942)**, и четыре дочери: **Евгения (1870-1963, Баженова)**, **София (1872-1944)**, **Вера (1875-1970, Лухманова)** и **Ксения (1877-1969, Щербова)**.

Судьба **Александра** была трагична, как и большинства представителей русской интеллигенции в СССР. Он принял революцию и дослужился в советской армии до чина генерал-майора, но в 1941 г. был арестован и в 1942 расстрелян как «участник антисталинского заговора» и «польский шпион» (в 1956 его реабилитировали)³. Преследованиям подверглись также его жена, **Евгения Иосифовна (1882-1949, Кобылецкая)**⁴, мужья дочерей Николая и их дети. Сегодня издаются в России работы Александра по истории военного дела, о применении химического оружия во времена первой мировой войны (см. А. Н. де Лазари. *Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914 – 1918 гг. Краткий исторический очерк*. Научная редакция и комментарии М. В. Супотницкого. Москва, 2008).

³ См. *Дворяне: Книга памяти*, <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/La.html>.

⁴ Там же.

Александр де Лазари в 1903 и 1941 гг.

Евгения с дочерьми Ниной и Долли; Александр с сёстрами и женой

В конце 90-х гг. удалось мне отыскать в Москве дочери Александра – Нину (1906-1997) и Долли (Александр, 1904-2004). Особенно тепло приняла меня Долли. Она сохранила фамилию отца, хотя её мужем был известный альтист из *Квартета Бетховена* – **Вадим Борисовский (1923—1964)**.

Сохранила также многие семейные ценности и традицию русской интеллигенции. Свои собрания в конце жизни она передала в Центральный московский архив-музей личных собраний⁵.

Жена Александра, **Евгения (1882-1949)**, по происхождению была полькой, дочерью Иосифа Кобылецкого (1833-1888). Один из её братьев, **Юлиан Кобылецкий (1883-1939)**, до революции служил в царской армии, потом перешел на польскую сторону и боролся в польско-большевистской войне. В Польше живут его внуки и правнуки

(спасибо Мареку Кобылецкому за согласие на помещение здесь удостоверения ордена Virtuti Militari его дедушки).

⁵ См. о ней: А. Сабуров. *Последняя институтка*. „Русский Дом”, 2001, № 7, <http://www.pravoslavie.ru/rusdom/200107/21.htm>

София де Лазари замуж не вышла. Мужем Евгении был полковник **Иван Баженов (1855-1926)**, потомок известного архитектора, Василия Баженова (1738-1799). Их дочь, **Надежда (1892-1966)**, была женой последнего царского посла в Англии, **Евгения Саблина (1875-1949)**⁶. Детей у них не было. Внук второй дочери Баженовых, **Александры де Гогель (1893-1992) – Constantine de Goguel (1942) – актер**; живет с детьми в Англии. Спасибо ему за семейные фото и письма!

София, Ксения, Евгения и Вера

Александра де Лазари с дочерьми: Софией, Евгенией, Ксенией и Верой

⁶ См. О.А. Казнина, *Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина*, <http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=106>

Вера вышла замуж за известного в то время моряка **Дмитрия Лухманова**⁷ (1867-1946; Вера была его второй женой, была у него ещё третья).

Вера Лухманова; Валентина де Лазари (Дылева, первая жена моего деда) и Константин с дочками: Александрой (1897-1988), Евгенией (1900-1934), Валентиной (1893-1916); Дмитрий Лухманов

Их внуки, правнуки и праправнуки живут в России, Латвии и Голландии.

⁷ См. м.проч. Д. Лухманов, *Жизнь моряка*, http://royallib.ru/book/luhmanov_dmitriy/gizn_moryaka.html

*Дмитрий Лухманов, София де Лазари
и Вера Лухманова*

*Дмитрий и Вера
Лухмановы, и их дети:
Николай (1904-1939,
погиб в лагере)
и Ксения (Гольдберг,
1903-2001)*

*Александр де Лазари
и Василий Щербов*

Ксения вышла замуж за **Василия Степановича Щербова (1873-1918)**, богатого владельца поместья Рудлово в Смоленской губернии (местность уже не существует). Фамилия Щербовых тесно связана с другими известными родами Смоленщины.

Матерью Василия Щербова была **Ольга Владимировна Друцкая-Соколинская (1850-1918)**, а мужем его сестры Екатерины – **Николай Николаевич Опочинин (1853-1917)**, Ельнинский уездный предводитель дворянства. Вспомним также, что мать Николая де Лазари, **Елизавета Александровна Ахвердова**, была сестрой губернатора Смоленской губернии, **Николая Александровича Ахвердова (1800-1876)**.

*Василий
и Ксения
Щербовы*

В имении Щербовых мой прадед прожил последние годы своей жизни в кругу семьи. Сохранились фотографии тех лет, снятые моим дедом Константином:

В Рудлово в саду

Нижнее фото: Евгения (Баженова), Ксения (Щербова), Александра, Константин, Валентина Дылева (де Лазари) и Иван Баженов

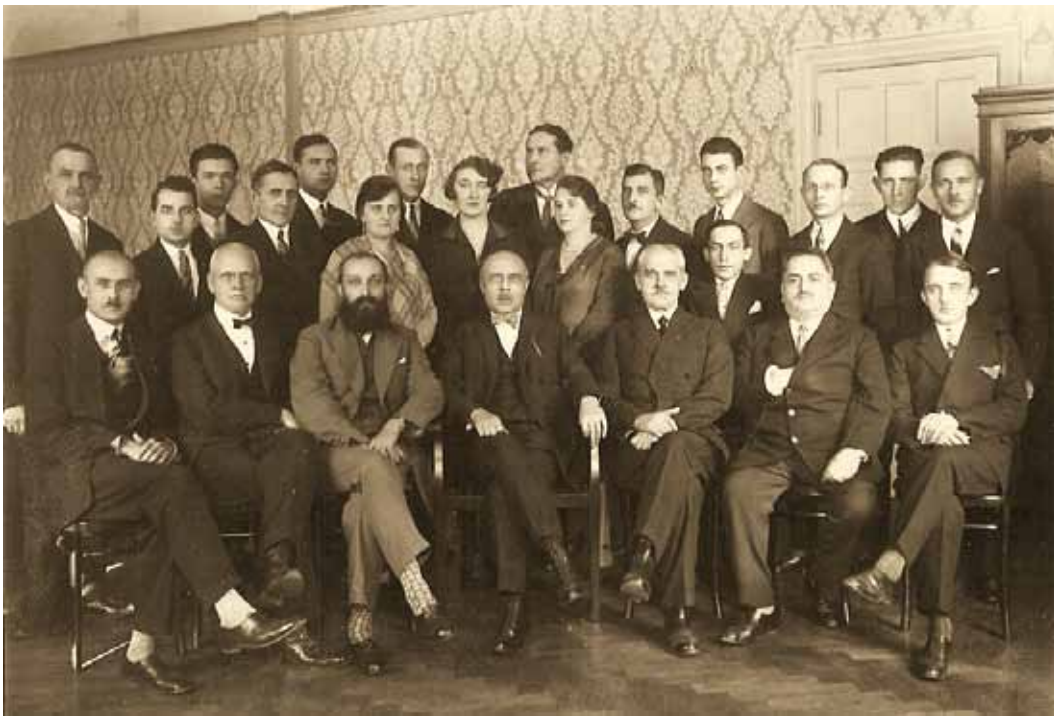

Рудлово дорого мне ещё тем, что там родилась моя мать, **Ирина Константиновна де Лазари (1919-1992)**.

*В Рудлово: бабушка
Наталья Алексеевна
де Лазари (1897-1957,
Подрезова);
в коляске моя мать —
Ирина де Лазари*

Моему деду Константину, благодаря тому, что он некоторое время служил на территории Польши и у него было небольшое поместье в Жуховицах (Пиотрковская губерния), удалось в 1922 году переехать туда. Поместье он продал, чтобы рассчитаться с первой женой, и поселился с семьей в Лодзи. Работал чиновником в налоговой инспекции.

*Налоговая инспекция в Лодзи — 20-е годы XX века
Второй справа сидит Константин де Лазари*

В Лодзи в 1926 г. в Геленовском парке

Ирина и Ия де Лазари

В Польше у моего деда были три дочери: **Ирина** (моя мама), **Ия** (1921-1994) и **Людмила** (1924-1997).

Ирина (третья слева) и Ия (вторая справа) среди православных учеников Немецкой гимназии в Лодзи (1933 г.)

Ия стала известным не только в Польше профессором этики в Лодзинском университете, автором работ о Махатме Ганди, Альберте Швейцере, о толерантности. Её мужем был **Тадеуш Павловский (1924-1996)** – логик и эстетик, также профессор Лодзинского университета. Похоронены они на Старом кладбище в Лодзи. Их дочь – Иоанна Павловская (1953).

*Ия
и
Людмила
де
Лазари*

Людмила вышла замуж за **Збигнева Скотницкого (1920-1998)** – прекрасного человека, борца Армии Крайовой. Избегая преследований, выехал в 1945 году на «Возвращённые земли». По образованию был инженером сельского хозяйства и работал агрономом, а потом процветающих совхозов на территории Померании и Великой Польши.

Людмила и Збигнев Скотницкие похоронены в Познани. Их дети – Ярослав (1947), Александра (1949), Пётр (1951), – внуки и правнуки живут в Познани и в Зеленой Горе.

Людмила и Збигнев

У Людмилы и Збигнева до последних своих дней жила Наталья де Лазари. Она была бабушкой, любящей своих внучат.

*Местность Модлимово.
Бабушка Наталья с внучатами:
Ярославом, Анджеем,
Александрой и Петром.
Рядом стоит Ия де Лазари*

Ирина замуж не вышла, а о моем отце мало знаю. **Дмитрий Дмитриевич Пичугин**, военный врач и моя мама зачали меня в лагере Deuchendorf bei Kapfenberg в Австрии в конце войны. Когда лагерь освободили советские войска, мать отправили в Польшу, а что с отцом – не известно. Узнать что-нибудь о нем через Красный

Крест не удалось. По всей вероятности попал в очередной лагерь. Осталось после него лишь одно вырезанное маленькое фото.

Так как мама свободно владела русским и немецким языками (училась в лодзинской Немецкой гимназии) в лагере занималась детьми, вывезенными с оккупированной территории СССР⁸. Потом детьми занималась до конца жизни – сначала мной, потом теми, с которыми не справлялись детские дома. В 1971 г. Ирину удостоили прекрасной наградой – Орденом Улыбки.

*Награждение
Ирины (вторая
слева) Орденом
Улыбки*

⁸ Ее воспоминания и воспоминания о ней помещены в книге: *Убитое детство. Сборник воспоминаний бывших детей-узников фашистских концлагерей*. Выпуск 1. «ИНКО»: С.-Петербург, 1993.

Фамилию де Лазари в Польше носят сегодня только: я, моя жена Эльжбета (учительница и переводчица) и наша дочь Катажина де Лазари-Радек, которая пошла по научному пути своей двоюродной бабушки Ии и стала преподавателем этики, кандидатом философских наук (готовит докторскую диссертацию). Её муж, Павел Радек – юрист.

Эльжбета де Лазари, Катажина де Лазари-Радек и Павел Радек

Наши внуки – Зося и Янек

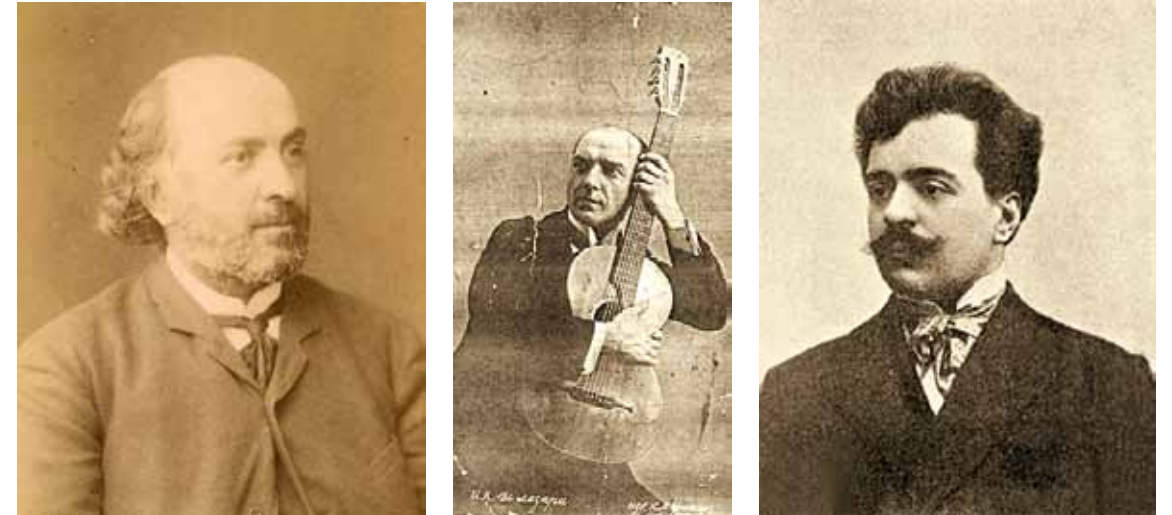
Из ветви Щербовых и Опочининых – единственная моя помощница по вопросам истории рода де Лазари: Галина Богдановна Поповская. Связаны мы таким образом: **я** – моя мать **Ирина** – её отец **Константин** – его сестра **Ксения** – её муж **Василий Щербов** – его сестра **Екатерина (Опочинина)** – её дочь **Екатерина Николаевна Страздынь** – её дочь **Ада Яновна Поповская** –

её дочь
**Галина
Богдановна
Поповская**

Семья Галины: дочери – Екатерина и Александра, муж – Сергей Витальевич Дрязжин, отец – Богдан Васильевич Поповский, брат Юрий и она (на фото нет Марии – приемной дочери Галины)

Делазари, живущие в России – в Москве и Петербурге (фамилию пишут слитно), – это потомки **Константина Николаевича (Константинова)** – актера-гитариста, брата Николая Николаевича, и его сыновей.

Константин Николаевич де Лазари (Константинов) и его сыновья: Иван (1871-1931, Ваня, гитарист) и Николай (1871-1941, писатель)

О некоторых упомянул я выше. Своими корнями они, к сожалению, мало заинтересованы.

В венецианской телефонной книге де Лазари страницы три...

Дионисий де Лазари (1764-1838), архиепископ острова Занте

Николай де Лазари

*НАБРОСКИ
НА БУМАГУ*

[Родословная и детство]⁹

[1] Достигнув того предельного возраста, когда становится понятна жизнь, невольно обращаешься ко всему прошлому, и воспоминания об этом прошлом, быть может никому не нужные, составляют потребность в борьбе с настоящим. Остановившись на этой мысли, мне желательно ознакомить детей моих с этими воспоминаниями, которые представляются набросками на бумагу того прожитого, что осталось у меня в памяти и что угнетало меня под конец моей жизни. «Дай Бог памяти». Так могу и я ныне сказать, приступая к этим наброскам. Начну от самых малых лет моей жизни, что только установится в памяти моей на 57 году от рождения.

Отец мой воспитывался во 2-ом кадетском корпусе и по окончании курса в 1806 г. был выпущен в Лейб-гвардии Финляндский полк. Из рассказов покойных моих родителей, отца и матери (рожденной Ахвердовой¹⁰, родной сестры бывшего губернатора Смоленской губернии, покойного генерал-лейтенанта Николая Александровича Ахвердова¹¹, и дочери генерала Ахвердова¹², бывшего воспитателя покойного императора Николая I), я помню, что в начале супружеской жизни как отец, так и мать были очень счастливы.

Николай Дмитриевич де Лазари

⁹ Заглавие и подзаголовки мои – А. де Л.; в квадратных скобках – номера страниц в рукописи и другие мои уточнения; сохранен стиль подлинника.

¹⁰ Елизавета Александровна Ахвердова (?-1860).

¹¹ Николай Александрович Ахвердов (1800-1876) – русский генерал грузинского происхождения, смоленский военный губернатор, сенатор.

¹² Александр Исаевич Ахвердов (?- 1808) был комендантом Кизляра и участвовал в Кавказских походах, а затем формировал калмыцкое ополчение для отражения нашествия Наполеона. Воспитателем же сыновей Павла I был его брат, Николай Исаевич Ахвердов (1754-1817).

*Елизавета Александровна
Ахвердова*

Отец мой, бывши ещё в молодых летах и чине поручика, был в числе тех офицеров, которые входили в состав организаторов Лейб-гвардии Волынского, а затем Литовского полка, но за какую-то дуэль в Варшаве, при наместничестве покойного Великого князя Константина Павловича, был посажен в Киево-Печерскую лавру, а затем сослан тем же чином на Кавказ, где и женился на моей матери.

Родился я в Крыму [21 марта 1837 г.], в г. Карасубазаре [Белогорск], где отец мой был полицмейстером. Родители мои имели два дома в Карасубазаре, виноградники в Судаке, [2] дом в Феодосии, где прошло мое детство, и вообще были людьми зажиточными. Хотя, по словам матери, всех детей у моих родителей было 12 душ, но я помню шестерых со мной. Старший брат Егор¹³, второй Василий¹⁴, сестра Екатерина¹⁵, брат Дмитрий¹⁶, я и брат Константин¹⁷.

Переходя к составлению моей биографии, я упущу подробные описания о моих братьях и сестре и перейду к моему детству. В период возраста моего от 7 до 11 лет во мне запечатлелось то ненормальное отношение отца моего к матери и детям, которое впоследствии имело громадное значение в жизни каждого из нас. Отец мой, Царство ему небесное, был весьма раздражительного характера, искал развлечений на стороне, он мало заботился о нашей матери и о воспитании нашем, и мы, братья Дмитрий, я и Константин, были предоставлены судьбе, причём я хорошо помню, как бедная наша мать часто проливала горькие слёзы, и я не знал причины этих слёз. Жизнь наша проходила в забавах на улице, с простыми мальчиками, и мало-мальский детский проступок

и шалость влекли за собой наказание от отца, с жестоким обращением с нами, в особенности и чаще всех доставалось мне, так как я был скрытен, сосредоточен в самом себе, и когда отец мой расспрашивал меня о совершенной нами шалости, то я всегда молчал и ничего не возражал на его крик и брань по адресу моему. Это упорное молчание выводило его из терпения, и истязаниям надо мной не было пределов. Тяжело вспоминать всё это, а ещё тяжелее писать об этом, а потому, не вдаваясь в подробности описания всех частных эпизодов моего детства, я для характеристики ограничусь лишь одним [3] фактом, который на всю жизнь остался мне в памяти.

*Елизавета Александровна
с детьми (Екатериной, Дмитрием и Василием)*

На дворе у нас было высокое дерево красной шелковицы (тутовое) и мы втроём (Дмитрий, я и Константин) стали рвать эти ягоды, но я до того увлекся этим удовольствием, что влез на дерево и, собирая ягоды, не заметил, как испачкал летние белые рубашку и штаны. Наша старая няня стала звать нас к обеду, и мы побежали в дом. Войдя в столовую, мы застали отца, мать и сестру сидящими за столом, и отец, увидя на мне перепачканный костюм в красных пятнах, встал из-за стола и, подойдя ко мне, спросил: «Это что такое?». Увидя эти пятна и чувствуя

¹³ Егор / Григорий (1826-1900), жена – Мария Григорьевна Стратонович.

¹⁴ Василий (1831-1899) – полк. жандармерии (Херсон и Петрозаводск), жена – Анна Михайловна Беляева.

¹⁵ Екатерина (1834-1854), муж – майор Мазан.

¹⁶ Дмитрий (1835-?).

¹⁷ Константин (1838-1903) – сценический псевдоним Константинов, актер, певец, гитарист, друг А. Островского.

себя виноватым, я промолчал. Отец подошёл к пяльцам, в которых вышивалась подушка, вынул вальки (палки), на которых была накручена канва, обе эти палки, а затем и все пяльцы изломал на мне. Бил он меня до тех пор, пока я не впал в бесчувственное состояние, а затем поднял меня с полу и, взяв за воротник рубашки, выбросил меня в следующий зал, запер на ключ двери, и я пролежал на полу до следующего утра.

Помню, что на другое утро был приглашен доктор, который поставил мне на шею пиявки, и отец, сидя у моей кровати, подарил мне 3 рубля (серебряными деньгами). После этого случая я уже не принимал никакого участия в детских играх и постоянно был задумчив, неразговорчив, и посторонние прозвали меня философом.

Николай Дмитриевич

[Кадетский корпус]

Так я прожил в доме родителей до тех пор, пока нас — меня, Дмитрия и Константина — не отвезли [4] в 1848 году в Петербург, где отец сдал Дмитрия в Дворянский полк, а меня и Константина во 2-й кадетский корпус. Директором корпуса в то время был генерал Бибииков¹⁸, бывший товарищ моего отца, и, вследствие этих отношений, мы и были приняты в число кадетов, несмотря на то, что положительно не были подготовлены к экзамену. Как ни тяжела была жизнь для меня дома, но, вспомнив бедную мать и разлуку с ней, грустно было проститься нам с отцом, который, сдав нас в Корпус и простившись, ни разу не навестил нас в бытность ещё его в Петербурге.

Чудно, странно, как-то жутко показалось мне, когда мы с братом остались в среде незнакомой нам массы кадетов. Но спустя некоторое время и близко познакомившись с товарищами, мы скоро душой и сердцем вошли в эту жизнь, несмотря на испытанные нами истязания со стороны старших кадетов и того испытания, которого никто из новичков не мог

¹⁸ Аполлон Ильич Бибииков (1795-1866)

миновать. Эти традиции передавались из года в год и, несмотря на всю тяжесть прежнего воспитания в корпусе, я и теперь часто вспоминаю это блаженное время. С каждым днём я втягивался в замкнутый мир кадетской жизни, где приобрёл отличных и достойных товарищей. Меня и брата в скорости все товарищи полюбили, и впоследствии мы стали «старыми кадетами». Это название давалось лишь тем кадетам, которые приобретали громадное значение в среде корпусной жизни и всюду были руководителями в борьбе с корпусным начальством.

Кадет Коля с родителями

Много пришлось бы написать мне бумаги и извести чернил при изложении подробной характеристики прежней кадетской жизни и тех эпизодов, из которых слагалась эта жизнь, а потому я ограничусь здесь тем, что скажу откровенно.

Как бы ни хулили прежние способы воспитания кадетов в стенах корпуса и какими бы варварскими ни представлялись теперь на глазах современного общества наши педагоги, корпусные офицеры, вроде Ельницкого, Бернатовича, [К.С.] Геракова, [5] Гейнера и многих других, которые считали потерянными и несчастным днём в их жизни такой день, когда кто-либо из кадетов не дран розгами за что-то. А уж дран-то, дран, как мне это представляется, судить моей шкуре и той боли, которую испытывал кадет под розгами, и редко можно было встретить кадета, который бы вышел из корпуса, не быв высеченным. Ни эти воспитатели-варвары, ни учителя наши, вроде [Юлия Францевича] Малакена¹⁹ и других, не вырабатывали характер кадетов, а самая жизнь в корпусе и та товарищеская школа, с которой

¹⁹ Юлий Францевич Малакен (1818-1880) — выходец из Франции, служил преподавателем французского языка..

ми роднились кадеты. Розги никогда и никого из нас не пугали, потому что каждый сознавал, что этот педагогический приём составляет всю основу прошлого воспитания, и на кадета, не подвергнувшегося наказанию розгами, смотрели как на отшельника из кадетской семьи, и тот был нетерпим в товарищеской жизни, да и само начальство говорило: «Ну, какой же ты кадет, когда тебя ни разу не драли?».

Я помню товарища моего, кадета Третьякова, который накануне порки поднялся на классный стол и просил кадетов бить его по известной части тела линейками, чтобы приучить его к терпению этой боли, дабы не подать звука, не только крика, когда его будут сечь, и вот мы достигали этой цели, не смели кричать и считали это мщением тому, кто производил порку. Бывали случаи, когда кадета запарывали до бесчувственного состояния, и его окровавленного выносили на простынях в лазарет. Волос становится дыбом, как вспомнишь эти порки, но зато сколько приятных воспоминаний остаётся у каждого о прошлой кадетской жизни!

В течение 6-ти лет от времени поступления моего в корпус я не знал, что такое отпуск, так как в Петербурге не было никого из моих родных, которые бы могли брать меня к себе, и только на 7-ом году, совершенно неожиданно, как-то во время обхода [6] вошёл в столовый зал какой-то генерал в сопровождении командира батальона полковника [Н.И.] Пальникова, весь корпус встал, генерал поздоровался с кадетами, и вслед за этим меня и брата вызвали к нему. Генерал этот оказался нашим родным дядей Ахвердовым, губернатором Смоленской губернии, и в тот же день взял нас к себе в отпуск на Охтинскую дачу, где мы познакомились с его семейством.

Николай Ахвердов

На другой день дядя повёз нас к генералу Чевкину²⁰, и представил нас, затем к бабушке нашей, Н. Г. Потемкиной. Но почему она была нам бабушкой, я объяснить родства не могу, и вероятно потому, что у нас

был родственник Потемкин, моряк, который был женат на племяннице

²⁰ Константин Владимирович Чевкин (1802-1875) – в 1855-1862 годы главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями.

отца моего²¹. В детстве я помню многих родственников наших, живших в Феодосии, Карасубазаре и Симферополе. Вслед за знакомством нашим с дядей Ахвердовым обнаружился ещё родственник, инженерный офицер Стратонович, живший в Царском Селе, на его родной сестре [Марии Григорьевне] был женат старший брат мой Егор.

В течение последних трёх лет мы с братом ездили в Охту к дяде и к Стратоновичу, но не часто. Как в доме дяди, так и Стратоновича все ужасались нашими манерами, присущими в то время старшим кадетами. В течение всего пребывания нашего в корпусе мы получили только 2-3 письма из дому от матери и по настоянию начальства написали одно или два письма домой. Никаких денег и лакомств мы ни от кого не получали и только пользовались теми деньгами, которые давали нам на извозчика и, сохранив эти деньги на лакомство, мы возвращались из отпуска в корпус пешком из Охты либо от Царскосельского вокзала, и на отпущенные [7] на извозчика деньги покупали что-нибудь и приносили в корпус, чтобы съесть кушанье вместе с закадычными товарищами. Были у меня товарищи и с небольшими средствами, присылаемыми из дому, и все они с удовольствием делили с нами пирушку. Пирушкой у нас называлось, когда в чистильне (где мы чистили сапоги свои и куртки) и по воскресеньям дозволялось на свои деньги посылать дядьку в лавку купить несколько пеклеванных хлебов с маслом, зеленого сыру, маковников, леденцов паточных, ватрушки и т.д., и когда дядька приносил это, то посылавший его кадет собирал своих близких товарищей в чистильню, и все принесенное делили между нами, и тут же съедалось все в один присест, что и называлось пирушкой.

Я помню такой фарс с моей стороны. Бывши во 2-м общем классе, учитель раздал нам бумагу и предложил всему классу написать сочинение, предоставив каждому избрать тему по своему усмотрению и чтобы наверху листа каждый написал название сочинения. Получив большой лист бумаги, я стал думать над тем, что мне писать, и, просидев довольно продолжительное время, я обратил внимание, что некоторые кадеты уже стали класть исписанные листки на кафедру перед учителем (Ломан²² был учителем). При этом Ломан предупредил, что, кто до перемены урока не успеет подать сочинение, тому будет поставлена в журнале 1. В последние 10 минут до перемены, желая спустить [8] свой лист,

²¹ Мария Степановна – дочь Елены Дмитриевны (де Лазари) Чевати (1786-?; сестры отца НН) – была женой Константина Сергеевича Потемкина (1795-?).

²² Николай Логинович Ломан (1830-1890) в 1862 г. вместе с С. А. Случким издал „Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса” в связи с его столетним юбилеем.

я крупными словами наверху листа написал: «Сочинение кадета II класса, 2-го Кадетского Корпуса, 2-й роты, 2-ой с флангу, 2-ой камеры, 2-ой кровати Н. де Лазари на тему 20 коп. серебром: Пеклеваник с маслом 5 коп. Маковников на 4 коп. Леденцов на 3 коп. Дядьке 3 коп. Итого 20 коп».

Так как мой лист был подан один из последних, то учитель обратил внимание, что на нём мало написано и тут же прочитал перед всем классом это сочинение и после общего хохота вклеил мне 1.

При мне в корпусе сменилось три директора. После генерала Бибикова настал ген. Путята²³, а после него ген. Степанов²⁴. Последний был самым любимым кадетами директором.

*Дмитрий
Путята*

*Пётр
Степанов*

Батальонным командиром был [Константин Христианович] Курсель, которого, по преданию, кадеты избили камнями в 1847 г. После Курселя был полковник Пальников. По натуре своей ленивый, очень добрый, но в те времена нельзя было снисходительно относиться к самой незначительной шалости кадетов и за все драли, а потому и он часто держался этой системы. Ведая фронтальной частью в корпусе, он всегда заискивал у кадет Гренадерской роты, и бывало, перед смотром либо майским парадом, приходил к нам в роту, мы все обступали его и просили двойную порцию булки с котлетами в середине (это давалось нам на плацу Марсового поля, перед парадом). Заручившись от старых кадетов обещанием, что мы постараемся, чтобы на радость Государь был

²³ Дмитрий Васильевич Путята (1806-1889).

²⁴ Пётр Александрович Степанов (1805-1891).

доволен, Пальников со спокойным сердцем уходил домой, и на плацу действительно нам давали [9] по две булки.

Я с братом были в певчих, и у меня был довольно густой бас с октавой, хотя начал петь дискантом, и во время великого поста пел перед

алтарём «Да исправится молитва...». Помню, что раз во время церковной службы в церковь вошёл генерал Ростовцев²⁵ (в то время начальник всех военно-учебных заведений) и, простояв обедню, поблагодарил нас (трио) за пение и прислал нам из дому по 1 фунту конфет и по 1 серебряному рублю каждому.

Яков Ростовцев

Много бы пришлось мне говорить о прежнем кадетском воспитании в период моего пребывания в корпусе, где каждому из нас пришлось испытать массу отрадных и горьких минут в жизни, но этот период не изгладится из памяти. Наступало новое время и новые начала кадетского воспитания, и кадеты, мне подобные, не могли быть терпимы в корпусе, дабы искоренить закваску старых кадет, а потому и не дали мне окончить специальные классы и выпустили из Корпуса 16 июня 1856 года в Таврический гарнизонный батальон, куда я сам просился, на мою родину к отцу и матери. На обмундирование мне прислал мой брат Егор 125 руб. Стратоновичу, который и покупал для меня необходимое на первое время вновь испечённому офицеру.

Не зная, что ждёт меня впереди, прощание мое с надёжными товарищами было самое трогательное, так как в этих товарищах я терял родную мою семью, родных и дорогих мне братьев, которым судьба определит каждому разный путь, и Бог знает, где и когда придётся нам свидеться. Со мной вместе и туда же вышел из корпуса Дм. Хартулари, и мы вместе двинулись в далёкий путь. На то время [10] существовала только Николаевская жел. дорога, и от Москвы мы ехали на перекладных до самого Симферополя.

²⁵ Яков Иванович Ростовцев (1803-1860).

Документ, производящий Николая в прапорицки

В пути (фото Константина де Лазари, конец XIX века)

[В Симферополе]

Итак, каков ни на есть, а всё-таки я офицер, человек, вступивший на самостоятельную жизнь, и вот теперь начинается повествование мое, которое, вероятно, заинтересует читающего эти строки. Ни повесть, ни роман и ни сказку я хочу представить моим детям, а лишь исповедь мою обо всем прожитом и минувшем писать. Обладая я способностями романиста, конечно, вся жизнь моя была бы небезынтересным романом, но что выйдет из-под пера, кото-

рое набрасывает на бумагу эту одни только воспоминания мои, — судить в будущем не мне.

В течение всего путешествия нашего я невольно предался мыслям: что найду я в Симферополе, где мои отец и мать и какая встреча будет с ними, после 8-летней разлуки? Как живут они, где, у кого я найду себе пристанище, как пойдёт моя служба и т.д. — к разрешению этих вопросов я подъезжал с замиранием сердца.

Вот и Симферополь, куда мы прибыли днём, переночевав для этой цели на последней станции. Из Екатеринослава [Днепропетровска] мы сопровождали жену, троих дочерей и гувернантку Стратоновича и познакомились со всей семьей его, причём дочь его Александра произвела на меня сильное впечатление.

Мне указали квартиру брата Егора, где я застал и отца моего, гостившего в то время у брата. Семья брата в то время состояла из жены и одного сына, 5 л. мальчика Коли²⁶. После радостной встречи с отцом и братом меня невольно тянуло увидеть скорей мою дорогую мать, и я спросил: «А где же мама?» На этот вопрос отец холодно ответил: «Твоя мать в Карасубазаре, и тебе нужно взять отпуск у командира батальона после представления к нему и поехать туда. Когда тебя отпустят, [11] мы поедем вместе в Карасубазар».

Брат мой предложил мне отдельную комнату у него в квартире, где я и поселился. Он тогда был чиновник Интендантской комиссии. На другой день я представился командиру батальона полковнику Корец-

²⁶ Николай Григорьевич де Лазари (1853-1885), жена — Анна Исаевна Иванова (?-1909).

кому, который, по знакомству его с моим братом, принял меня очень любезно.

Прошло несколько дней моих представлений и знакомств, и я отпросился у полковника Корецкого на 28 дней в отпуск в Карасубазар, куда и выехал вместе с отцом. Отец мой уже давно оставил службу и жил на небольшую пенсию по чину его коллежского асессора, получая пенсию и на выслуженные ордена. Приехали мы в Карасубазар под вечер и остановились у небольшого домика, куда и вошли с отцом, но радостные мне мечты о предстоящей внезапной встрече с матерью разлетелись в прах, так как мать моя жила на другой половине дома, и тут же у меня содрогнулось сердце, предчувствуя что-то недоброе, тяжёлое – вход с половины отца к матери был наглухо заперт. Узнав о моем приезде, мать послала служанку на половину отца и та сказала ему, что «барыня желает видеть Н.Н.».

Не ожидая ответа со стороны отца, я кинулся с горничной через двор на половину бедной моей матери и застал её сидящей на кровати. Бросившись в объятия, я долго не мог прийти в себя от рыдания, и матери от слез сделалось дурно. Успокоив её, оказалось, что она больше уже 8-ми лет как лишилась возможности ходить и передвигалась с помощью кресла на колёсах, которым не часто и пользовалась [12] при тяжёлой для неё процессии пересадки с кровати в это кресло и обратно. Что чувствовало мое сердце и насколько страдала душа моя, не всякому понять это, не испытавши того, что я перенёс в эти первые минуты нашего свидания.

Елизавета Александровна

Просидел я с моей голубушкой до самого рассвета, знакомясь с её несчастным бытом, и, несмотря на физическую усталость от дороги, на все нравственные утомления, я не мог уснуть ни на минуту. На другой день я оставался при матери, и многие её близкие знакомые, узнав о моем приезде, приходили навестить её и порадоваться за неё. Но сколько мать и скрывала передо мной о своём грустном положении в жизни, ни словом, ни намёком она не желала затронуть либо упрекнуть отца, но родственница наша, Екатерина Михайловна, сестра

Булатовых²⁷, высказала мне весь тяжёлый гнёт жизни моей бедной матери, которая, несмотря на мое нежелание идти на половину отца, упростила меня, ради любви к ней, пойти к отцу и стараться быть с ним больше, чем с ней. Недолго мне пришлось погостить в разных половинах моих родителей, и, спасая мать, я должен был выехать из Карасубазара раньше срока моего отпуска, к чему послужила разыгравшаяся между мною и отцом драма.

Как-то вечером на половине матери собралось несколько человек, гостей и родственников наших, разделить с ней радость по случаю моего приезда. Так как гости засиделись, то мать приказала готовить что-нибудь к ужину, отца не было дома. Я послал горничную на половину отца принести графин с водкой и рюмку. На другой [13] день (горничная забыла отнести водку обратно), садясь в 12 часов дня к отцу за стол, отец захотел выпить водки и, подойдя к шкафчику, не нашёл там графина и рюмки, стал кричать, где графин, кто смел брать без его ведома. Объяснив ему, что водку я брал на половину матери для угощения вчерашних гостей, он, бывши что-то раздражённым и голодным, начал кричать мне, что он не хочет быть отравленным моею матерью, что он «много перенёс горя от этой подлой женщины», и стал бранить меня самыми неприличными словами. Вскипела во мне кровь на такую жестокою обиду моей бедной матери, не соображая о последствиях моего поступка, я соскочил с своего места из за стола, взял тарелку и бросил в отца, заставляя его замолчать; тарелка, попав в него, разбилась вдребезги и между нами пошла свалка, и меня обеспамятственного утащили при помощи горничной и какого-то грека на половину матери.

Весь день прошёл при малорадостном моем состоянии, и я успел обдумать там, что мне делать. Попросив у тамошнего полицеймейстера его дрожки, усадив в них мою бедную мать с внучкой (Я забыл сказать, что при матери моей находилась дочка покойной моей сестры [Екатерины, 1834-1854], бывшей замужем за майором Волынского пехотного полка Мазаном, и сиротка была на руках кормилицы, достигнув в то время 4-хлетнего возраста), я сам ехал с кормилицей на перекладных и рано утром выехал с ними в Симферополь, не успев выбрать самые необходимые из вещей матери. В то время, когда я усаживал мать в экипаж, отец подошёл к окну и смотрел на эту картину, но я не захотел проститься с ним.

²⁷ Сестра Михаила и Александра Булатовых. Женой Александра (1801-1874) была Мария Андреевна Голицина, а ее отец был женат на Нине Федоровне Ахвердовой.

В Симферополе жила приятельница моей матери, вдова княгиня Туманова²⁸, и мать дорогой просила меня везти её прямо к ней, пока я не устроюсь на отдельной квартире.

[14] В течение всей дороги мать моя плакала, и, так как она страдала ещё ногами и всякие неудобные движения экипажа либо толчок приносили ей страдание, мы должны были ехать осторожно и только к вечеру подъехали в Симферополь, к дому Тумановой. Поместив её в комнату, я тотчас же взял извозчика и поехал к брату, который вместе с женой навестил мать. На другой же день на той же улице, где был дом Тумановой, я нашёл квартиру из трёх комнат и кухни и, наняв её, с помощью брата и других меблировал кое-как эту квартиру и перевёз туда мать с внучкой Лизой и нянькой. Девочка Лиза оказалась весьма слабого организма, ребёнок и её жизнь поддерживалась лишь тем, что кормилица не переставала её кормить, хотя ей был уже 5-ый год.

Устроившись таким образом, мы начали свою самостоятельную жизнь, с громадным состоянием, потому что при матери не было никаких денег, а я получал всего лишь 37 рублей в треть. К нашему благополучию в приказе общественного призрения у меня и у брата Константина оказались деньги, положенные на наше имя крестным отцом нашим генералом Шатиловым²⁹ – по 500 рублей на каждого, и капитал этот удвоился. Вот эти деньги, по получении их из кассы, и послужили к устройству меня с матерью.

Зажили мы мирно и тихо с моей страдалицей и племянницей Лизой. Брат Егор часто навещал нас и не оставлял меня без помощи. Все знакомые, зная лишения матери, навещали нас, принимали живейшее участие. Жена губернатора³⁰, Надежда Ивановна Жуковская, приехала сама познакомиться с матерью. Все это отрадno действовало на мать, и она успокоилась душой и сердцем. Так прожили мы конец 1856 года и отрадno встретили новый 1857 год.

[15] В период этого времени я успел ознакомиться со службой, и полковник Корецкий назначил меня помощником казначея, и я ходил регулярно в канцелярию на занятия, избавившись от караульной службы, в тюремном замке. Полюбив танцы, я стал посещать собрания, вскорости сделался необходимым танцором на всех официальных и частных вечерах, на которых неотступно ухаживал за родной сестрой жены мое-

²⁸ София Никитична, жена Бориса Сергеевича Туманова (1800-1856).

²⁹ Иван Яковлевич Шатилов (1771-1845).

³⁰ Григорий Васильевич Жуковский (1800-1880).

го брата Александрой Григорьевной Стратонович, влюбившись в неё, и она смотрела на любовь мою как на привязанность юноши. Но, прожив год в чадy моей любви к этой девушке, судьба разлучила нас, так как Стратонович должен был оставить службу и, выйдя в отставку, уехать с семьей на жительство в Петербург.

В конце 1857 года, 6-го декабря я, в числе приглашённых, был в собрании на балу, который давал Н. Н. Куликовский³¹ по случаю своих именин. На бал этот я был представлен семейству б. корпусного командира Гельфрейха³², который прибыл из имения своего на южном берегу Крыма и остановился в доме губернатора. Наличная семья его состояла из жены, дочери Мальвины и младшего сына Константина. Я пригласил М. на кадрили, и во время разговора с ней она подробно интересовалась узнать о положении моей матери и вообще родных, причём заявила, что она с мамой и братом желают навестить мою мать, чтобы познакомиться. По окончании кадрили, поблагодарив её и усаживая в гостиную, она спросила, не желаю ли я танцевать с ней мазурку, если не имею ещё дамы. Я с удовольствием пригласил её на мазурку. Так как брат её не танцевал мазурки, то в течение этого танца он сидел с нами и мы вели общий разговор, во время которого оба они были очень оживлены, что дало мне повод больше ознакомиться с ними. Этот вечер, как имевший большие последствия в моем знакомстве с ними, навсегда сохранится у меня в памяти.

[16] На другой день генеральша Гельфрейх с дочерью и сыном приехали навестить мою мать и, просидев с ней около часу времени, заявили, что Жуковские поручили им забрать меня к ним на обед, и я вместе с ними отправился к губернатору. После обеда Мальвина села за рояль и стала петь. Голос её меня очаровал, и я, потеряв голову, влюбился в неё. Брат же её до такой степени полюбил меня, что когда вечером я уезжал от Жуковских, то он пожелал непременно проводить меня и, доведя до моей квартиры, стал прощаться со мной, при чем заплакал и так целовал меня, точно родного брата провожал в далёкий путь, заявив, что они должны скоро уехать, и ему очень грустно расставаться со мной.

В Симферополе проживали Степановы, он отставной майор, женившийся на вдовой купчихе, и имели магазин. Степановы хорошо жили, при хорошей обстановке, и были знакомы с семейством Гельфрейх, по-

³¹ Николай Николаевич Овсянко-Куликовский – в годы 1854-1860 и 1864-1875 губернский предводитель дворянства.

³² Егор Иванович Гельфрейх (1788-1865) после ухода на пенсию поселился в своем имении вблизи Ялты.

знакомившись раньше где-то на пароходе. Перед отъездом Гельфрейх они устроили у себя вечер, и я неотлучно находился при Мальвине, постоянно танцуя с ней. После ужина при прощании М-м Степанова по секрету сказала мне: «Ну, дорогой мой Н.Н., наша барышня втюрилась в вас как кот в сало». Хотя я принял это за шутку, но шутка эта заставила разгореться моему сердцу, и я стал задумываться о моей Мальвине не на шутку и успел заметить, что я действительно симпатичен ей. Гельфрейх уехали к себе в имение, и я стал скучать по ним. Спустя некоторое время по отъезду их я получил очень любезное письмо от брата Мальвины, в котором он изливался в привязанности и любви ко мне, сообщил, что отец написал письмо к полковнику Корецкому и просит отпустить меня к ним на южный берег. Я, конечно, с радостью поехал к ним и прогостил у них в им. Наташино две недели.

В этот период я окончательно [17] влюбился в Мальвину и все время был в чад от любви к ней. Наши уединённые прогулки вдвоём по их имению, свидания в гроте разгорячили обоюдную страсть, и объятиям и поцелуям не было конца при клятвах любить друг друга. Отношения мои к Мальвине настолько стали близки, что она готова была отдаться мне вполне, но, благодаря моей неиспорченной и ещё не избалованной женщинами натуре, опомнился вовремя и скрепя сердце избегнул того, что могло иметь громадные последствия в жизни нашей. Переговорив с ней, как-то в лунную ночь, сидя на балконе, о том, что рано или поздно судьба должна связать нас и соединить браком, она сама просила меня расстаться с ней для испытания, тем более что старики родители её стали замечать увлечение наше друг другом, и делали ей замечания. Брат же её в это время ревновал меня к сестре своей, и между нами были частые ссоры.

Сознавая всю предстоящую мне и Мальвине опасность нашей любви, я пожертвовал разлукой с ней ради нашего благополучия, и уехал домой. Мать моя заметила во мне перемену и старалась успокоить меня, но любовь моя разгоралась все больше и больше, тем более что между мною и Мальвиной установилась частая переписка, которая поддерживала во мне страсть к ней. В этот период к Гельфрейху приехали его старшие сыновья Михаил, Егор и Лев (последние два были гусарскими офицерами, а старший брат управляющим палатой гос. имуществ, кажется, Екатеринославской губ.). Сыновья-гусары приехали в Симферополь и опять забрали меня на южный берег в имение Наташино, где я уже не мог часто уединяться с Мальвиной, и только урывками, на

балконе, нам удавалось поцеловаться, расходясь после ужина по своим комнатам.

В это время я познакомился с соседями Гельфрейха, семейством Фрембтер, старшая дочь которых Луша была влюблена в Константина (брата Мальвины). Последнему было в то время лет 18-19, и он был замечательно красив и женоподобный. Составлялись частые кавалькады, гулянья, и мы все бывали вместе.

Зимой 1858 года вся [18] семья Гельфрейх переехала на жительство в Симферополь, и близость наша опять возобновилась. Пошли частые спектакли, балы, вечера, и я был неотлучно при Мальвине, участвуя вместе с ней и в любительских спектаклях, и все симферопольское общество было ознакомлено влюблённым увлечением нашим. Отец и мать Мальвины смотрели на меня как на родного сына, ничем не выделяя меня от своих и даже помогали мне и матери моей материально. Мальвина же имела постоянно свои деньги, целовала матери моей руки, прося её не отказываться от денежной помощи, и по секрету давала ей то 25, 15 и 10 рублей.

Весь 1858 год симферопольское общество предавалось увеселениям, спектаклям, балам, вечерам не было конца, а в то время было громадное общество, и в течение зимнего сезона много барышень повыходило замуж, и я в качестве шафера был приглашаем на все свадьбы. Втянувшись в эту общественную жизнь, сделавшись постоянным членом всех общественных собраний, мне не приходилось унывать от того, что судьба не дала мне возможности окончить специальные классы в корпусе для приобретения более образовательного ценза, и из молчаливого, угрюмого кадета я стал весёлым офицером, пользуясь общим расположением и вниманием со стороны всего общества Симферополя, начиная от самого семейства тогдашнего губернатора ген.-лейт. Жуковского и кончая незначительным чиновником. За отсутствием личного адъютанта при губернаторе, последний отдавал мне поручения по должности адъютанта.

В том же 1858 году приезжал с Кавказа в отпуск родной брат мой Василий, который числился в Ширванском полку и состоял адъютантом при ген. Врангеле³³. Брата этого я почти не помнил, потому что он с малолетства воспитывался в Москве и был потом в Лазаревском институте восточных языков, откуда прямо поступил юнкером [19] на Кавказ. Отпуск брата был непродолжительным, и он, имея зазнобушку

³³ Барон Александр Евстафьевич Врангель (1804-1880).

на Кавказе (живя там в связи с женой одного начальника), торопился возвратиться туда.

Василий Николаевич

Но, несмотря на эту непродолжительность, он очень полюбил, привязался ко мне, как только может полюбить старший брат младшего, и при отъезде его обратно на Кавказ мне тяжело было расставаться с ним, и я горько плакал.

Егор Николаевич

Старший брат Егор и жена его меня очень полюбили и баловали, радуясь моим успехам в обществе, брат,

как старожил этого общества и руководитель всех любительских спектаклей, помогал мне в приобретении необходимых вещей, для смен туалета, часто покупал перчатки, сапоги, жилеты и все, что нужно из приличной одежды молодого офицера. Жили мы довольно открыто, часто принимали гостей и выезжали на вечера к знакомым и в собрание, и я всюду бывал с ними вместе, сделавшись неременной частью его семейства.

Константин Николаевич

Раньше я забыл сказать, что в конце 1857 года приехал и брат Константин, который, от тоски по разлуке со мной и по родине, не мог оставаться в корпусе и по болезни вышел по гражданской части, с правом на первый чин, но этим не воспользовался и, прослужив недолгое время в гражданской палате, вышел оттуда и поступил юнкером в Волынский пе-

хотный полк, где недолго служил и уволился домой, поселившись со мной и матерью, получив тоже из Приказа общ. призрения свою часть, положенную крестным отцом ген. Шатиловым.

В 1858 году прибыли на службу, в тот же Таврический батальон, выпущенные из 2 корпуса Дядин и из Павловского Клодницкий, которые, не имея никого из родных в Симферополе, поселились у нас, а потому я должен был переменить квартиру на большую, и все мы оказались с моею матерью в одной квартире, получая от этих квартирантов по 5 руб. в месяц. [20] Жизнь наша в обществе этих молоденьких офицеров и брата моего Кости пошла веселее, и при нашей бедной матери всегда оставался кто-нибудь из нас в качестве дежурного, впоследствии перешел к нам и Хартулари, и так мы зажили припеваючи.

Не забыть мне того времени, когда из одного постоянного двора приехал ко мне какой то извозчик и заявил, что меня желает видеть брат мой Дмитрий, при чем подал мне клочок бумаги, на котором было написано: «Дорогой брат Коля. Приезжай спасти твоего бедного брата Дмитрия». Отправившись на этом извозчике на постоянный двор и зайдя в указанную комнату, застал там сидящего на голых досках деревянной кровати несчастного моего брата, в простой рабочей куртке, с расстёгнутым воротом грязной ситцевой рубахи, с сильно выгоревшей тканью на груди. Поцеловались с ним, и он объяснил мне, что прибыл в Симферополь пешком, зарабатывая себе пропитание, таская кули и мешки на пристанях, и что он пришёл из Нижнего Новгорода, где служил в странствующей труппе актёров по выключении его из Софийского полка.

Страшась за бедную и больную нашу мать, чтобы не представить его в таком грустном виде, я предварительно повёз его к брату Егору, где ему дали из старых вещей кое-какой гардероб и белье и, умывшись, он тогда только мог показаться матери, с которой не виделся 9 лет. Поселивши его у себя, первой заботой нашей было пристроить его где-нибудь на службу, но по прошествии 4-5 дней отказались от этой мысли, потому что Дмитрий оказался горчайшим пьяницей. Из рассказов его видно, что он из Дворянского полка был выпущен в юнкера Софийского полка, квартировавшего в то время в Варшаве. Наделав там массу проказ, он был выключен.

Между многими его выходками (потом рассказывал мне) был один замечательный факт. Выиграв в штос [21] у офицеров какую-то сумму денег, он от избытка удовольствия нанял извозчика, приказал ему снять все колеса и в таком экипаже проехал по всему Краковскому предме-

стью и, встретив коменданта, который, конечно, отправил его под арест.

Другой случай был такого рода. Бывши дежурным по лагерю, куда строго воспрещалось ходить женщинам, он в течение всей ночи разыскивал по лагерю проституток и к утру задержал их до 16-ти душ. В течение всего утра он мунштровал их, выстроив в одну шеренгу, и обучал поворотам, научив их здороваться с начальством, подвёл эту команду к бараку командира полка. Войдя с рапортом к командиру, он доложил, что его желают видеть новобранцы, которых он выстроил перед баракom (дабы эта команда не разбежалась, Дмитрий оставил её под наблюдением троих дневальных). Когда командир полка вышел, то он скомандовал им: «Глаза направо!», – и все проститутки ответили: «Здравия желаем, Ваше Высокородие!». Командир полка сильно рассмеялся и приказал брату отвести их в городскую ратушу. Дмитрий скомандовал им: «Направо, шагом марш!», – и в полном порядке провел их по всей Варшаве и представил в магистрат.

Впоследствии, когда мне пришлось служить в Царстве Польском, многие, с кем мне приходилось знакомиться из тамошних старожилов, узнав мою фамилию, спрашивали, «не было ли у вас брата или родственника в 1 Софийском полку?», и когда я отвечал, что это мой родной брат, то рассказам о всех его проделках не было конца.

В то время в Симферополь приезжал тоже из Кавказа в отпуск подполковник Константин Зафиропуло³⁴ с целью жениться, и так как он с малолетства воспитывался [22] в доме моих родителей, потеряв очень рано своих мать и отца, то на мою мать он смотрел как на родную и заявил ей откровенно цель своего приезда, с условием, чтобы девушка была с приданым. Зная всех барышень в Симферополе, я помог ему в знакомстве с семейством Коломейцевой, у которой была взрослая дочь, хотя и не красивая, но любила танцевать и выезжала на все вечера, за ней было приданное 8 т. рублей, и она понравилась Зафиропуло. Немного стоило мне сделать сперва М-м Коломейцевой, а затем и дочери её предложение от Зафиропуло, и свадьба состоялась. При отъезде их на Кавказ я воспользовался случаем и уговорил брата Дмитрия уехать с ними к брату Василию и написал последнему письмо, прося Зафиропуло принять в нем участие и определить его в какой-нибудь полк юнкером.

Таким образом Дмитрий уехал с ними. По приезде на Кавказ, по просьбе Василия, определили его в Ширванский полк, где он недолго прослужил, был выключен из полка за дурное поведение и опять пу-

³⁴ См. *Служба Ширванца 1726-1909 (История 84-го пехотного Ширванского полка)*, Тифлис 1910.

стился странствовать по белому свету. Дальнейшая судьба этого несчастного брата закончилась весьма печально – он умер в Нерчинских рудниках.

Брат мой Константин, поступив юнкером в Волынский пехотный полк, не мог долго служить и, выйдя в отставку, отправился в Одессу, где и поступил на сцену, которая и была его дальнейшей карьерой. Три мои брата: Егор, Василий и Константин – в дальнейшей судьбе моей, по улучшении моего быта, всегда принимали доброе участие, и о каждом из них мне придётся сказать в своём месте в дальнейшем повествовании.

[23] Любовь и привязанность моя к Мальвине усиливалась, страсть к ней разгоралась, и я был как в чаду.

В это время у нас был уже другой командир батальона майор Бурмейстер [Федор Адольфович], у которого была милейшая жена Анна Аполлоновна. Оба они, по первому знакомству, стали благоволить ко мне и отличать от других офицеров. Вскорости по принятии батальона Бурмейстер сделал меня казначеем, а в то время должность эта была самая трудная, многосложная и хлопотная, в особенности по пересылной части и по отчётности. Приняв эту должность от поручика Утулова, я по неопытности не мог подробно учесть и проверить правильность статей прихода и расхода по всем этим статьям и выдал ему чистую квитанцию в приёме отчётности.

Так прошёл 1859 год, роман мой с Мальвиной продолжался, и она дала мне слово выйти за меня замуж, если составлю себе приличное положение в жизни. Мать моя в это время стала больше и больше ослабевать здоровьем, а я подал перевод в Минский пехотный полк, где был командиром полка полковник Кирьянов, и полк в то время квартировал в г. Керчи.

16 апреля 1860 года состоялся мой перевод в Минский полк, а 22 апреля умерла моя бедная мать, при полном сознании. За три дня до смерти она поручила мне выписать из Карасубазара отца, в то время брат Костя был у отца. 21 апреля вечером она собрала у своей кровати всех наличных и близких ей людей, отца, брата Егора с женой, меня и Костю и начала говорить о том, что жизнь её представляет роман, в котором она играла самую угнетающую роль. Она давно молила Господа послать ей смерть и только теперь Господь услышал эту молитву, что она собрала нас подле себя для того, чтобы со всеми проститься и каждого благословить, жалея, что при ней нет сыновей Василия, Дмитрия и зятя

Мазана, обратилась к отцу она, не делая ему никакие упрёки, сказала, что прощает ему все прошлое, просит его простить её и просит в молитвах к Богу о вечном её покое. Ко всем из нас она обращалась отдельно, благодарила меня как доброго сына, что дал ей возможность недолгие годы её жизни провести счастливо.

[24] Всю сцену, раздирающую душу и сердце, нет возможности описать и нет возможности припомнить тех слов, которые она высказала, умирая и прощаясь с нами. Хотя я и составил, по возможности, подробное описание этого прощания, но послал письмо брату Василию на Кавказ и теперь не могу припомнить многого. С 21-го на 22-е апреля, ночью, бедная страдальца отдала Богу душу.

Весть о её кончине облетела весь Крым и со всех городов съехались все родственники и знакомые, чтобы отдать последнюю дань праху той, которую так любили и уважали все, знавшие её лично, в особенности хорошо ознакомленные с её жизнью, в течение которой так много страдала бедная моя мать, Царство Ей Небесное. Нужно было быть на похоронах и видеть там громадное стечение народа, чтобы быть свидетелем, насколько эта бедная женщина пользовалась любовью и расположением, которые она приобрела в течение более 30-летнего периода жизни в Крыму.

Со смерти матери я торопился выехать из Симферополя и стал сдавать должность казначея, причём комиссия, назначенная для приёма всех грехов бывшего казначея, насчитала на меня, и так как мне было совершенно не до того, то брат Егор помог мне и оставил в обеспечение 800 руб., на которые был на меня начет, и я, простившись со всеми, выехал на южный берег Крыма и заехал в имение Наташино, где прожил две недели, и пароходом из Ялты отправился в Керчь, к полку. Пробыв некоторое время в Керчи, я отпросился в отпуск, имея в виду скорое выступление полка в Одессу, и командир полка отписал мне приказом по окончании отпуска отправиться в Севастополь и с тамошним батальоном прибыть в Одессу. Опять я отправился в Наташино, где прогостил три недели, и для меня прощание с дорогой для меня особой было самое тяжёлое потому, что, прощаясь, я не знал и не мог определить, когда придётся нам свидеться. Расставаясь с ней, мы дали друг другу обещание не прекращать переписки и ничего не скрывать друг перед другом, при этом она меня благословила и надела мне на шею крестик.

[25] Простившись с моей Мальвиной, я отправился в Симферополь вместе с денщиком моим Аркадием, который служил при мне все время

в Симферополе и очень был привязан к моей покойной матери. Я забыл упомянуть о нем ранее, хотя этот человек заслуживает внимания как преданный и честный, готовый на всякую жертву для своего барина, и подобный тип денщика мог существовать лишь в прежние, давно минувшие годы. Выехав с ним вместе из им. Наташино на перекладной со всем своим багажом, я заметил, что мой Аркадий был несколько выпивши, как видно его угостила прислуга ген. Гельфрейха при прощании, хотя это редко случалось с ним. Выехали мы тройкой в дышло, и с правой стороны была пристяжная. Проехав две станции от г. Ялты, Аркадий, сидевший рядом со мной, стал вздыхать, жалея о смерти моей матери и совершенно для меня неожиданно стал высказывать следующее: «Знаете, Н.Н., я вашу матушку очень любил, а уж батюшка-то ваш, чтобы ему пусто было, загубил жизнь бедной барыни». На это я приказал ему молчать, предупредив, что он не смеет так говорить про моего отца, и он ответил: «Виноват, Н.Н.» Как видно, водка стала его разбирать, и он, забывши, опять начал бранить отца. Видя, что до станции остаётся 3 версты, я приказал ямщику остановиться, а Аркадию сойти с перекладной и идти до станции пешком, а сам поехал.

Прибыв на станцию, я стал поджидать прихода Аркадия и прождал с ½ часа времени. Аркадий подошёл к станции в то время, когда уже были поданы лошади, и как ни в чем не бывало доложил мне: «Н.Н., лошади готовы». Усевшись опять с ним на перекладную, он ни слова больше не говорил, и мы тронулись. На одной из станций, кажется, Ай-даниль, попался мне ямщик, большой говорун, а дорога представляла большой спуск извилинами, и внизу, на расстоянии 17 в., была видна следующая станция. [26] С левой стороны была скала, а с правой обрыв. Ямщик, поминутно разговаривая и оборачиваясь ко мне лицом, не заметил, как правое переднее колесо наскочило на большой камень каменной изгороди, и толчок был такой сильный, что мой чемодан, стоявший передо мной, упал на левую сторону на землю, и от правой пристяжной отскочил валик с постромками, который стал бить пристяжную по ногам. Лошадь эта стала лягаться, сбила ямщика с облучка, и вся тройка понесла в то время, когда Аркадий соскочил, чтобы поднять чемодан. Лошади совершенно сбили ямщика, и он очутился под перекладиной, тащась на вожжах, заброшенных у него за спину. Вожжи оборвались, и бричка легко катилась за лошадьми, подбрасывая меня с одной стороны на другую, и я инстинктивно лёг на бричку головой к лошадям и держался за козлы, чтобы не упасть. В это время я заметил одну вож-

жу, болтающуюся на воле, и, подняв её, стал тащить к себе, и, к счастью моему, вожжа эта направила лошадей на скалу, потому что оказалась левой вожжей от правого коренного, и дышло, ударившись о скалу, разломалось, а бричка подкатила к самой скале, и лошади стали.

При помощи двух татар при арбах с сеном, поднимавшихся по дороге навстречу, я смог поднять ямщика, сильно избитого и кричавшего благим матом от боли, чемодан и моего Аркадия, который, выскакивая, ударился рукой в скалу и жестоко себя поранил в кисти руки. Осталось до станции 5 вёрст. Взяв с арбы сена и уместив на перекладную, я положил ямщика, завязал платком руку Аркадию и, усадив его на своё место, выпрягнул пристяжную и пустил её вперёд, затормозил вожжами все колеса, стал за ямщика и таким образом спустился к станции, привезя ямщика мёртвым. Под вечер я доехал до Симферополя, где заболел горячкой, пролежав два месяца моего отпуска. Заболел я от постоянной картины перед глазами этого случая и той опасности, которой я подвергся.

[Одесса, Попова Гробля, Бердичев, Январское восстание поляков]

[27] В сентябре месяце я, простившись со всеми, выехал в Севастополь и стал бояться всякого спуска с гор, и это чувство до такой степени вкоренилось во мне, что не только от больших гор, но от крутой лестницы у меня делается замирание сердца и выступает холодный пот.

Явившись в Севастополь к командиру батальона Минского полка, мне недолго пришлось прожить там, потому что вскорости по моем прибытии батальон со всем скарбом был посажен на военный корвет «Тигр», и мы отплыли в Одессу. В первый раз в жизни моей мне пришлось испытать такую морскую качку, которой в прошлом редко кто подвергался. В течение двух суток мы легко перекатывались от одной стены борта парохода до другой и обратно, и весь батальон страдал страшно. На 6-ой день мы прибыли в Одессу и пристали к какой-то хлебной пристани. Батальон расположили в хлебном амбаре. Взяв извозчика, я отправился разыскивать квартиру офицеров 14 стр. батальона братьев Кольбе, где жил и мой брат Константин. Поселившись у них, оказалось, что брат мой служит на сцене. В то время составила ка-

рьерера Комиссаржевского³⁵ и Абариновой³⁶, и в течение двухнедельного пребывания моего в Одессе мне довольно часто приходилось слушать этих певцов в операх.

В течение двухнедельного пребывания в Одессе я часто проводил время с Севастьяновыми, из которых Анюта мне очень нравилась. В Одессе я застал в полку поручика Анастасьева, сына генерала, с женой которого моя покойная мать была дружна с детского возраста, и мы очень сошлись с Александром Константиновичем, который впоследствии был Черниговским губернатором, а ныне сенатор. Карьеру свою Анастасьев³⁷ составил благодаря генералу Трепову³⁸.

В Одессе я получил письмо от Мальвины и ответил ей, прощаясь с ней по случаю выступления в поход в м. Чечельник Каменец-Подольской губернии. Поздно осенью мы прибыли на новую стоянку в м. Чечельник, и я был назначен в 3-ю Стрелковую роту поручика Бржеского, и мы отправились на зимние квартиры в д. Попова Гробля, в 16-ти вёрстах от Чечельника, штаб-квартиры. В 1861 году я был переведен в подпоручики, во время полкового сбора в Чечельнике 5 июня.

[28] Скучно и однообразно жилось мне в д. Попова Гробля в зимнее время, и все общество наше ограничивалось семейством тамошнего священника Бирта, у которого мы часто проводили время. Семья священника, кроме его самого, не говорила по-русски, хотя все они православные, и мне, как русскому, показалось это весьма странным, хотя впоследствии я перестал удивляться, потому что все дети и жена священника родились в той же деревне, где между крестьянами никто не говорил по-русски. Сотный командир мой Бржеский был тоже поляк, в роте солдаты были поляки, и мне пришлось поневоле привыкнуть и самому говорить по-польски.

В г. Ольгополь³⁹ городской клуб, и наша полковая музыка была нанята на весь зимний сезон. В течение зимы мы довольно часто ходили туда на вечера, где все общество было польское, и мы скоро сошлись с

³⁵ Федор Петрович Комиссаржевский (1838-1905) – певец; отец актрисы В. Ф. Комиссаржевской и режиссёра Ф. Ф. Комиссаржевского.

³⁶ Антонина Ивановна Абаринова (Рейхельт; 1842-1901) – певица и актриса.

³⁷ Александр Константинович Анастасьев (1837-1900). Сын генерала Константина Николаевича Анастасьева (1792-1879).

³⁸ Федор Федорович Трепов (1812-1889).

³⁹ Olhopol (Ольгопіль) – в честь великой княгини Ольги Павловны. 1812 г. селение было преобразовано в уездный город Ольгополь – центр Ольгопольского уезда. С 1923 – село.

этим обществом на самую дружескую ногу. В полку у меня был молодой майор *Пилар фон Пильхау*⁴⁰, 24 лет, перешедший к нам в полк из штаба батальонов гвардии. С этим Пиларом я очень близко сошёлся, и так как он был довольно богат и очень добрым товарищем, то постоянно собирал к себе компанию офицеров, которых кормил и поил, имея слабость напиваться и в состоянии этом проделывал массу проказ с жидами, и шалости эти ему очень дорого стоили, так как платил им, чтобы они не жаловались на него, и жида стали его эксплуатировать. Из всех офицеров я только один имел над ним влияние, и, пользуясь

этим, неоднократно мне приходилось выручать его из беды. Фарсам его не было пределов, и он часто ставил меня в весьма неловкое положение. Не забыть мне один весьма оригинальный эпизод. Пилар всегда держал четвёрку очень хороших лошадей и экипаж. В г. Балте⁴¹ была большая ярмарка, и Пилар попросил командира полка разрешить ему съездить со мной на эту ярмарку, и полковник Козлянинов согласился.

[29] Усевшись с ним в коляску, он приказал денщику одеться в ливрею и сесть на козлы, и мы выехали из Чечельника. В течение всего времени нашей поездки он ни слова мне не говорил о желании его выкинуть какой-либо фарс и, хотя при нас было много водки, вин и прочих закусок, но он во время нашей остановки на одной из станций, для отдыха лошадей, почти ничего не пил и был совершенно трезвый. Подъезжая к г. Балта, Пилар приказал кучеру остановиться, попросил меня подняться с сидения и вынул из ящика архиерейский клобук и мантию и, облачившись в этот костюм, приказал кучеру ехать в город. Не зная положительно, где он мог приобрести это одеяние, я умаливал его снять и не делать скандал, но все мои просьбы были напрасны, и в таком виде мы въехали в самую толпу ярмарочной площади. Народ, видя такой торжественный поезд, снимал шапки, а Пилар благословлял их направо и налево, и, проехав по городу, мы заехали в заездный дом, где и заняли лучший №. Я уже не мог успокоиться от истерического хохота и бросился на кровать. Спустя минут 10 к нам в № вошёл балтский полиц-

⁴⁰ Фёдор Густавович Пилар фон Пильхау (1835-?).

⁴¹ Balta (Józefgród) – городок на реке Кодыма, основан Юзефом Любомирским.

мейстер и стал спрашивать: «Здесь ли остановился Преосвященный?» Конечно, мы объяснили, что никакого архиерея не видели, и полицмейстер напрасно искал его во всем заездном доме.

В том же 1861 году, летом, наш полк был вызван на усмирение крестьян, взбунтовавшихся против помещиков, и роты были отправлены по деревням на экзекуции. Подольский губернатор Брауншвейг⁴² приезжал в деревни и сёк зачинщиков, пока крестьяне не клялись, что они будут работать, солдат расставляли по крестьянским избам на полное содержание хозяев, и крестьяне усмирились.

8-я пехотная дивизия стояла в г. Бердичеве, и начальником этой дивизии был назначен генерал Манюкин⁴³, который перевёл и брата моего Василия в эту дивизию в достоинстве старшего адъютанта. Совершенно неожиданно я получил от брата письмо, [30] в котором он предложил мне взять отпуск и приехать к нему, с тем, чтобы в полк не возвращаться, и что ген. Манюкин переведёт меня в свою дивизию. Конечно, я вскорости собрался, взял отпуск, забрал денщика Аркадия и поехал в Бердичев. Там пришлось мне хорошо познакомиться с женой ген. Манюкина, которая в течение продолжительного времени имела такое громадное влияние на брата и на его жизнь.

Вскорости меня прикомандировали к Полтавскому пехотному полку 5 октября, а 2 ноября я был переведен в этот полк и назначен дивизионным жалонерным офицером. Начальником штаба дивизии был полковник Ружицкий⁴⁴, который очень дружно жил со всеми адъютантами и со мной, и мы все у него столовались.

Эдмунд Ружицкий

Ружицкий часто посещал семейство купца Шафнагеля⁴⁵ и ухаживал за его дочерью,

⁴² Рудольф Иванович Брауншвейг (1822-1880)..

⁴³ Захар Степанович Манюкин-Неуструев (1799-1882).

⁴⁴ Эдмунд Карлович Ружицкий (1827-1893) – полковник русской армии, генерал польского январского восстания, руководил восстанием на Волыни и Подолье.

⁴⁵ Ежи Стемпловский в „Бердичевском эссе» написал: «На улице Махновицкой, главной артерии Бердичева, находился магазин Шафнагеля, в который господа шляхтичи приезжали с близких и дальних местностей, особенно перед праздниками и семейными торжествами, за перцем, имбирем, ванилей и другими колониальными товарами. Это был центральный пункт польского Бердичева».

очень красивой молодой девушкой, и не скрывал перед нами о намерении своём жениться на ней.

Жили все мы в Бердичеве очень весело и часто устраивали пикники и вечера, на которых Ружицкий постоянно бывал вместе с М^се Шафнагель, время проходило беззаботно, и никто из нас не интересовался в то время политикой, и не знали, что творится на горизонте. Сидя как-то у Ружицкого, в среде весёлой и дружной нашей компании, после обеда, мы не обратили внимания на вошедшего в комнату одного из штабных писарей, который подал пакет Ружницкому с запечатанным штемпелем. Ружницкий стал читать письмо, и мы заметили, что во время чтения он бледнеет и у него дрожат руки. Прочитав письмо, он встал и ушёл в свою комнату и очень долго не возвращался, и все мы, напрасно прождав, предполагая, что он опять разделит с нами компанию, молча разошлись по домам. С того времени Ружницкий стал неузнаваем, вечно серьёзен, задумчив и сосредоточен в себе самом, и сколько мы ни старались узнать причину такой перемены с ним, все было напрасно. Перестав даже посещать Шафнагель, он по целым дням сидел у себя в комнате и все писал кому-то письма и сам относил их на почту. Так проходили дни, недели, и мы ничего не могли узнать от него; но, видно, ему и самому становилось неловко перед нами, заметив наше постоянное участие к нему, он как-то во время обеда объявил нам, что хочет подать прошение об отпуске, с тем чтобы жениться и [31] потом переехать куда-нибудь в Россию в другую дивизию.

На этой мысли мы все успокоились. Вскорости после этого Ружицкий уехал, простившись с нами, как с родными и близкими ему по сердцу людьми. Впоследствии я узнал, что Ружицкий в период всего времени польского мятежа был генерал-организатором польских войск, действуя в «жонде народовом»⁴⁶ из Парижа, где были организованы центральные управления из эмигрантов, руководившие мятежом. Многие же утверждали, что известный начальник банды, под фамилией генерала Крука, был не кто иной, как Ружицкий⁴⁷.

После отпуска Ружицкого на должность начальника штаба был назначен подполковник Квятковский, который был очень несимпатичен.

См. http://www.magyarulbabeiben.net/works/pl/Stempowski,_Jerzy_/Esej_Berdyczowski.

⁴⁶ Rząd Narodowy – Национальное правительство восставших поляков, созданное ночью 22-23 января 1863 г.

⁴⁷ Крук – не Ружицкий, а Михаил Гейденрейх, псевдоним «Крук» – Ворон (1831-1886) – польский генерал, повстанец.

Этот Квятковский влюбился в жену ген. Кармалина⁴⁸ и сошёл с ума.

Совершенно для меня неожиданно ген. Манюкина назначили начальником 2-ой дивизии, квартировавшей в г. Полоцке, и в канун 1861 года он переехал туда и перевёз с собой [моего] брата Василия, а 10 января 1862 года и я был прикомандирован к Либавскому пехотному полку, с назначением на должность дивизионного жалонера. Командиром Либавского полка был полковник Сурков⁴⁹. По прибытии в г. Полоцк ген.

Манюкин как начальник военного отдела назначил меня на должность чиновника этого отдела 2 февраля приказом по I-ой армии во время наместничества графа Лидерса⁵⁰.

Александр Николаевич Лидерс

22 марта я был переведен в Либавский полк. В это время на пограничных пунктах между нашими и прусскими офицерами завязалась дружба. Из г. Млава многие офицеры Ревельского полка ездили в ближайший Нейденбург [Nidzica], где они были радушно приняты местным гарнизоном. После этот Ревельский полк устроил у себя в собрании вечер для прусских офицеров с их семьями, и об этом вечере напечатали в берлинских газетах, где восхваляли гостеприимство русских. Тогда прусский король через военного министра пожелал, чтобы прусские офицеры отблагодарили русских. В нашу дивизию от всего нейденбургского гарнизона и городского общества были присланы приглашения на бал в Нейденбург, и в числе многих офицеров поехал туда и я с братом. 25 марта мы выехали с братом обратно на г. Млаву, по прибытии куда нас встретила депутация от гарнизона и города, а также от окрестных нейденбургских помещиков. На другой день все громадное общество русских офицеров в великолепном поезде из 12

⁴⁸ Николай Николаевич Кармалин (1824 -1900) – генерал-майор. Его жена Любовь Ивановна Кармалина (рожд. Беленицына) – известная в своё время певица-любительница.

⁴⁹ Иван Александрович Сурков (1809-1872) – в 1854 был назначен командиром Либавского полка; потом губернатор люблинский.

⁵⁰ Александр Николаевич Лидерс (1790-1874) – с 1861 г. наместник в Царстве Польском и главнокомандующий 1-й армией.

экипажей и саней, в разукрашенных сбруях на лошадях, с передовыми верховыми двинулось в путь, и к вечеру прибыли в Нейденбург.

В городе этом [32] заранее был приготовлен большой дом, с убранством комнат, с весьма удобными кроватями, умывальниками для всех нас, и в большой зале был накрыт стол для предварительного подкрепления своих сил чаем, кофеем и разными закусками, а затем дали нам время переодеться к предстоящему балу.

В 10 часов вечера подъехали городские экипажи с депутацией для доставки всех нас в городскую ратушу, где был устроен бал. Все здание ратуши было убрано снаружи и внутри русскими флагами, все дамы в белых платьях, и при появлении нашем музыка заиграла русский народный гимн. Затем все мы были представлены наличным дамам, и бал был открыт полонезом.

По окончании танцев был подан великолепный ужин, за которым подле каждого офицера сидела дама. Во время ужина много было говорено речей за взаимные дружеские отношения между Пруссией и Россией, и в 7 часов утра нас всех опять доставили в отведённые для нас помещения. В 1 час пополудни был сервирован в той же ратуше завтрак, и всех нас разобрали помещики к себе в именья, и в течение 7 дней для нас ежедневно устраивались вечера, поочерёдно у каждого из этих помещиков, куда нас и возили из дома в дом. По возвращении нас в Полоцк об этом празднестве было написано в русских столичных газетах.

В польском обществе, всюду в Царстве Польском, настало какое-то брожение, и поляки к русским офицерам и солдатам стали относиться недружелюбно. Отношения наши стали обостряться, и поляки, в особенности польки, на каждом шагу начали оскорблять офицеров, выливать из окон разные горшки на офицеров, проходящих по улицам. В это время начальником уже был князь Горчаков⁵¹.

Народ польский, под главенством агитаторов, против русского правительства стал собираться в костелы и петь запрещённые гимны: «Боже, цось Польске», «С дымом пожаров». Все эти демонстрации уже неоднократно были описаны в печати, а потому я не буду повторять уже известное, но скажу, что мне, как чиновнику военного отдела, на обязанности которого лежала проверка и расследование всего антиправительственного со стороны поляков, тяжело и жутко становилось поспевать везде и следить за всем, что творится.

⁵¹ Александр Михайлович Горчаков (1798-1883).

Александр Михайлович Горчаков

Энергичных [33] распоряжений со стороны нашей администрации никаких не было, и русские войска безнаказанно оскорблялись на каждом шагу. Все это нас только поражало, и мы безропотно переносили все эти оскорбления. Начальником штаба 2-ой дивизии был в то время полковник Гейнц, и мы с ним вели дневник всего совершающегося на позор наших, описывая лишь современное положение, не вдаваясь в критику той либо другой стороны, и из этого дневника можно было установить те промахи и ту несостоятельность представителей администрации в Крае, которые имели впоследствии громадное значение и дали возможность полякам восстать против правительства с оружием в руках и восстанием этим принести в жертву такую массу народа.

В августе месяце последовало распоряжение о передвижении нашей дивизии в Северо-Западный Край в распоряжение генерала-губернатора Назимова⁵².

Владимир Иванович Назимов

23 я был командирован в Виленскую и Гродненскую губернии для составления подробной диспозиции о распределении дивизий, и в ноябре месяце, окончив диспозицию, прибыл в Вильну. Штаб дивизии расположился в г. Гродно, по прибытии куда брат мой познакомился с семьей отставного полковника Беляева и влюбился в его дочь Анюту 15 лет, к которой приревновала М^м Манюкина, и после весьма крупных сцен с последней Василий 9 февраля 1863 года сделал предложение, и был обручен с Анной Михайловной при условии, чтобы венчание было не раньше как по прошествии года.

В Гродно я познакомился с семейством полицмейстера полковника Змиева, у которых проживали отец и мать его жены старики Химот-

⁵² Владимир Иванович Назимов (1802-1874) – виленский генерал-губернатор.

ченко, и к ним приехал сын их, только что произведённый в офицеры в сапёрный батальон, подпоручик Владимир Химотченко⁵³. Хотя отпуск его в виду начавшихся военных действий продолжить не дали, но он очень полюбил меня, и ежедневно приходил за мною к ним на обед. Настало время отъезда, и отец и мать страшно убивались и горевали по случаю разлуки и в горьких слезах прощались с ним. Химотченко, уезжая и прощаясь со мной, обещал писать мне.

[34] По отъезде его из Гродно в течение долгого времени ни я, ни родители не получали никаких известий от него, и старики очень тревожились, ежедневно спрашивая меня, не получил ли я письма от Володи, высказывая свои предположения, что, вероятно, он болен или ранен, или убит, и предчувствия эти их не обманули. Спустя месяц времени я получил письмо из Ивангорода от старшего врача тамошнего военного госпиталя с извещением, что Химотченко попал в экспедицию транспорта денежной почты из Ивангорода в Варшаву, при двух сапёрных ротах, и при нападении на эти роты банды мятежников в Зеженском лесу получил 9 ран, от которых находился при смерти. При этом письме было приложено собственноручно письмо Химотченки ко мне, в котором он, дрожащей и слабой рукой прощаясь со мною, просил подготовить стариков-родителей о предстоящей ему смерти, умоляя меня не оставлять их и утешать.

Горько прослезившись над этими строками (письмо это у меня в сохранности), я не мог явиться в дом Змиева, дабы не выдать себя, и не ходил к ним обедать, сказавшись больным. На другой день я получил телеграмму от доктора с известием, что подпоручик Химотченко умер и что оставшиеся его вещи высылаются почтой. Нужно было быть на моем месте, чтобы понимать то внутреннее страдание, которое охватило меня при сознании, что старики Химотченко не перенесут этого горя, потеряв так внезапно единственного сына, не знал, как мне подготовить их к этому роковому известию, не находя себе мета. Находясь в таком безвыходном положении, ко мне пришёл человек Змиева приглашать на обед, и я поручил передать, что по болезни не могу быть. Спустя некоторое время приехал ко мне Змиев навестить меня, и я передал ему всю суть дела. Прослезившись, он стал упрашивать поехать с ним, предупреждая, что один он не в состоянии [35] показаться на глаза стариков.

Скрепя сердце я отправился с ним и как ни старался настраивать себя, но, смотря на этих бедных родителей покойного их сына, сам невольно

⁵³ Владимир Химотченко (1842–25.8.1863), см. http://viupetra2.3dn.ru/publ/khimotchenko_v/13-1-0-1999.

прослезился и должен был известить о случившемся. Сам старик истерически зарыдал, а со старушкой сделался обморок, и она упала, и в течение продолжительного времени мы не могли привести её в сознание. Змиев послал за доктором, который не мог успокоить нисколько Мм Химотченко. Спустя неделю я получил по почте простреленное в нескольких местах пальто, фуражку и карманные часы покойного, и все эти вещи передал старикам Химотченко.

24 февраля я был командирован на должность адъютанта Бельского и Высоко-Литовского отрядов, начальником которых был назначен полковник Молнер. Штаб-квартира этого отряда была в г. Высоко-Литовске, принадлежащем князю Сапеге. В состав отряда входил Софийский пехотный полк, два эскадрона С.-Петербургского уланского полка, две сотни казаков (донских) и два орудия. В течение остатка февраля и всего марта месяцев отряд наш разбивался на несколько колонн, и по разным направлениям мы искали банды мятежников.

В апреле месяце Софийский полк отделился от нашего отряда, составив отдельный Бельский отряд под начальством командира полка, и вместо него прибыл Ревельский полк. Вместо полковника Молнера был назначен генерал Беклемишев⁵⁴, и в качестве начальника штаба был назначен Лейб-Гусарского полка причисленный к генеральскому штабу ротмистр Н. Н. Мосолов.

11 апреля, составив отряд из 1 батальона Ревельского полка, двух рот 2 стр. батальона, двух эскадронов гусар и двух сотен казаков при 2 орудиях, мы выступили в ход на поиски, и только 22 апреля настигли шайку под с. Горново⁵⁵, и завязалась перестрелка с мятежниками в лесу, причём нам не была известна численность этой банды, я слез с лошади, которую отдал вестовому, а сам с цепью спутников вошёл в чащу леса, где за каждым деревом стояли [36] мятежники, направляя ружья в цепь. Увидя массу повстанцев, солдаты наши по команде начальства бросились на ура в штыки, и мятежники стали убегать, оставив на месте 60 человек убитыми и 16 ранеными, с цельным обозом вещей. Этот день совпал с днём смерти моей матери, и я вспомнил о ней, как только услышал первый выстрел из лесу, и у меня явилось предчувствие, что и я буду убит, но Господь спас меня, хотя жизнь моя висела на волоске. Войдя с цепью в чащу леса, один из состава, крикнув мне «Ваше Благородие, берегитесь», и оттолкнул меня; затем из-за дерева в 6-ти метрах

⁵⁴ Николай Петрович Беклемишев (1811-1893).

⁵⁵ Село в сегодняшнем Подляском воеводстве.

раздался выстрел, пуля, свистнув, ударила в ствол соседнего со мной дерева, солдат подбежал к стрелявшему, и штыком проткнул ему грудь. Фамилия этого стрелка была Горденко. По окончании этой схватки наших войск с мятежниками я представил этого солдата генералу Беклемишеву и отдал ему все наличные у меня тогда деньги – 28 рублей. За этот день Горденко получил Георгиевский крест, а я Станислава 3 ст. с мечами и бантом (22 июня).

До самого августа мы постоянно находились в походе, разыскивая по деревням и лесам мятежников и только в августе, придя в штаб-квартиру в Высоко-Литовск, успокоились, так как банды мятежников были рассеяны и уже нас больше не тревожили. В течение всего времени разлуки моей с Мальвиной я писал ей во всякое свободное время и получал от неё письма, в которых она высказывала всю свою скорбь о нашей разлуке, о её желании скорей меня увидеть.

Пользуясь пребыванием в Вильне, Лейб-гвардии Финляндского полка, я отправился в г. Вильну, явился к командиру полка ген. Ганецкому⁵⁶ – и просил ходатайства о переводе меня в этот полк. Решился я на эту просьбу вследствие желания Мальвины, чтобы я поступил на службу в гвардию и что тогда родители её не задумаются согласиться на нашу свадьбу. Генерал Ганецкий приказал подать ему окладную записку, и 4 сентября я был прикомандирован к полку и 6 октября прибыл в полк в Петербург. В то время командиром полка был генерал Шебашев⁵⁷.

*Иван Степанович
Ганецкий и Николай
Михайлович Шебашев*

⁵⁶ Иван Степанович Ганецкий (1810-1887).

⁵⁷ Николай Михайлович Шебашев (? – 1882).

[Прощание с Мальвиной]

[37] В Финляндском полку в то время было отличное общество офицеров. На первых же порах я был хорошо принят товарищами и поселился на одной квартире с тремя братьями Прокопе⁵⁸ на Васильевском острове в доме Буха № 13. 5 мая 1864 года состоялся перевод мой в этот полк. Достигнув намеченной мною цели и отбыв лагерный сбор, я списался с Мальвиной и получил от неё ответ, что она продолжает с нетерпением меня ждать. В сентябре месяце, взяв отпуск на два месяца и разрешение от командира полка о вступлении в брак, я отправился в Крым, при радостной мысли скорого свидания с Мальвиной после такой продолжительной разлуки. Нигде не останавливаясь, я торопился выехать, в полной надежде, что мне придётся возвращаться уже с женой, и всю дорогу строил планы о предстоящем мне счастье связать судьбу свою с той, которую любил в течение стольких лет. Но «человек предполагает, а Бог располагает».

Прибыл я прямо в Наташино под вечер и застал дома стариков, которые приезду моему очень обрадовались, расцеловали меня. Мальвина и Костя были в это время по соседству у Фрейнберг, и за ними послали человека. Немного погодя, вбежал в комнату Костя и бросился целовать меня, а вслед за ним вошла Мальвина с каким-то морским офицером. Мальвина очень сдержанно поздоровалась со мной и тут же познакомила меня с мичманом Савичем. Не знаю почему, но мне стало очень тяжело на сердце, и в лице Мальвины я нашёл большую перемену, она краснела и все время избегала смотреть на меня. Общие расспросы о всем мною прожитом за это время велись как-то натянуто, и я ожидал только той минуты, когда мне придётся остаться глаз на глаз с Мальвиной, но, видимо, она этого избегала. По окончании вечера и поужинав, мы разошлись по комнатам, и я отправился [38] с Костей в его комнату, где приготовлена была для меня постель. Не раздеваясь, я попросил Костю сходить к Мальвине и попросить её встать пораньше утром и выйти в сад, где я буду её ждать. Костя пошёл и, вернувшись, сказал, что Мальвина обещала исполнить мою просьбу. Несмотря на сильное утомление от дороги, я нравственно был до того потрясён, что всю ночь напролёт не мог уснуть и в 6 ч. утра вышел в сад в гроту. Немного спу-

⁵⁸ Виктор Берндтович (1839-1906), Герман Берндтович (1841-1905) Прокопе (Procoré) – впоследствии генералы от инфантерии (по происхождению финны).

стя пришла и Мальвина. Я бросился к ней, чтобы поцеловать её, но она очень холодно мне ответила, что в течение такой долгой разлуки она не смогла сохранить прежних чувств ко мне и теперь должна испытать себя, насколько осталось в ней привязанности ко мне. Напомнив ей о её письмах ко мне, она ответила, что не всегда можно доверять письмам. Этого для меня было достаточно вполне, чтобы понять её, и на мой вопрос: «Не лучше ли мне не стеснять её своим присутствием и предоставить ей полную свободу взять её слово назад», – я получил ответ: «Как хотите». Свидание наше на этом кончилось, так как, заявив мне, что она боится, чтобы нас не застали вдвоём, повернулась и вышла из гроты. Оставшись один, я прослезился и, подумав немного, что мне делать, решился уехать.

Весь день я не находил себе места. Составилась кавалькада, но я от участия в ней отказался и провел весь день со стариками и постарался уверить их в необходимости уехать мне в Одессу, к брату, с обещанием вскорости вернуться. К вечеру кавалькада вернулась, и Мальвина в течение всего вечера не сказала мне ни слова.

Простившись с ней и со всеми после ужина, идя спать, я уже больше её не видел, так как на другой день утром, написав записку старикам, оставив её на столе у Кости в комнате, без чаю выехал в Ялту, где и занял № в гостинице, до отхода парохода в Одессу. Собрав все письма Мальвины, запечатав их в особый пакет и в записке к ней, прося вернуть мне письма, если они [39] сохранились у ней, и пожелав ей полного счастья в жизни, просил не поминать меня лихом. Пакет этот я вручил нарочному татарину и поручил ему привезти мне ответ. Посыльный вернулся и сказал, что Костя сам приедет.

Спустя некоторое время приехали ко мне Мальвина и Костя, и Мальвина сказала мне: «Н.Н., я Ваше желание исполнила, благодарю Вас за то, что Вы не злоупотребили моими письмами, и вот Вам Ваши». (Подавала мне громадную пачку моих писем). Костя зарыдал как ребёнок, и на этом мы простились⁵⁹.

⁵⁹ Александра Мальвина Гельфрейх (1835-?) вышла замуж за военного писателя Александра Ивановича Лаврентьева, завершившего свою карьеру в чине генерала от инфантерии; см. http://www.1812w.ru/biograf/bio_g/gelffreih_ei.php.

[Два месяца в Одессе]

Недолго пришлось горевать мне, и при мысли «все делается к лучшему» скоро успокоился и с облегченным сердцем сел на пароход и отплыл в Одессу. Прибыл к брату совершенно неожиданно. Он и вся семья его весьма были рады видеть меня в гвардейском мундире. Оказалось, что и отец мой в то время жил у брата Егора, и, встретив меня с восторгом, он с гордостью хвалился, что и сам он служил в таком же полку, где он начал свою службу. Очень скоро я забыл о Мальвине и предался полному разгулу жизни. Меня, как гвардейского офицера, всюду принимали с радостью, и я, как свободный человек, увлекался барышнями. Вспомнив симферопольскую ещё дружбу с Севастьяновыми, я стал часто посещать Анюту, и оба мы влюбились друг в друга до забвения. Она ни на шаг не отпускала меня от себя, и страсть наша друг к другу разыгралась до полного увлечения.

Не меньше успеха я имел и у М-м Балабухи, которая писала мне записки и часто назначала свидания на бульваре, у Алексеева⁶⁰ и на набережной. Ни одного вечера в собрании я не пропускал, танцевал до упаду и так провел в Одессе целых два месяца, и этот период прошёл для меня, как прекрасный сон. С искренним сожалением об окончании срока моего отпуска я выехал из Одессы обратно в Петербург, в часть.

Выше я забыл упомянуть, что брат мой Василий, женившись на Ан. Мих. Беляевой, перешел в корпус жандармов и был назначен Лидским уездным военным начальником, Виленской губернии, и так как сам Беляев был в отставке и состоял под судом, то за неимением средств всю семью его, жену и троих сыновей содержал у себя в доме.

[В Петербурге и Вильне]

Весь 1865 год я прожил в Петербурге и, благодаря лишь родственным и прекрасным отношениям [40] моих с семейством Николая Григорьевича Стратоновича (инженера), брата его Григория Григорьевича⁶¹,

⁶⁰ Знаменитый в то время трактир-ресторан Алексеева, славился блинами и кулебяками и был местом встреч одесской золотой молодежи, <http://www.odessaonline.com.ua/go.php?dir=odessacity-&m2=6&m3=oldtimer>.

⁶¹ Николай и Григорий (? – 1888) Стратоновичи – братья Марии Григорьевны, жены Егора

я поселился у них на квартире у Измайловского моста в доме Гарновского.

Весь этот год был для меня очень тяжёлым в материальном отношении, так как, кроме моего жалования, я никаких средств к жизни не имел, и много мне пришлось испытать от этой бедности; но молодость все перемелет, и жилось весело. Восстановилась моя страсть к Анне Григорьевне Стратонович, которая симпатизировала мне много, и на правах родства с ней много что мы позволяли себе в наших отношениях. На беду и сестра её, от другой матери, Лиля была равнодушна ко мне, и я катался как сыр в масле. Не стану в подробности упоминать об этом времени и о всех моих и мною увлечениях, то было время моей молодости и, описывая все эпизоды этих увлечений, я бы показался весьма неосторожным как мужчина по отношению к женщинам. Жилось мне уж больно сладко, и всему этому прошлому лучше поставить крест на вечную память во мне о всем минувшем. Настала пора и остепениться, ввиду того, что всему есть границы.

Из всех офицеров нашего Финляндского полка я был один из беднейших и положительно не мог существовать на одно лишь жалование. Перехватывая то у одного, то у другого из товарищей по 15, 10 и 5 рублей, я задолжал таким образом рублей 200. По совету одного товарища, подп. барона Штакельберга, я обратился к ростовщику, отставному гвардейскому полковнику Кривошеину и взял у него 400 руб. на 10% в месяц. Получив эти деньги и расплатившись с товарищами, я исправил себе мундирный сюртук и приобрёл некоторые необходимые вещи. Ежемесячно я платил одних процентов 40 руб. и можно сказать, что я жалованье почти не получал, потому что все шло на уплату процентов. Так продолжалось в течение 6-7 месяцев, и настало такое печальное для меня время, что не только уплатить капитала (400 р), но и процентов платить было не с чего. Оставалось одно: подать рапорт больным и сидеть дома, никуда не выходить. После первого ж месяца несостоятельности моей к уплате процентов Кривошеин подал вексель к взысканию. Товарищи, зная мое бедственное положение, доложили командиру полка, прося его участия. Ко мне приехал [41] адъютант полковой Булдаков и заявил, что командир полка меня требует к себе.

Явившись к генералу Шебашеву, он спросил меня, на каких условиях я занимал у Кривошеина деньги, и после моего объяснения Шебашев заявил, что он выдаёт мне из офицерского капитала 400 руб. на рас-

срочку уплаты этих денег в течение 4-х лет. Мне, конечно, оставалось только поблагодарить его за это участие, и деньги Кривошеину были выплачены.

Продолжать службу в Гвардии при таком тяжёлом материальном положении я положительно не мог и после долгих размышлений пришёл к такому заключению, что мне необходимо поехать к брату в г. Лиду и искать себе какой-нибудь другой службы. Остановившись на этой мысли, я отправился к командиру полка и попросил уволить меня в отпуск на 28 дней.

Забрав все свои ничтожные пожитки, в марте месяце 1866 года я выехал из Петербурга в Лиду и, прибыв к брату Василию, высказал ему всю суть дела. 27 марта я был произведен в подпоручики. Прожил я у брата дней 20 и отправился в Вильну к тамошнему губернатору С. Ф. Панютину⁶² с просьбой о предоставлении мне какой-либо службы, и Панютин предложил мне должность кандидата мирового посредника в г. Лиде, вместо Яковлева, уволенного от этой должности, и я подал докладную записку. Так как начальник Края в то время был в Петербурге, а мне нужно было лично находиться в Вильне и ожидать моего назначения,

а между тем срок отпуска моего оканчивался, то я через уездного воинского начальника в Вильне подал рапорт об отсрочке мне отпуска по болезни и, по освидетельствовании меня докторами, получил эту отсрочку и стал ежедневно посещать канцелярию губернатора, в ожидании возвращения доклада к генералу губернатору Кауфману⁶³, отправленного в Петербург с курьером.

Константин Петрович фон Кауфман

Несмотря на всю поспешность в представлении меня на эту должность, мне пришлось прожить в Вильне и у брата в Лиде в течение 4-х месяцев, и 4 июня я был зачислен кандидатом 7-го участка к посреднику поручику Ушакову. Председателем съезда был О. О. Островидов, который посоветовал мне отправиться в Вильну и представиться Панютину. Явившись к нему, тот предложил мне съездить в Петербург

⁶² Степан Федорович Панютин (1822-1885).

⁶³ Константин Петрович фон Кауфман (1818-1882).

и представиться генералу Кауфману, что я и сделал. Зная, что вся семья Стратонович находится на даче в собственном доме в Царском Селе, я отправился к ним заявить о совершившейся перемене моей службы. Стратоновичи приняли меня очень любезно и от всего сердца порадовались за меня, поздравляя с устройством своей карьеры.

[42] У Стратоновичей в Царском Селе было три дома, на каждого брата (Николай, Григорий и Павел), к отдельному дому при одном из этих домов был флигель. На другой день моего приезда к ним, войдя в комнату, окно которой выходило в сад, я заметил, что в саду том гуляли дамы. Спросивши у Н. Григ., кто живет во флигеле, он мне ответил: «Твои давние знакомые, семья Энгельгардт».

[Александра Энгельгардт]

Ранее я забыл упомянуть, что, служа в Петербурге, я познакомился с семейством Энгельгардт, у которых были дочери София и Мария, и в семействе этом были назначены четверги, и я нередко бывал на этих вечерах. Кроме этих двух дочерей, была ещё третья Александра в Екатерининском институте, которую не видал и не знал. По смерти отца их, Александра Ивановича, я уже не бывал у них и раз как-то увидел Александру с матерью возле дома. Желая возобновить знакомство, я вышел в сад и подошёл к сидящей на кресле с книгою в руках Марии Александровне, которая видимо обрадовалась моему приходу. (Мария Александровна в то время болела

ногами и не могла ходить). Спустя некоторое время из флигеля вышли старший сын Александр с матерью, и вслед за ними София и Александра. Поздоровавшись со всеми, мне бросилась в глаза Александра и сра-

зу произвела на меня сильное впечатление, и я стал разговаривать с ней. Она видимо сконфузилась и убежала в комнаты. Я подсел к сестре её Марии и стал говорить ей, что Саша мне очень понравилась. Маша начала описывать мне её качества и что она очень любит и дружит с ней. На этот день я остался у них обедать и все время старался заговаривать с Сашей. Из разговоров этих я успел заметить, что и я, в свою очередь, произвёл на неё хорошее впечатление, и этого было достаточно, чтобы во мне зародилась мысль не оставлять этого знакомства и искать её общества, и я стал ежедневным гостем в семье Энгельгардт, и, отправляясь на прогулку в Павловск на музыку и сопровождая их туда и обратно, я постоянно находился при Саше. Отношения наши с каждым днём становились короче, пошли пожатия рук, при прощаниях и встречах.

В то же время [43] за ней ухаживал поручик стрелков. батальона Мартянов, который возбудил во мне ревность, и я неотлучно находился при ней. Заметив, что я больше нравлюсь, чем Мартянов, я стал поверять свои чувства к Саше сестре её Маше, которая охотно взялась быть поверенной между нами и видимо старалась поддержать нашу взаимную симпатию друг к другу, причём высказывала мне, что я смутил спокойствие Саши и что она боится, как бы я не напрасно увлекал бы её сестру. Постоянное же присутствие мое при ней послужили к тому, что я окончательно влюбился в неё и настолько успел увлечь и Сашу, что мы стали целоваться и условились во что бы то ни стало пожениться. Пошли в ход записки и назначения свиданий, которые устраивались через старую няньку их Анну, служившую нам почтальоном, получая за это щедрое вознаграждение от меня.

Срок моего отпуска приближался к концу, и я решился сделать предложение её матери. Предложение это для Марии Захаровны (ныне покойной) было совершенно неожиданно, «как снег на голову», и объяснение мое с ней было обставлено весьма оригинально. Входя с ней в комнату, в передней я попросил её сесть на скамейку, а вместе с нею между нами уселась жёлтая собачка, как единственный свидетель нашего разговора. Предупредив её о предстоящем отъезде в г. Лиду к месту служения моего, я заявил ей, что, испросив согласие её дочери, я прошу согласиться на наш брак с Сашей. Просьба моя была так для неё неожиданна, что она не нашлась, что мне ответить, и сказала, что переговорит об этом со старшим сыном Александром. Зная, что все братья, кроме Кости и Коли, будут против этого брака, я счёл долгом предупредить её, что дочь её решилась быть моей женой даже в том случае, если бы от

родных не последовало согласия. Этим смелым и решительным заявлением мне удалось вырвать из семьи Энгельгардту, которая составила все счастье и благополучие в моей жизни.

Аркадий Энгельгардт

Заручившись вынужденным согласием отдать за меня дочь, Мария Захаровна просила [44] меня не торопить со свадьбой и обождать по крайней мере полгода. В то время я на все был согласен, лишь бы достичь моей цели и обладать моим сокровищем. С этими мыслями я простился с моей дорогой невестой и уехал

приготавливать своё гнездо, получив разрешение писать ей. Не проходило дня, чтобы я не делился мыслями своими в письмах, и нетерпение мое до такой степени разгорелось, что я не мог выдержать и половины назначенного срока и в октябре месяце, взяв на 14 дней отпуск, разрешение на брак, прикатил забрать мою дорогую женку.

Константин Энгельгардт

На то время семья Энгельгардт жила на Фурштатской в доме Липса № 47 у Таврического сада. При помощи Константина я нашёл меблированную комнату, на Литейной, где и поместился для одних лишь ночлегов, так как целые дни проводил подле моей невесты, в семье её родных. Старший брат Александр служил в казачьей артиллерии, впоследствии получил I Гвар. конную батарею и был пожалован в флигель-адъютанты, как командир шефской батареи; второй брат Михаил, инженерный капитан, семейный, проживавший в Динабургской крепости⁶⁴;

⁶⁴ Динабургская крепость – фортификационное сооружение, расположенное по обоим берегам реки

третий Аркадий и четвёртый Константин служили в стрелковом Императорской Фамилии батальоне и жили в Царском Селе, Аркадий был уже женатый, и пятый, Николай, обучался в Инженерной академии.

По случаю предстоящей свадьбы все братья очень часто навещали семью, и мы больше и больше сходились с родными. До венчания меня возили по всем родным знакомиться, и мать моей жены всем старалась выяснить мое служебное положение и так установить во мнении родных хороший взгляд на партию её дочери.

[45] В этот период времени старшая дочь София увлекалась то Карташевым, то Арловским и видимо желала выйти замуж, а вторая дочь Мари была занята судьбой своей любимой сестры, моей будущей жены, и мы втроём большую часть времени проводили вместе. Настала самая горячая пора приготовления приданого, вещами и деньгами, и в доме пошла суматоха, езда в гостинный двор, к портнихам, в магазины, и сама Саша видимо желала поскорей покончить все, лишь бы поторопить свадьбой, и в конце концов свадьбу назначили на 30-е октября утром в Сапёрной церкви Косьмы и Дамиана⁶⁵. На то время находился в Петербурге брат мой Василий с женой. Приглашение на свадьбу делали Энгельгардты, и с моей стороны были приглашены Ахвердовы, Стратоновичи, поручики Голубев и Штакельберг в качестве шаферов. Посаженым отцом моим был родной дядя Николай Александрович Ахвердов, а матерью С. П. Стратонович [мать Марии – жены Егора де Лазари]. Со стороны же Саши – родная мать и родной дядя Александр Захарович Теляковский, а шаферами – братья Костя и Коля. На свадьбе был и Василий с женой.

Венчание состоялось в I часть дня, после венца все отправились к Энгельгардтам на квартиру на завтрак, где заранее были уложены все вещи в сундуки и корзины для отъезда. После завтрака, простившись со всеми, мы отправились на Варшавский вокзал и, взяв билеты в купе I класса, сдав вещи в багаж, провели ещё некоторое время со всеми прибывшими проводить нас, и в 6 ч. вечера мы двинулись в путь.

Западная Двина (Даугава) в городе Даугавпилс (Динабург) в Латвии.

⁶⁵ Деревянная домовая церковь. На ее месте построили в 1877-1879 Церковь Косьмы и Дамиана лейб-гвардии саперного батальона. Теперь там станция метро «Чернышевская».

[Новая эра в моей жизни]

[46] Итак, настала для меня новая эра в моей жизни, я женился и еду со своей дорогой женой на неведомый ей и чуждый край, где никого родных, никого близких ей людей, и ей, конечно, представляется неведомый мир. Я вполне входил в положение моей бедной Саши и представлял себе все её тревожные думы и те впечатления, которые произвело на неё полное отчуждение от всех родных, оставшись наедине с человеком, которого она не успела ещё узнать и которому так доверчиво вверила свою судьбу.

Действительно, со стороны молодой, неопытной и вполне невинной девушки, всегда представляется большим риском приносимая ею жертва, ради одной лишь любви к человеку, которого она не знала и решается всецело отдалиться ему. Как низко, как подло со стороны мужчины, если он не оправдает все то, что обещал этому невинному и безгрешному созданию до свадьбы.

С другой стороны, большая ошибка со стороны мужчины на одной

лишь симпатии к известной особе связать свою жизнь с нею, на одних предположениях, что эта особа составит ему счастье в жизни, а потому в обоих случаях замужество первой и женитьба последнего представляют не лотерею, розыгрыш которой покажет, кто выиграл, а кто проиграл. Пусть же настоящая исповедь моя, после 29 летней совместной жизни нашей, послужит разгадкой. — Я продолжаю:

Николай

Не желая сразу омрачить мысли моей жены при переходном её состоянии от родительского крова в среду неведомой ей жизни, я решился по дороге на Вильну заехать на несколько дней к брату её в Динабург [Двинск, Даугавпилс] и подал ему телеграмму о нашем приезде. Все время же до Динабурга я не заметил как прошло, [47] потому что время это провели мы в самых горячих и страстных ласках вдвоём, так как ничто нам

не мешало и склоняло друг к другу; мы строили предположения наши на предстоящую нам жизнь, и я подготовил её к тому, что ждёт нас в г. Лида и насколько я успел предупредить все, что только мог предоставить ей для уютной и удобной совместной жизни нашей. — Нравственное состояние Саши убеждало меня, что она верит мне и испытывает счастливые моменты; я же был на вершине блаженства моего и упивался этим счастьем.

Александра

По прибытии в Динабург нас встретил на станции экипаж брата Михаила, и мы отправились к нему в крепость. В это время у них было двое маленьких детей, Маня и Володя. Приняли нас очень любезно и радушно, устроили нам отдельную комнату, и хотя мы были немного утомлены дорогой, но отдохнуть не могли, потому что в течение всей ночи возились с клопами, которых такая была масса, что Саше и мне приходилось всю ночь бороться с ними и только под утро уснуть.

Пробыв у них один день, мы отправились дальше в Вильно, где я взял хороший номер в Европейской гостинице, и мы прожили в ней несколько дней, делая разные покупки, необходимые для дома. Наняв в гостинице карету, мы почтовыми лошадьми выехали 2 ноября в Лиду, куда прибыли вечером. Перед выездом из Вильно я подал телеграмму посреднику Ушакову, который и встретил нас у квартиры нашей, осветив все комнаты. При выходе из кареты у Саши оборвалась пуговица от пальто, и она, вместо того чтобы поскорее вступить в комнаты и дать мне возможность ознакомиться с её первым впечатлением о квартире, [48] Саша до такой степени увлеклась поиском этой негодной пуговицы, что опомнилась лишь тогда, когда я заметил ей, что пора забыть об этом и предоставить прислуге и чтобы она шла в комнаты.

Это обстоятельство впоследствии послужило частым насмешкам над ней, как доказательство её рассеянности.

[В Лиде]

Квартира наша в Лиде состояла из отдельного домика, с 8 комнатами и прислуг: кухарка, дочь её Анета за горничную и лакей. Обстановка квартиры была приобретена от брата Василия, который был военным начальником в Лидском уезде, и при отъезде его я купил у него всю мебель. Устроив все, чисто и опрятно, при новизне всех вещей, зажили мы вдвоём мирной, тихой и уютной жизнью, приобретя несколько близких знакомых, в числе которых самыми близкими были Ушаковы, — муж с женой, и самой симпатичной для нас Екатериной Ивановной Маврос, которая любила нас как родных, а потому её общество было для нас самым отрядным. Недалеко от Лиды было имение Маврос «Тарновщина»⁶⁶ и мы часто ездили к ней, проводя по несколько дней в среде её семьи. Странно только было сознавать, что у ней дети были почти все очень некрасивыми, несмотря на красоту и привлекательность самой Екатерины Ивановны.

Кроме упомянутых лиц, часто бывали у нас Беложевские, муж с женой, которые впоследствии очень сошлись с нами, и по выезде нашем из Лиды, спустя некоторое время, мы получили известие, что Мм Беложевская сошла с ума и была на излечении в Петербургской лечебнице душевнобольных, затем князь Трубецкой, Гросс, Призоровский и Виноградов, который впоследствии был помощником Путилина⁶⁷, начальника сыскной полиции.

[49] Что может быть дороже и приятнее для человека в жизни, так это выпало на мою долю. Обладать такою хорошею, честною, кроткою и любящею женою, какою наградила меня Господь, в лице моей дорогой Саши, могу назвать себя счастливым. Если теперь, на исходе жизни моей, мне приходится сознаться в этом, перед детьми моими, то пусть каждый из них знает и помнит, что единственным моим желанием по гроб жизни остаётся то, чтобы все дочки мои уподобились во всех отношениях их доброй и честной матери. Пошли Господь и сыновьям моим приобрести такой же клад в лице их жен, каким представляется мне жена, а их мать.

⁶⁶ Поселение Тарновщина (так в 17-19 веках называлось Тарново). С конца 1860-х гг. граф Дмитрий Маврос жил в Тарновщине с семьей: женой Екатериной Ивановной и детьми Марией, Анной, Александром, Николаем и Елизаветой..

⁶⁷ Иван Дмитриевич Путилин (1830-1893).

Если начальный период жизни молодых супругов называют медовым месяцем, то на мою долю выпал жребий испытать медовые годы, которым не было пределов. Соединив свою судьбу с моим сокровищем, я положительно утвердился, что если дети признают во мне человека нравственного и честного, то этому я исключительно обязан их матери, которая с первых дней наших супружеских отношений настолько повлияла на весь мой нравственный быт, что все хорошее во мне взято от неё. Начав свою жизнь в маленьком городке Лида, я могу назвать этот период фундаментом моей счастливой супружеской, семейной жизни, и часто я вспоминаю этот период. Как хорошо, как уютно и отрядно жилось нам там! Упиваясь этим блаженством, ни на минуту не оставлял мою дорогую женку, потакая ей в самых мелких женских работах, считая счастливые моменты, когда мы были только вдвоём, не желая другого общества, кроме общества моей жены, шли у нас дни за днями, в самом отрядном настроении. Все окружающие нас [50] симпатично относились к нам, и все знакомые искали нашего общества.

Так как Беложевский был большой любитель сцены, то по его инициативе и при участии князя Трубецкого составились у нас спектакли, и Саша не отказалась в участии и играла замечательно и привлекла к себе поклонников.

Летом удалось нам занять небольшую дачу под городом, где мы поселились с начала мая, и здесь-то разоблачилось, что Саша забеременела,

и как отрядно было видеть, что это положение её очень интересует! Часто она брала мою руку и прикладывала к животу, и я ощущал признаки живого существа. — Настало время осторожного отношения к этому положению, и мы стали делать прогулки. Сашу очень часто тошнило, и меня это беспокоило, не сознавая ещё тогда, что это состояние, присущее её положению, как беременной.

Александра

[Опять в Петербурге]

Не зная, насколько было обеспечено мне служебное положение в должности кандидата мирового посредника, видя удачную и обеспеченную в материальном отношении службу брата Василия в корпусе жандармов, я через посредство Дмитрия Мавроса, состоящего тогда при шефе жандармов, стал хлопотать о зачислении меня на службу в корпус. Хлопоты эти вскорости увенчались успехом, и в августе месяце 1867 г., распродав все своё имущество, я с женой переехал в Петербург и был прикомандирован к штабу. Опять мы вернулись в ту же квартиру, в которой было положено благополучие моей брачной жизни. Вскоро и М^м Маврос с детьми переехала в Петербург, и по просьбе Мавроса я отыскал им квартиру в том же доме [51] Липса и на одном этаже, дверь в дверь.

Состоя прикомандированным, я ежедневно ходил с 10 ч. утра в штаб, иногда дежурил при начальнике штаба и исполнял поручения 3. Отделения по справкам об образе жизни лиц, обращающихся с просьбами

к шефу, и эти поручения были очень выгодные потому, что давали деньги на расходы и поездки в город. В то время шефом был граф П. А. Шувалов⁶⁸, управляющий 3. Отделением Шульц⁶⁹, начальником штаба Мезенцов⁷⁰, помощником Родзянко⁷¹, и впоследствии Баталов. В это время как в штабе корпуса, так и в 3. Отделении шла работа о преобразовании корпуса жандармов и составлялось положение.

Пётр Андреевич Шувалов

⁶⁸ Пётр Андреевич Шувалов (1827-1889). Портрет художника Франца Крюгера.

⁶⁹ А. Ф. Шульц – управлял III отделением в годы 1871-1878.

⁷⁰ Николай Владимирович Мезенцов (1827-1878).

⁷¹ Владимир Михайлович Родзянко – помощник начальника штаба корпуса жандармов с 1868 по 1871 гг.

Николай Владимирович Мезенцов

Благодаря участию Е. И. Маврос у ген. Мезенцова, мне дали денежное пособие в размере 250 руб., и это много помогло в нашем материальном быте, тем более, что болезнь жены приближалась к разрешению и предстояли расходы. В свободное время мы ходили гулять то по улицам, то в Таврический сад, чтобы дать больше моциону Саше. 19 сентября Саша почувствовала приближение родов, и акушерка заблаговременно была приглашена.

Страдания стали увеличиваться, и я не находил себе места от того чувства, которое я испытывал при её страданиях, сознавая всю несостоятельность свою в оказании ей помощи и облегчении в этих страданиях. Нужно испытать то положение, в которое я был поставлен, чтобы понять те чувства какого-то нравственного гнёта, которому подвергается муж при тяжёлых родах жены его. Хочется всеми силами души и сердца облегчить её страдания, чувствуешь [52] какую-то вину за собой, при сознании, что сам же причина этих страданий, как совершивший какое-то преступление, за которое отвечаешь, за этот поступок, а подверг наказанию любимое тобою существо. Не в силах сдержать рыдания, желаешь подбодрить, утешить больную и в то же время скрыть перед нею своё внутреннее состояние, приходится бросаться из комнаты в комнату, мысли перестают работать, и предаёшься какому-то отчаянию. Так пришлось мне переносить все эти чувства в течение 14 часов, в продолжение которых жена находилась между жизнью и смертью.

Наступает последний отчаянный крик, все утихает, и затем Господь даёт желанное облегчение, при испытании такого радостного чувства, которое не в состоянии передать человек при появлении на свет Божий ребёнка. Нужно видеть выражение лица страдальцы, после всех перенесённых мучений, нужно уловить то необъяснимое состояние радости, которое разливается по всему организму человека, чтобы понять это состояние. После всего испытанного во время страданий жены впадаешь опять в какую-то крайность и не знаешь, как излить это чувство радости.

Скажу только, что я бросился целовать всех и каждого попавшихся мне на пути. Жена родила дочь в 7 ч. вечера. Совершилось событие, которое представляется каким-то узлом, связывающим два любящих сердца, составляющих одно целое. Так как началом моего семейного счастья был город Лида, то мы с женой и порешили дать нашей дочке имя Лидия.

Аркадий Захарович Теляковский

Саша стала поправляться, крепнуть [53], и 1 октября мы окрестили нашу прелестную дочурку. Крестили мать жены и дядя её, Аркадий Захарович Теляковский⁷². Мария Захаровна восхищалась нашей дочкой, заявила Саше, что она будет красавицей, и действительно ребёнок этот был необыкновенный по красоте и выражению глазок и представлял что-то неземное.

8 декабря состоялся приказ о переводе меня в корпус жандармов, с назначением помощником начальника Полтавского губернского жандармского управления. До перевода всем нам прикомандированным был сделан экзамен, который заключался в том, что Баталов предложил каждому сделать донесение, и мне, как служащему по мировым учреждениям, дал тему «Злоупотребления мировых посредников». Взяв для характеристики личность одного из посредников У., я изложил все приёмы посредника, которые он брал в соображения, для материального обеспечения себя, в делах разбирательства недоразумений, по поземельным угодьям, между помещиками и крестьянами. Сочинение мое, или, вернее, донесение, потому что в нем не было вымысла, так понравилось графу Шувалову, что мне было предоставлено выбирать себе губернию по моему желанию, где бы я хотел служить, и посоветовавшись с Сашей, мы избрали Полтавскую губернию, по климатическим условиям.

22 декабря, простившись со всеми родными, мы выехали во Владимир к брату Василию, который в то время был там начальником жан-

⁷² Аркадий Захарович Теляковский (1806-1891) — военный инженер, генерал-лейтенант, фортификатор; художник Гавриил Иванович Яковлев, <http://nicholas-i.livejournal.com/41663.html>.

дармского управления. Перед отъездом из Петербурга генерал Мезенцов, при представлении шефу, по случаю отъезда, незаметно для меня вложил в задний [54] карман моего мундира 300 р. в простом конверте. Впоследствии оказалось, что эту помощь оказал он мне по ходатайству Е. И. Маврос.

Мезенцов был одним из добрейших и внимательных начальников в то блаженное время, когда я перешел в корпус, при преобразовании этого учреждения. Как факт его доброго сердца я расскажу один эпизод, который имел место у него на квартире, в здании штаба.

У Мезенцова в качестве сторожа жил дядька, старший отставной жандармерии унтер-офицер Костин. Как-то раз на моем дежурстве у Мезенцова при приёме просителей, после окончания приёма, когда никого в комнате не оставалось, Мезенцов сказал мне, что я могу идти домой, а сам ушёл к себе в кабинет. Откланявшись ему, я пошёл в переднюю надеть пальто, и Костин, показывая мне на одну стоящую там женщину с тремя детьми, сказал: «Ваше Благородие, доложите генералу, что есть ещё просительница, и пусть он её примет и выслушает». На вопрос мой: «Кто эта женщина и в чем заключается её просьба?» — Костин сказал: «А это жена одного дивизионного У.О., которого анафема Богданова⁷³ лишит куска хлеба за то, что он держал на бирже извозчика». Сделав замечание Костину, что он не имеет права так дерзко отзываться о начальстве и что он может быть за это наказан, Костин извинился и стал просить меня доложить о ней. Тогда я заметил, что Костин был немного пьян.

Войдя в кабинет Мезенцова, я доложил: «Ваше Превосходительство, в передней осталась одна просительница, жена уволенного полковником Богдановым унтер-офицера, которая желает подать прошение». «Пустите её в приёмную, [55] я сейчас выйду к ней», — сказал Мезенцов. Отправившись в переднюю, я приказал этой женщине войти в приёмную, и она с ребёнком на руках, держа прошение, и с двумя детьми, держащимися за подол матери, вошла и стала посреди комнаты. В то время, когда Мезенцов вышел в приёмную, женщина эта встала на колени и начала плакать, дети, видя слезы матери, стали неистово реветь, и поднялся страшный шум. Мезенцов, рассердившись, крикнул: «Костин, убери эту бабу вон отсюда!». На это Костин совершенно неожиданно возразил: «Ваше Прство, ведь она человек, а не собака и просит

⁷³ Иван Минич Богданов (1802-1867) — в 1837 г. был прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов.

помощи Вашей!» Мезенцов вспыхнул и сказал: «Де-Лазари! Прикажите ей выйти, возьмите у ней прошение, а Костина арестуйте!».

Как женщина, так и дети ещё больше стали кричать и плакать, и мне много стоило труда выпроводить её в переднюю, а потом на улицу, причём Костин говорил: «Иди, матушка, как видно, тебе нет защиты!», затем, оборотившись ко мне, Костин стал просить, чтобы я доложил генералу, что он просит прощения и чтобы он не сажал его под арест. Я вошёл в кабинет и доложил: «Ваше Прство, Костин просит прощения». «Позовите его сюда», – сказал Мезенцов, и я привёл Костина. «Ты что же, скотина, позволяешь себе возражать мне?» – спросил Мезенцов. На это Костин ответил: «Костин скотина, Костин дурак, а как тот же Костин, как собака, лежит у порога дверей и ожидает, когда Ваше Прство в 4-5 часов утра возвращается от Г-жи Бланш⁷⁴ и только тронете ручку дверей, а я уж на ногах, как преданная собака, то Костин молодец!». «Пошёл вон, болван, пьяница!», – крикнул Мезенцов, и Костин скрылся за дверьми. На вопрос мой: [56] «Прикажете Ваше Прство арестовать Костина?» Мезенцов ответил: «Не нужно, черт с ним и дайте ему хорошую нотацию». Я поклонился и вышел. Когда я сказал Костину, что генерал приказал оставить его и при этом начал выговаривать ему за его дерзость, то он сказал: «Ваше Благородие, я знал, что он простит меня, потому что уж очень добрый человек».

Я на себе испытал эту доброту и потому от искреннего сердца и от всей глубины души моей пожалел о смерти его при такой трагической обстановке, когда он был убит на улице, одним из революционеров.

Царство ему небесное.

Проживши столько лет и прослужа до сей поры в корпусе, я с отрядным чувством вспоминаю то блаженное время, когда во главе учреждения нашего стояли такие личности, какими представлялись: обожаемый всеми нами граф Шувалов, Мезенцов, Черевин⁷⁵,

Пётр Александрович Черевин

⁷⁴ Бланш д'Антиньи (1840-1874) – французская актриса и куртизанка, прототип Наны Эмиля Золя.

⁷⁵ Пётр Александрович Черевин (1837-1896).

Николай Васильевич Левашов

Никифораки⁷⁶, Богданов, и даже то время, когда шефом был такой самодур, как граф Левашов⁷⁷, ничего в сравнении с настоящим положением общего не имеет, так как корпус измелывал до крайности. Во главе корпуса стоят какие-то помпадурсы, без всякого престижа, люди без души и сердца, эгоисты, которые для установления своей личной карьеры не пожалеют ни положения, ни безупречную службу старослуживых и управляют корпусом без всякой системы и безо всякого смысла. Бросание семейных людей с одного конца Империи в другую, по личному произволу и фантазии, для этих представителей составляет неосознанную потребность, дабы показать свою власть над этими существами. Достаточно ныне сознавать, что люди, подобные М. А. и С. Н.⁷⁸ составляют представительность нашего корпуса и руководят мозгами наших принципалов без принципов. Грустно на старости лет переживать этот период, но что же делать в моем положении и куда броситься?

[В Полтаве]

[57] Во Владимире брат и жена его Анюта встретили нас с радостью и устроили у себя отдельную комнату для нас с Лидочкой, которой они восхищались, и сняли её фотографию вместе с нянькой, которая держит её сзади. Фотография была снята в галерее. Во Владимире мы хорошо познакомились с Н. Э. Трохимовским, который был постоянным гостем у них и обедал, как холостой и одинокий человек. Весело тогда жилось во Владимире и, несмотря на то, что Саша сама кормила Лидочку, мы

⁷⁶ Егор Николаевич Никифораки – обрусевший грек, занимал должность начальника 3-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии.

⁷⁷ Николай Васильевич Левашов (1828-1888).

⁷⁸ Начальники штаба корпуса жандармов: Михаил Алексеевич Кантакузин (1840-1896) (с июля 1882 по декабрь 1883) и Сергей Николаевич Мезенцов (1848-1911) (с марта 1893 по ноябрь 1896).

часто выезжали к гостям, и у Василия часто собирались гости. Так провели мы праздники Рождества, и в январе 1868 года выехали мы из Владимира вместе с женой и Лидочкой и проехали до Тулы благополучно. В Туле я взял возок и выехали на Харьков, но, проехав 10 вёрст, должен был вернуться, потому что Саша стала страдать морской болезнью, а так как она кормила, это могло повлиять на здоровье Лидочки, а потому я отправил их обратно во Владимир.

Оставив жену у них, я выехал один в Полтаву, куда прибыл 19 января, и остановился в гостинице. 21 января, одевшись в парадную форму, я отправился представиться начальнику управления, в то время старому полковнику В. М. Белову, и, познакомившись с его женою и сыном, был приглашен к ним на обед. Тут же я познакомился с адъютантом управления, поручиком М. И. Гавриловым, который предложил мне перейти к нему на квартиру, до приискания себе отдельной квартиры. Он был холост. Вечером того же дня я перебрался к нему.

22 числа делал визиты губернатору Мартынову⁷⁹, вице-губернатору Богдановичу⁸⁰, предводителям дворянства: губернскому — князю Долгорукову⁸¹, уездному — Абазе⁸² и другим лицам губернской администрации, я не заметил, когда и где выскочил у меня мой бумажник, в котором находилось 400 руб. деньгами, квитанции транспортной конторы от вещей и другие нужные документы.

Михаил Алексеевич Мартынов

⁷⁹ Михаил Алексеевич Мартынов — назначен Полтавским губернатором 1 января 1866 г. (до 9 августа 1878).

⁸⁰ Александр Васильевич Богданович (1820-1898).

⁸¹ Князь Николай Александрович Долгоруков — полтавский предводитель дворянства (1865-1873). Скончался в 1873 г.

⁸² Александр Михайлович Абаза — был полтавским уездным предводителем с 20 октября 1865 по сентябрь 1868 года, много лет был полтавским городским головой.

Николай Александрович Долгоруков

[58] Грустно и тяжело стало у меня на душе от этой потери всего того капитала, на который я предполагал обзавестись всем необходимым для устройства квартиры. Обстоятельство это поставило меня в самое невыгодное и тяжёлое положение, тем более, что мне могли не поверить о потере денег, и я не настаивал о розысках, зная, что ничего не найду. Благодаря участию

Белова и тому, что мне причиталось получить жалованье, я кое-как обошёлся и квартиры не искал.

Тот год был самый разгар зимнего сезона в Полтаве, много было балов, вечеров, как в собрании, так и в гостиных домах, любительских спектаклей, и составилось много партий супружеских. Очень скоро я познакомился со всем обществом и принимал участие во всех увеселениях, а потому стал необходимым членом этого общества и познакомился со всеми интригами и партиями, без которых не проходила провинциальная жизнь.

Небезынтересно вспомнить некоторые эпизоды, которые остались в памяти моей на всю жизнь и которые характеризуют тогдашнее положение между людьми и общественный строй в Полтаве.

У губернатора Мартынова еженедельно, в известный и назначенный день, собиралось на приглашение все, что носило какой-либо талант и способность предоставить развлечение и удовольствие слушателям, и в среду этого общества входили музыканты, певцы, рассказчики, фокусники, поэты, литераторы и кто во что горазд, как говорится, и я, как певец и отчасти рассказчик, был приглашаем на эти вечера. Приглашения эти делались запиской в третьем лице. [59] Редакция этих записок составлялась приблизительно в таком виде: «М. А. Мартынов с супругою покорнейше просят Вас не отказать пожаловать (такого-то числа) в 7 часов вечера на чашку чая». Эта записка посылалась по адресу приглашаемого. Побывав у них 2-3 раза, я каждый раз встречал очень любезный и радушный приём со стороны хозяев и, проводя у них очень весело время до 1 и 2 часов, после ужина все приглашённые расходились под приятным впечатлением. Хозяйка в особенности всегда бывала любезна и приветлива ко всем.

Получив как-то опять такое приглашение, я по обыкновению отправился к Мартыновым на вечер и встретил в зале Мм Мартынову, которая, поздоровавшись и перекинув пару слов со мною, сказала, что вся компания в кабинете мужа, и я отправился туда.

В кабинете уже было много гостей, и я стал подходить к письменному столу, за которым сидел Мартынов, чтобы с ним поздороваться. Какое же было мое положение, когда Мартынов, увидя меня, подходящего к нему, встал, начал застёгивать свой форменный сюртук и, не протягивая мне руки, спросил: «Чем я обязан Вашему посещению, капитан, в такое время?». Не ожидая подобного, я был до такой степени озадачен, что не знал, что ответить, и, видя, что вся публика обратила на меня внимание и как бы удивлена подобным приёмом, я оправился и сказал: «Ваше Превосходительство удостоили меня приглашением на чашку чая». Тогда Мартынов опомнился и, закрыв лицо руками, [60] проговорил: «Боже! Что я наделал! Дорогой Н.Н., простите, простите меня за эту страшную ошибку. Я обратил внимание только на Ваш мундир, упустив из виду, что в этом мундире в лице Вашем представляется честный и благородный господин». А затем откровенно стал высказывать, что граф Шувалов что-то хотел устроить из корпуса жандармов, но что все это никакой пользы не принесёт государству. Меня же стал успокаивать и опять извиняться за непростительный промах. Все же присутствующие, желая загладить это впечатление, наперерыв стали ухаживать за мною, но уж вечер этот для меня был отравлен, хотя впоследствии Мартынов всегда старался быть изысканно внимателен ко мне.

В это время Полтава переживала начало введения нового судопроизводства, и в лице прокурора окружного суда был молодой ещё человек Н.⁸³, который попал, кажется, в судебные учреждения из кавалерийских офицеров и мнил о себе очень много, а потому сразу встал во враждебные отношения с губернатором, вследствие, кажется, неосторожно высказанного им, что он, как прокурор, обязан следить и за поведением губернатора. Эти обострённые отношения сделались достоянием общества, и разным комментариям не было конца. Ниже я объясню то невыгодное положение, в которое Н. был поставлен, благодаря своему строптивому характеру и бестактного поведения, а теперь расскажу о том случае, когда Н., разыгрывая роль прокурора, в собрании, во время танцевального вечера был наказан женою его, на которой он только что женился.

⁸³ Николай Иванович Непорожний.

[61] У Абазы были три дочери, очень интересные и хорошенькие барышни: Катя, Лиза и Саша, и за всеми тремя полтавская молодёжь ухаживала, и в числе претендентов на их руки и сердца были: у Кати прокурор Н., у Лизы⁸⁴, помощник Базилевский⁸⁵ и у Саши⁸⁶ князь Демидов⁸⁷, и все трое впоследствии поженились на своих предметах, хотя пары эти составились не по увлечении барышень, а лишь по расчёту, причиной которому послужило поведение их матери⁸⁸, с которой Абаза разошёлся и сам женился на молодой девушке – ровеснице его дочерей⁸⁹.

Кате Н. не нравился, и она старалась избегать его общества. Во время вечеров я постоянно танцевал с ней мазурку и дирижировал танцами, так было во время её девственности, так было и по замужеству. Во время последнего вечера на масленице, на заговенье я по обыкновению пригласил на мазурку Екатерину Александровну Н. и, дабы продлить этот вечер, я перевёл часовую стрелку на 2-3 часа назад, ввиду того, что полтавский архиерей мог придраться, что танцуют после 12-ти ч. ночи. В этот вечер обыкновенно губернатор и жандармский полковник Белов по заведенному порядку, как только наступал 12-й час, по правильному времени, уезжали из собрания, дабы не служить помехой обществу в продолжении танцев, так поступили и в тот злосчастный вечер. Публика же успела протанцевать только 2 кадрили, и оставалось ещё кольтйон и мазурка. После второй кадрили Н. подошёл к жене и стал приглашать её домой, объясняя, что ему, как прокурору, неловко оставаться в собрании, тем более что губернатор и полков. Белов уехали.

[62] Екатерина Александровна, как большая любительница танцев, не могла помириться с мыслью оставить так скоро собрание и просила мужа остаться, но, несмотря на просьбы жены, её сестёр и многих других знакомых, Н. настоятельно стал требовать отъезда жены, тогда она сказала, что не может ехать, так как обещала танцевать со мною мазурку.

Во время этих разговоров мужа с женой я был в буфете и курил, не зная, что делалось в танцевальном зале. Входит в буфет Н. и, подойдя ко мне, спросил: «Н.Н., Вы танцуете мазурку с моей женой?», и на мой утвердительный ответ сказал: «Вы, вероятно, не будете претендовать на

⁸⁴ Елизавета Александровна Абаза (Базилевская, 1846-1929).

⁸⁵ Григорий Иванович Базилевский (1842-1892).

⁸⁶ Александра Александровна Абаза (Демидова, Сумарокова-Эльстон, 1853-1894).

⁸⁷ Александр Павлович Демидов (1845-1893).

⁸⁸ Елена Алексеевна Золотарёва (Абаза, Икскуль-Гильденбандт).

⁸⁹ Елена Федоровна Дейтрих (Абаза, ум. в 1909).

Катю, если она уедет домой потому, что уже поздно?» На это я ответил, что мне незачем претендовать. Тогда он предложил мне руку, и мы отправились в зал. Подходя к группе дам, я заметил, что Екатерина Александровна закрылась веером от стороны мужа и делала мне знаки глазами и лицом, чтобы я не соглашался. Когда Н. заявил жене: «Катя, вот Н.Н. говорит, что он не будет в претензии, если ты уедешь до мазурки домой». На это Е.А., опустив веер и смотря мне в глаза, спросила: «Как Н.Н., Вы не будете в претензии, что я не буду танцевать с Вами?» На это я ответил: «Претендовать не имею права, а жалеть и, быть может, плакать буду». Получив такое заявление, она категорически сказала мужу, что остаётся в собрании. Муж, обратясь к жене, сказал: «Е.А., я, как муж Ваш, требую, чтобы ехали со мною домой, иначе я поеду один». На это жена заявила, что она ему не препятствует, и после всего этого разговора, [63] во время которого Е.А. сильно волновалась, с ней сделалась истерика, все бросились утешать её, повели в уборную, и об этом дали знать её отцу, который в то время играл в другой комнате в карты. Абаза вышел в зал и, подойдя к Н., стал его упрекать в таком поведении против жены и заявил: «Неужели Вы думаете, что у меня не найдётся в доме кровати, чтобы переночевать моей дочери? Можете ехать домой, а Катя останется со мной здесь». Н. поклонился и уехал.

Конечно, после этого настроение общества было не то уже, и мы кое-как дотянули вечер, сократив его насколько возможно. В течение целой недели Е.А. жила в доме отца и только благодаря участию Долгорукова, Кованько, Волковых и Бутовского Н. съездил к Абаза, извинился перед женой, и они, помирившись, переехали к себе на квартиру.

Но благодаря строптивости характера и необдуманых действий Н. недолго оставался в Полтаве и вскорости был перемещен в другой город, чему послужило, по видимости, следующее обстоятельство: 19 февраля, в день освобождения крестьян от крепостной зависимости, был отпразднован любительским спектаклем, по окончании которого из любителей, кадетских и архиерейских певцов был составлен громадный хор в русских костюмах, который пропел Народный гимн «Славься, славься» из «Жизни за царя». В числе участвующих в спектакле был молодой помещик Д. на роли лакеев, который при громадном росте и с сильным басом также присоединился к хору. Во время спектакля он в каждом антракте выпивал водку и к концу спектакля был навеселе. [64] Став сзади всего хора, из которого выделялась его голова, по поднятии занавеса, когда стали петь Гимн, я со сцены заметил, что вся почти

публика воздерживается, чтобы не разразиться хохотом. Когда кончили Гимн и занавес опустили, на сцену пришёл вице-губернатор Богданович и заявил, что Д. такие строил гримасы, что не было возможности удержаться от смеха. Во время того, когда Б. говорил, публика неистово кричала «bis», и я, подойдя к Д., умолял его не выходить на сцену и, спрятав его за кулисы, поставил хор на место. Дал знать, чтобы подняли занавес, но Д. не выдержал и опять пробрался сзади хора и стал петь, и опять повторилось то же. Затем мы заперли его в уборную, и уже на «Славься» он не выходил.

Так закончился спектакль, после которого все любители ужинали на сцене и под утро разошлись по домам. На другой день я ещё лежал в постели, как человек вошёл ко мне в комнату и сказал, что полковник прислал за мной жандарма и просит меня к себе. Одевшись, я вышел к присланному, и он мне доложил, что полковник прислал за мной извозчика.

Войдя к Белову в кабинет, он усадил меня и дал прочесть мне только что полученную им бумагу, которая оказалась предложением прокурора, в которой он, описывая поведение Д. во время исполнения на сцене Народного Гимна и обвиняя последнего в профанации этого торжественного Гимна, просил полков. Белова поручить произвести по этому обстоятельству дознание. Обсудив этот вопрос с Беловым и осуждая Н. в таких действиях, я просил Белова дать [65] мне предписание, и тут же таковое было составлено с предложением отзыва Н. Так как в качестве свидетелей Н. выставил губернатора, вице-губернатора, председателя дворянского и других, то я решил предварительно произвести негласную поверку и, надев мундир, отправился к Мартынову с целью получить от него сведения по этому обстоятельству.

Доложив ему о причине моего прихода, он расхохотался и просил меня показать отзыв прокурора, который он прочёл, и сказал: «Ну, теперь я окончательно убеждаюсь в его умопомешательстве и сегодня же буду писать министру, а вам я дам отдельное показание, на предложенные Вами мне вопросы».

Все указанные свидетели объяснили, что ничего и никто из них не заметил что-либо предосудительного, и эту поверку я отправил прокурору Харьковской судебной палаты, через полков. Белова, с заключением последнего. Вскорости после этого Н. потребовали телеграммой в Харьков, и оттуда он уже возвратился как перемещенный в другой город, не помню куда. Впоследствии, спустя несколько лет, до меня дошел слух, что жена разошлась с ним.

В Полтаве в то время был архиерей, кажется Иоанн, который относился весьма строго ко всему, что нарушало пост или благочиние и не пропускал случая высказать неудовольствие своё при нарушении того либо другого. 4 апреля в Главном Соборе совершалось торжественное богослужение, по случаю избавления Государя Александра II от злодейского покушения Каракозова, и в Соборе собрались все представители учреждений и начальники военных частей.

Во время молебствия подле полковника Белова [66] с одной стороны стоял председатель губернской Земской управы Кованько, а с другой я, и Кованько все время говорил что-то Белову и смеялся.

Видя, что архиерей смотрит из алтаря по нашему направлению и качает головой, я сказал Белову: «В.М., архиерей все сюда смотрит, будьте осторожны». Услыхав это, Кованько возразил: «Охота обращать внимание на козла», — и продолжал говорить.

Спустя некоторое время архиерей вышел из алтаря и, сложив руки, обратился очень громко к Белову: «Полковник Белов, ни в Вашем служебном положении, ни во время и ни у места, в такой торжественный день и при молитве, так вести себя!», и опять ушёл в алтарь. Белов, выслушав это замечание на свой старческий век, сильно побледнел и прислонился к колонне, благодаря которой он не упал. Видя такое положение, я предложил ему выйти из церкви и, взяв его под руку, вывел на паперть, усадил его при помощи адъютанта и вынес стакан воды, чтобы он выпил. Сделав несколько глотков, Белов спросил: «Что мне теперь делать?»

Я посоветовал ему немедленно доложить об этом шефу и забрал его к нему домой. Вслед за нами приехал туда Кованько, Долгоруков, Абаза и другие, высказавшие ему своё сочувствие, но в тоже время не советовали доносить. При этом Кованько говорил, что он это не оставит и будет жаловаться в Петербург на архиерея.

По отъезде их я все-таки настаивал на том, чтобы Белов все подробно изложил шефу в донесении, предупреждая, что архиерей сам не сможет этого оставить и будет писать. Но, несмотря на все доводы о необходимости самому описать этот прискорбный случай, Белов остался при своём и ничего не донес. Спустя некоторое время Белов получил по телеграфу предложение прибыть в Петербург [67] для объяснений по делам службы. Телеграмма эта встревожила не только жену полковника Белова, но и всех знакомых его и нас, ему приближенных.

Полковник Белов был очень стар и слабого здоровья, а потому жена

его очень боялась этого путешествия и со страхом отпустила его в путь. Спустя недели три Белов возвратился из Петербурга и заявил, что он подал в отставку по предложению шефа, объяснив, что архиерей донес в Синод об этом и подробно рассказал, в какое неловкое положение был поставлен шеф перед Государем. Граф Шувалов, ничего не зная об этом происшествии, был с докладом у Императора, и Государь спросил будто графа, известен ли ему случай с его штаб-офицером в Полтаве и что донес со своей стороны последний на жалобу местного архиерея.

Граф, выслушав суть донесения архиерея, по возвращении домой узнав, что в 3-м Отделении никаких известий от Белова не получалось по этому эпизоду, потребовал его в Петербург и предложил подать в отставку. Не будь Белов так стар, пожалуй бы граф смилостивился бы над ним и, быть может, оставил ещё на службе.

Кованько, узнав о таком печальном для Белова исходе дела, по которому виновником был только он, Кованько, выехал в Петербург и по следствием этой поездки было перемещение архиерея в другую епархию. После Белова на должность прибыл полковник Веллер Андрей Андреевич, с которым я сошёлся, как с родным.

[Кременчуг]

[68] На 20 апреля приехала жена с Лидочкой и нянькой, и я устроил сюрприз Саше, в её отсутствие с фотографической карточки, снятой с неё во Владимире, заказал художнику Волкову⁹⁰ сделать портрет карандашом в натуральную величину. Я заплатил за портрет 15 р. и за дубовую рамку 12 р., и портретом этим очень порадовал её.

Портрет Александры

⁹⁰ Василий Алексеевич Волков (1840-1907) — художник-передвижник (портрет Александры хранится в Центральном московском архиве-музее личных собраний).

Пробыв несколько дней в Полтаве, познакомив жену с семейством Веллера и Абазы, мы 24 апреля выехали в Кременчуг, куда я был назначен на отдельный пункт, и по дороге в Ковенском уезде заехали к помещику Сухотину, за которым была замужем подруга жены по институту, красавица Евгения Подерни.

У Сухотина был брат Яков Яковлевич, отставной гусар, который держал почтовую станцию, был холост, и ему сразу понравилась Саша, и он стал за ней ухаживать и все целовал ей руки. Ухаживание это продолжалось все время пребывания нашего в Кременчуге, в течение трёх с лишним лет, и, видимо, он понравился Саше. Пробыв у Сухотиных, Яков Яковлевич в своём дормезе довёз нас до Кременчуга, куда мы прибыли 26 апреля и остановились в гостинице «Юг», где и пробыли до 5 мая, а в этот день перешли на нанятую квартиру в доме баронессы Менгден, где прожили мирной и уютной жизнью с нашим сокровищем Лидочкой. С каждым днём дочка наша хорошела, и все, кто только видел её, не могли налюбоваться, до того она была интересна.

В Кременчуге было громадное общество, и мне пришлось со всеми познакомиться и впоследствии играть видную общественную роль. [69] В то время в г. Кременчуге был штаб 2 Кавалерийской дивизии. Начальником дивизии был граф Нирод⁹¹, с женой и двумя взрослыми дочерьми.

Александр Евстафьевич Нирод

Бригадными командирами — генералы Дризен⁹² и Папа-Афанасопуло⁹³. Начальником штаба — полковник Новицкий⁹⁴, жена которого, урождённая Буцкая⁹⁵, воспитанница Екатерининского института, Саша её помнила, и они сошлись на дружескую ногу. В городе квартировал Харьковский уланский полк, которым командовал сперва Чернов⁹⁶, а потом гр. Нирод, полтавский начальник дивизии.

⁹¹ Александр Евстафьевич Нирод (1805-1881).

⁹² Александр Федорович Дризен (1824-1893).

⁹³ Николай Георгиевич Папа-Афанасопуло.

⁹⁴ Николай Дементьевич Новицкий (1832-1906).

⁹⁵ Анна Егоровна Буцкая (1844-1909).

⁹⁶ Николай Пахомович Чернов (1817-1870).

Дочкой нашей все интересовались, и особенно барон Дризен восхищался ею, когда её купали и она играла в ванне, и он часто приходил к нам, чтобы полюбоваться этой картиной и побаловать её.

В тот год при мне стали вводить новое судопроизводство, и участковым товарищем прокурора был назначен Хрулев⁹⁷.

С переездом нашим в Кременчуг мы больше всего сошлись с семейством Бориса Менгден⁹⁸, состоящего из него, бывшего гродненского гусара, жены его Ольги Николаевны, урождённой Андрузской, дочки Мани, сына Кости и сестры её Елизаветы Николаевны Андрузской, старой девы. Впоследствии мы так сошлись с этой семьёй, что считали их родными для нас, в особенности пользовались расположением и дружбой со стороны Ольги Николаевны. Семья Менгден летом жила у себя в имении Омельник, в 20 вёрстах от города, а зимой переезжали в город и жили в том же доме, в нижнем этаже, а потому мы были неразлучны с этой семьёй, и отношения наши были самые бесцеремонные.

Зная, что отец мой живет в Одессе на отдельной квартире, от брата Егора, и что состояние его требует ухода за ним, [70] я пригласил его к себе на жительство, и он переехал в устроенную предварительно для него отдельную комнату и, казалось, полюбил очень Сашу и внучку Лидочку. Так как Саша забеременела, то доктор Кумме посоветовал ей оставить кормление Лидочки грудью, и она перешла на общую пищу. Перемена эта не подействовала особенно дурно на её организм, и Лидочка продолжала развиваться и расти, утешая всех окружающих. Во время сильных жаров Лидочка стала болеть расстройством желудка и после тщательного ухода за ней доброго моего доктора Кумме начала поправляться и радовать нас, но нянька незаметно для нас дала ей съесть кусочек груши, от которой ей стало хуже, и болезнь приняла серьёзный характер. Несмотря на все старания наши и докторов, спасти этого Ангела-ребенка нельзя было, и с каждым днём она угасала при отчаянном состязании нашем за её жизнь. Доктор Кумме все меры принимал к спасению её, и у него при осмотре больной наворачивались слезы на глазах.

Видя же, что спасти её нельзя, он после одного визита, который был последним, отъехав домой, написал мне письмо, в котором предупредил, что Лидочка должна умереть. Действительно, последние дни своей жизни этот ребёнок представлял из себя живого мертвеца, ничего

⁹⁷ Сергей Степанович Хрулев — юрист, сын генерала.

⁹⁸ Борис Евстафьевич фон Менгден (1804-1871).

не могла есть, не издавала звука голоса и только своими кроткими небесными взглядами улыбалась нам, и по выражению этого ангельского личика было видно, что она отлетает в лучший мир, к неземным сокровищам. Смотря ей в личико, хотелось пасть на колени и молиться ей и просить помолиться за нас у Престола Всевышнего, куда Господь призывал её. 30 августа в 1½ час пополудни [71] она, лежа у нас на кровати, под дыханием моим и Саши, не закрывая своих чудных глазок, тихо скончалась.

Отчаянию нашему не было границ, и дома, после погребения её, мы не могли совладеть с собою и прийти в себя. Все наши знакомые принимали в нас живейшее участие и старались утешить нас в постигшем горе, что действительно облегчало наши страдания. Я же скрепя сердце стал утешать, насколько было возможно, мою бедную Сашу и старался подкреплять её, чтобы не падала духом и не повредить этим будущему ребёнку нашему и, конечно, не оставить её и развлекать, насколько возможно.

Так всю осень, а затем и зиму провели мы в том году невесело, и только благодаря доброте знакомых, которые старались развлекать нас, мы понемногу стали привыкать к мысли, что не вернуть нам потерянной нашей дорогой дочки, и обратили внимание на современное состояние нашего положения, ввиду приближающихся родов Саши. Старый отец

также подбодрял Сашу и не давал ей падать духом. Наступило время родов, и жена стала недомогать, но после недолгих мучений 5 марта 1869 года в 4 часа ночью родился сын, которого мы по календарю, с совпадением числа, назвали **Константином**⁹⁹.

Отец мой был очень порадован появлением на свет внука. 1 апреля в 6 часов вечера состоялись крестины, крестным отцом был мой отец, а матерью Ольга Николаевна Менгден. С рождением Кости ободрилась и жена моя и решила кормить его сама. Опять наступили для нас радостные дни, и жизнь вошла в свою обыденную колею.

[72] Наступило лето, и мы, по приглашению О.Н., переехали к ним в деревню в Омельник, где проводили очень весело время в среде этой

доброй и дружной семьи и знакомых, которые часто приезжали туда. Постоянными же гостями, наезжающими из города к Менгден, были: Хрулев, Рязанцев, Верановский (улан), Коденец, Майорские (мать с дочерью) и много других. Часто наезжал и Я. Я. Сухотин, как ухаживатель жены моей. В доме Менгден велась жизнь всегда открытой, и сколько бы ни наехало гостей, всегда эти радушные хозяева задерживали их на целый день. Часто устраивались кавалькады, так как Ольга Николаевна была страстная наездница и не могла оставаться в доме без общества. Вообще жизнь была в высшей степени разгульная, и кременчугское общество изощрялось в создании всевозможных увеселений, которым не было границ. Ольга Николаевна, несмотря на свой слабый организм, вела образ жизни самый весёлый и суетливый, готовая всю ночь проиграть в карты либо совершать фантастические поездки, зато день свой начинала не ранее часа пополудни. Наши отношения с ней до такой степени были близки и дружеские, что я, бывало, не стеснясь, входил к ней в спальню и будил её, и угрожал сдернуть с неё одеяло, таким образом заставлял её вставать и выходить к столу пить кофе, который она особенно любила, и для неё исключительно приготавливались особые густые сливки. Никогда и никому она не писала писем и, если ей нужно было что-нибудь написать, то непременно звала меня к себе, усаживала за стол и просила составить и написать ей письмо, поверяя мне все обстоятельства своей жизни.

[74] При доброте своего сердца эта женщина готова была отдать последнее, лишь бы помочь ближнему, и никогда у ней левая рука не знала, что делает правая. Сколько раз эта голубушка выручала нас из стеснённого положения! Муж её относился к ней как к избалованному ребёнку и позволял делать все, что она пожелает, а сам довольствовался рюмкой-другой хереса при хорошем собеседнике или, читая газеты, не вмешивался в затеи жены, у которой иногда являлись неожиданные экспромты.

Я никогда не забуду, как она, если ей не спится, вскакивала с кровати, одевалась, приказывала кучеру запрячь четвёрку в коляску и в 3-м часу ночи подъезжала к нашей квартире, будила нас и требовала непременно ехать с ней кататься, и я, чтобы удовлетворить этим прихотям, должен был одеваться, выходить к ней и как сумасшедшие летать по городу, так как она любила скорую езду. Насколько она была симпатична и приятна для каждого из знакомых, настолько была несимпатична родная сестра её, Елизавета Николаевна, уже старая дева и настолько стара, что она

⁹⁹ Константин Николаевич де Лазари (1869-1930) – дед Анджея де Лазари.

заменяла мать для Ольги, в девичьем возрасте последней.

Елизавета Николаевна, помещица крепостного права, и смотрела на домашнюю прислугу, как на животных, относясь к ним с отвращением и пренебрежением. Если ей нужно было позвать лакея или горничную, то она никогда не решалась назвать имя, к кому обращается, и имела привычку обыкновенно звать громким голосом так: «Эй?! Люди! Кто там!», и если никто не являлся, за ненахождением в передней или в комнате, то она повторяла этот зов с большим криком и несколько раз становилась противной для всех присутствующих, так как выкрикивала это плаксивым голосом и делая гримасы.

Желая отучить её от этой глупой привычки, я как-то подкараулил момент, когда она должна будет звать прислугу, сделав предварительно беспорядок в комнате, и подготовил в передней лакея, двух кучеров, двух горничных, старушку няню, повара, птичницу и всю наличную дворню и сказал им, когда Елизавета Николаевна крикнет «Эй, люди!», чтобы все они шли к ней в гостиную (где она обыкновенно сидела и все занятие её было набивание себе папирос), а сам я как ни в чем не бывало сел подле неё и стал говорить: «Какой беспорядок до сих пор в комнате, и никто не приберёт».

Она посмотрела и очень громко крикнула: «Эй, люди, кто там?!». В один момент все, что было в передней, прибежало в гостиную и остановилось в дверях. Она испугалась этого шума и стала спрашивать, что случилось. На это я ответил: «Вы кричали «люди», все они и пришли».

Все это произошло неожиданно, в присутствии массы гостей и возбудило общий хохот. Е.Н. же рассердилась на меня, но уж с тех пор перестала так звать прислугу.

Выше я сказал, что при мне в Кременчуге настало преобразование судебной реформы. Но, несмотря на это, местные необузданные нравы оставались ещё нетронутыми, и барству, самодурству и безобразию не было пределов. Следующие факты достаточно характеризуют типы людей того времени.

Местный помещик и житель Кременчуга, отставной гусар Андрей Остроградский, все состояние своё пустил на цыганок из хоров, обогащая Катей, Любашей и других, и слыл человеком, как говорится, «нраву моему не препятствуй». Остроградский держал [75] в 20 вёрстах станцию почтовых лошадей, и его лошади славились на всю губернию, и он щеголял ими. Как-то раз мне пришлось приехать из г. Градижск

в Кременчуг, после исполнения служебных обязанностей. Весь багаж мой состоял из ручного сака, и ехал я один, на перекладной, парой. Подъехав к станции Остроградского, я просил смотрителя дать мне пару лошадей, а сам вошёл в комнату для приезжающих. Что-то очень скоро смотритель вошёл ко мне и сказал: «Лошади готовы». Я вышел на крыльцо и увидел, что стоит большая перекладная, запряжённая шестериком вороных лошадей. Спросив смотрителя, что это значит, он ответил мне, что г. Остроградский приказал, когда бы я ни проезжал, запрягать шестерик и ямщики чтобы были в парадной форме. Хотя я требовал перепрячь лошадей и дать мне только пару, но смотритель умаливал меня согласиться ехать шестериком, так как, если Остроградский узнает, что он отпустил меня на паре, то оштрафует его. После настоятельных просьб смотрителя я согласился и сел на эту перекладную. Помню, ямщика звали Гореловым.

Как только я сел, смотритель вынул часы и сказал: «Горелов, 7 часов». Лошади тронули, и меня понесло марш-маршем. Несмотря на приказания мои ямщику ехать тише, на наносимые ему удары в спину, он не сдерживал лошадей, и я в $\frac{3}{4}$ часа доехал домой как угорелый, не в состоянии был долго опомниться от перенесённой трепки.

[76] Кто только был по душе Остроградскому, к тем непременно он был на ты и при всяком удобном случае оказывал ему особое внимание. Кутежи его были нескончаемы, и выпивалась вина масса и непременно на его счёт, так как он никому не позволял платить там, где он сам участвует. Сидя как-то дома и занимаясь в кабинете, ко мне пришёл жандарм и доложил, что купец Андриевский (винный и бакалейный магазин) прислал на извозчике приказчика и просил меня пожаловать в магазин по какому-то важному делу. Выйдя в переднюю, я действительно застал там приказчика, который сказал: «Г. Андриевский просят Вас пожаловать в магазин, там что-то случилось». Не зная, в чем дело, я поспешил отправиться, и, войдя в магазин Андриевского, поздравившись со мной, просил пройти с ним в заднюю комнату, где я застал Остроградского и человек 12 уланских офицеров. Остроградский, обратившись ко мне, сказал: «Голубчик Коля! Собрались мы здесь, чтобы оказать тебе нашу любовь и привязанность и выпить с тобою шампанское за твоё здоровье. Так как другого сосуда не было, то избрали эту чашу, дабы из неё выпить круговую». Остроградский при этом подал мне громадный стеклянный горшок (урыльник), наполненный шампанским, и на горшке этом были вырезаны фамилии всех присутствующих,

в том числе и моя фамилия. Долго мы просидели в этом кабачке, а затем все отправились к нему и разошлись только в 3 ч. ночи, когда Остроградский уже не мог подражать. Горшок же этот он всегда хранил у себя на письменном столе.

[77] Остроградский был женат на дочери соседа по имению, и тесть его всегда возмущался поведением зятя. Несмотря ни на какие просьбы изменить образ жизни и перестать пить, Остроградский продолжал своё, и тесть, выведенный из терпения, сказал: «Даю тебе честное слово, что моя нога не будет у тебя, пока ты не перестанешь пить, разве когда дочь моя будет на столе, умершей». В продолжение нескольких месяцев действительно отец жены Остроградского не навещал дочери, и последняя скучала. Тогда Остроградский устроил комедию с отцом: приказал жене представиться умершей, положил её на стол и пригласил массу знакомых на погребение, послав известие и тестю своему. Не предполагая в этом шутки, все съехались к нему в имение, и, когда стали служить панихиду, причём отец убивался горем, и перед тем, когда следовало читать «со святыми упокой», Остроградский приказал жене встать и по случаю воскресенья жены приказал подать вина, запер квартиру, чтобы никто не мог уйти и отпраздновал два дня в обществе тестя.

Во время кременчугской ярмарки в июле месяце, как-то вечером в 9 часу, сидя дома, я услышал на улице похоронный марш, и музыка, приблизясь к моей квартире, остановилась и продолжала играть.

Удивившись такому неурочному времени похорон, я вышел на балкон посмотреть, кого хоронят, и увидел посреди улицы линейку, запряжённую четвёркой лошадей цугом, ямщики держали лошадей с боков, а на линейке лежал Остроградский, а по сторонам стояли 4 офицера, [78] державшие его за плечи и ноги. Выйдя к ним на улицу, я стал выговаривать им, что они так безобразничают, тогда Остроградский вскочил, с помощью офицеров посадил меня на линейку и приказал ямщикам сесть на лошадей и ехать домой, пригласив и музыку следовать за поездом. По приезде домой приказал подать ужин, и мы до 4 часов утра праздновали воскресенье Остроградского.

Все это было при мне, и я удивлялся, что подобные фарсы проходили ему безнаказанно. Очевидцы же прошлого мне рассказывали, что во время графа Никитина¹⁰⁰, который строго относился к офицерам и жестоко поступал с ними за всякий мало-мальский поступок, Остроградский как-то подержал громадное пари, что он голым проедет верхом

¹⁰⁰ Алексей Петрович Никитин (1777-1858)

мимо окон графа, который всегда смотрел из окна, что делается на улице. Об этом пари знали адъютанты Никитина, и какое же было удивление их, когда действительно Остроградский, нарисовав на голом теле гусарский мундир, с обозначением пуговиц и шнурков, верхом шагом проехал мимо окон в то время, когда Никитин смотрел вместе с адъютантом. Так как по близорукости граф не мог разобрать, что за фигура проехала, то на его спрос адъютанты доложили, что это Остроградский в новом мундире. Граф успокоился, а он выиграл пари.

В Кременчуг часто наезжал помещик Николай Иванович Капнист, родной брат [Владимира Ивановича¹⁰¹] предводителя дворянства, впоследствии фамилии Капнист присвоено графское достоинство. Николай Капнист любил страшно пить, и в этом положении доходил до безобразия в поведении. [79] Как-то приехал он вместе со своим священником и остановился в гостинице «Юг», взял № и приказал подать водки и закуски, и вместе с попом нализались. Капнист запер попа в номере и приказал номерному никуда его не выпускать, а сам с утра ушёл в город и явился только в № на другой день. Поп стал претендовать, а он, чтобы его утешить, предложил поехать кататься на лодке по Днепру. Купил водки, закуски, 2-3 бут. шампанского. Усадил священника в лодку, а сам взял весла и выехал на середину реки и предоставил течению нести лодку. Когда уже достаточно оба нагрузились, Капнист принялся опять грести и повернул к берегу. Чем ближе подходила лодка к берегу, тем сильнее Капнист стал раскачивать её, и кончилось тем, что поп слетел в воду и погрузился с головой. Тогда Капнист выскочил на берег, поднял руки вверх и благим матом стал кричать: «Помогите! Поп утонул!» Собрался народ, и пьяного попа, как мокрую курицу, вытащили на берег, и Капнист, не давая ему обсохнуть и переодеться, приказал заложить лошадей и увёз попа обратно в деревню, где и сдал его совершенно мокрого попадье.

Того же самого попа он заставил, стоя на коленях, заложивши руки назад, достать с пола губами рублёвую бумажку, и если поп совершал это, то рубль брал себе.

Да, много было шуток и фарсов в то время, и не верится возможности существования чего-либо подобному, если бы я сам не был очевидцем всего рассказанного. Если бы все эти фарсы описывать, то потребовалось бы много бумаги.

¹⁰¹ Владимир Иванович Капнист (1839-?) – кременчугский уездный предводитель дворянства в годы 1868-1871.

Сынок наш Костя развивался и креп в деревне, и в августе мы возвратились опять в город. [80] По переезде нашем вскорости приехали к нам мои братья: Егор, Василий и Костя с жёнами и дочь Егора Саша и, прогостив у нас, разъехались. За время их пребывания у нас мы сняли группу с отцом моим, на память этого события, и группа эта существует до сей поры.

*Егор, Мария (Стратонович),
Николай, /
Константин, Николай
(отец), Василий, Анна
(Беляева), /
Прасковья (Павлова),
Александра (Энгельгардт)*

Отец мой по старости своей и вечной раздражительности становился невыносимым, так как стал придирается к Саше, делал ей сцены, и это обстоятельство дошло до разрыва моего с ним, и отец опять уехал в Одессу.

В сентябре месяце приехала к нам мать жены и брат её Костя и, пожив у нас две не-

дели, 14 сентября выехали в Петербург и забрали с собой Сашу с Костей. Отправились мы пароходом, и я провожал их до Киева.

Прожила Саша в Петербурге до декабря месяца и, списавшись с ней, 20 декабря я выехал по вновь строящейся железной дороге за Сашей в Киев, взяв 28-дневный отпуск, чтобы из г. Киева по железной же дороге проехать в Одессу к брату Егору.

На праздники 24 декабря прибыл в г. Киев и застал Сашу с Костей и нянькой, с усами, в Европейской гостинице. Предполагая, что мне обратно придётся ехать тоже по железной дороге, я отправился в управление дороги просить билета на проезд от Киева до ст. Березовка, и какво же было мое удивление, когда мне заявили, что рабочий поезд пойдёт только после всех Рождественских праздников, и мне в перспективе

представлялось все праздники прожить в Киеве, в гостинице, со своей маленькой семейкой и просидеть, совершенно непроизводительно потратив столько времени. Не откладывая в долгий ящик свою поездку, я решился ехать почтовыми и отправился на станцию искать экипаж и попутчика. Смотритель станции заявил мне, что есть попутчик дама [81] с ребёнком, тоже едущая до Жмеринки, и показал мне единственный экипаж, который можно было взять напрокат, это громадный омнибус, в который можно вместить человек 8. Нечего делать, условились с дамой, которая оказалась женой доктора в Одессе, взяв проводника к экипажу, мы двинулись в путь, и чем дальше подвигались, тем дорога становилась затруднительнее, так как не было шоссе и дорога представляла сплошной чернозём. Подъезжая к Белой Церкви, задняя рессора лопнула, и мы должны были просидеть на станции лишний день, пока исправили. Тащились мы почти шагом, и приходилось запрягать по 8 лошадей. Кое-как наконец добрались мы до станции Шамраевки, где и был конец наших мучений.

2-го января 1870 года мы только прибыли в Одессу к брату Егору и здесь расположились на полный отдых. Брат и семья его были очень внимательны к нам, предоставили все возможные увеселения. В течение месяца пребывания нашего у Егора я успел присмотреться к жизни всего его семейства, где отец, постоянно занятый коммерческой игрой

в клубах, мало интересовался, что делается дома, имея в нем только физический отдых и питание, не обращая внимания на воспитание детей, и мать, Марья Григорьевна, как любительница тоже общества и карт, не имела времени следить за детьми.

*Коля Егорович (1853-1885),
Костя Николаевич
и Серёжа Егорович (1858-?)*

Старший сын их Николай, достигнув 16-ти лет, при физическом развитии, считался в 3 классе Одесской гимназии и тихо учился, а младшие братья его, Сергей и Михаил, 11 и 10 лет, кое-как занимались дома с учителем. [82] Ежедневно Николай ходил с книгами в гимназию, но, сидя дома, незаметно было, чтобы он подготовил уроки. Это обстоятельство навело меня на мысль проверить, ходит ли он на уроки в гимназию и, избрав для этого удобный день, после ухода Коли из дому спустя некоторое время, я отправился в гимназию и, обратившись к директору, как родной дядя, спросил его, как учится и ведёт себя Коля.

Директор повёл меня в инспекторскую и показал журнал, в котором в течение 4 месяцев только и были отметки «нб», что означало «не был». Дальнейшее наблюдение за Колей выяснило, что он вместо уроков ходил в ресторан, где упражнялся в игре на бильярде. Переговорив об этом с Колей, я спросил его, хочет ли он поступить в военную службу юнкером, и он с радостью согласился.

Выбрав свободное время, я стал говорить Егору о положении его детей, за которыми никто не следит, доказав ему, что подобное состояние приведёт их к пагубному последствию, и упросил его отдать мне всех троих на мое поселение и что я Николая определю юнкером в Уланский полк, а двух последних в Полтавский кадетский корпус. Егор благодарил меня за заботу и сказал, что он доставит мне сперва Колю, а потом Серёжу и Мишу. До отъезда нашего из Одессы я успел привести все необходимые бумаги детей в порядок, которые и забрал с собою. Простившись с семьей Егора, мы в феврале выехали из Одессы и прибыли в Кременчуг по железной дороге 8 февраля в 6 часов вечера.

По приезде домой я стал хлопотать об определении Коли в полк [83] и, благодаря добрым отношениям моим к начальнику штаба 2-ой Кав. дивизии Новицкому и командиру Харьковского уланского полка графу Нироду, мне удалось выхлопотать определение Коли, и я потребовал его к себе для этой цели. К экзамену его отнеслись очень снисходительно и выдали ему свидетельство, и спустя некоторое время, обмундировав его, из Коли вышел бравый улан. Затем Коля был отправлен в Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище, где не кончил и вышел в отставку. Впоследствии поступил в Петербургское интендантство, женился, прижил сына и умер. Жена, вдова, переехала на жительство с сыном в Одессу и служила в редакции «Новороссийского Телеграфа» у Озмидова¹⁰².

¹⁰² Михаил Павлович Озмидов (1836-1897) – с 1874 по 1897 редактор-издатель «Новороссийского

Летом привезли к нам Серёжу и Мишу, и я определил их приходящими в Полтавский кадетский корпус, поместив у адъютанта Гаврилова, а потом они были записаны на казённый счёт. Оба хорошо кончили курс, Серёжа вышел в артиллерию, а Миша по неспособности к военной службе пошёл по гражданской, великолепно рисовал. Сергей потом женился, и я переместил его в 7 бригаду к Постовскому¹⁰³, а затем он вышел в отставку, и теперь не знаю, где он с семьей¹⁰⁴.

У жены были сестры София и Мария, и старшая вышла замуж за полковника Песпера, потом овдовела, а Мария, девушка, старше Саши, и мы выписали её из д. Флусово¹⁰⁵ к себе на жительство. Она всё время до приезда к нам страдала ногами и от нас поехала на минеральные грязи в крымские Саки, где пробыла весь курс и получила облегчение.

[84] Жена ходила это время беременной и чувствовала себя хорошо. Костю отняли от груди, и его нянька приучила его ко всему мучному, и ноги Кости с каждым днём больше кривились, и он ходил, как утка переваливаясь с ноги на ногу, ноги же представляли колесо. Это нас очень беспокоило.

2 ноября родилась дочка, смуглая, хорошенькая цыганочка, и по календарю мы назвали её Женей. Крестными были Сухотин и Мария Григорьевна (жена Егора). Саша сама кормила, и я всегда любовался, как эта чернушка прикладывалась к груди матери. Все время и жена, и Женя были здоровы, и ничего не служило мне препятствием предаваться разгулу жизни в то время в Кременчуге.

Александра с дочкой

телеграфа».

¹⁰³ Иван Константинович Постовский был командиром 7-ой артиллерийской бригады в годы 1872-1888.

¹⁰⁴ Сергей де Лазари в 1890-1891 гг. служил чиновником в канцелярии Иркутского генерал-губернатора. Там прослыл живописцем. См. http://irkipedia.ru/content/de_lazari_mihail_egorovich.

¹⁰⁵ Деревня Флусово в Ельнинском уезде упоминается в книге *Списки населенных мест Смоленской губернии в 1868 г.*

Выбрали меня старшиной клуба и хозяином, и я вошёл в роль устраивателя вечеров и спектаклей и заслужил такое расположение общества, что когда кавалерийские полки всей дивизии устроили общий пикник в здании штаба, то меня избрали хозяином этого вечера. Мне помнится на этом вечере случай, когда все сели за ужин и лакей с громадным подносом с чашками бульона вошёл в зал и как только-что хотел подать начальнику дивизии графу Нироду бульон, то поднос оборвался, и более 70 чашек с бульоном и с ложечками полетели на пол, и все разбилось вдребезги. Оказалось, что поднос был сделан из толстого картона, и никто этого не заметил. Хотя следующие лакеи и не потерпели такого фиаско, но бульону многим не хватило.

[85] В Кременчуге полицмейстером был тогда Сидоренко, также большой любитель спектаклей, и мы оба до такой степени приобрели значение на этом искусстве, что общество разделилось на две партии, и одну называли «сидористы», а другую «делазаристы». Я увлекся до того, что было сумел поставить на сцену пьесу «Десять невест и ни одного жениха»¹⁰⁶ из любительниц, молодых дам и барышень, хотя пришлось возиться с этой постановкой до 3-х месяцев. Все невесты были в общих мундирах, подходящих по форме к Харьковскому уланскому полку. Но Полтавский корпус взял ружья кадетские и из Одессы выписал 10 детских барабанов. Пьеса сошла очень хорошо, и публика заставила повторить этот спектакль. Я играл отца Шенгала, а Сидоренко Париса.

В одном спектакле была поставлена пьеса, в которой главную роль должна была играть Ксения [Михайловна] Бутовская, очень талантливая девушка, но она сильно заболела и не могла играть. Так как роль её заменить было нечем, то вместо этого водевиля просили меня и Сидоренку сыграть «Два зайца по одному следу». Ни я, ни Сидоренко не знали ролей, а только видели эту пьесу на других сценах, и мы оба, после настоятельной просьбы, решились выйти на сцену, и каждый из нас валял что вздумается, так как суфлёра мы не могли понять. Публика страшно хохотала, от этого балагана и без всякой мысли мы должны были закончить игру, после которой брат Бутовской, Пётр Михайлович¹⁰⁷, [86] присутствовавший на том спектакле (ныне же товарищ министра

¹⁰⁶ Оперетта Франца фон Зуппе (*Zehn Mädchen und kein Mann*, 1862).

¹⁰⁷ Пётр Михайлович Бутовский (1842-1912) – юрист, был мировым судьей Кременчугского уезда; с 1874 г. председатель Гродненской палаты уголовного и гражданского суда, затем председатель Люблинского суда и Харьковской судебной палаты, а в 1882 г. Варшавской; товарищ министра юстиции (1894).

юстиции), пришёл за кулисы и сказал: «Ну, Господа, сыграли водевиль, который можно назвать «Два зайца по одному следу» или «Кочерга в сметане». В Бутовскую был страшно влюблён Сидоренко, а её сестре¹⁰⁸, замужем, очень нравился я, и она всеми силами старалась увлечь меня и много раз писала мне письма.

Лето того года мы опять жили в Омельниках, наняв особую дачу, недалеко от имения Менгден и изо дня в день видались с семейством их. По приезде в город опять наняли квартиру в доме Менгден.

В день рождения Кости, 5 марта, все почти знакомые приезжали поздравить его, и каждый считал своею обязанностью принести ему подарок, какую-нибудь игрушку. Не забыть этот замечательный день в том отношении, что Костя дичился всех, и, чтобы его не видели, он сел в гостиной под стол, за салфетку, и каждый спрашивал: «А где же Костя?», – и, узнав, что он сидит под столом, совал ему туда игрушки, которых набралась такая масса, что потом, когда я сосчитал, на какую сумму было куплено это, то оказалось на 55 руб. с копейками. Но, при его тогдашнем болезненном и раздражительном состоянии, недолго просуществовали эти игрушки. Английская болезнь [рахит] Кости все усиливалась, голова и живот увеличивались, руки утончались, а ноги кривились.

Жизнь наша в Кременчуге становилась открытая, сношение с обществом увеличивалось, а с этим увеличивались и деньги, [87] которые довели наш материальный быт до крайних пределов, тем более что с проведением железной дороги все вздорожало в три раза и встречалось необходимостью искать перемещение в другую местность.

Так как нам рассказывали о дешевизне жизни в Царстве Польском, то я и остановился на мысли ходатайствовать о перемещении туда. Взяв 2-х месячный отпуск, простившись со всеми друзьями и приятелями, мы 21 марта 1872 г. выехали в Петербург. Проводы нас из Кременчуга были самые трогательные, и я рыдал как ребёнок. Шампанского было выпито масса бутылок. Сухотин проводил нас до Полтавы. (1 апреля 1872 – произведен в капитаны).

По прибытии в Петербург болезнь Кости стала сильно увеличиваться, и по совету родных мы обратились к доктору частной детской клиники, Зеленскому¹⁰⁹, которого нужно было пригласить, послав к нему карету и за визит 5 руб. По осмотре Кости Зеленский прямо и откровенно поставил категорический вопрос, заявив нам, что если мы желаем спасти

¹⁰⁸ У Ксении Бутовской были две сестры – Софья и Мария.

¹⁰⁹ Михаил Самойлович Зеленский (1829-1890) – врач-педиатр.

сына, то должны положительно отказаться быть ему отцом и матерью, так как не должны обращать внимание на дальнейшие его страдания при лечении и держаться строго советам его. Первым долгом он приказал ни крошки хлеба, ни в каком виде ему не давать, а взять овсяной муки и сделать ему затирку и перед тем, как давать есть, влить туда ложку известковой воды и кроме этой пищи ничего Косте не давать, несмотря на его неистовые крики, запретив и няньке подходить к нему и утешать его. Решившись на такой способ лечения, нужно было быть [88] на нашем месте (отца и матери), чтобы иметь понятие, что происходило внутри нас при тех мучениях, которым подвергся ребёнок после такой разбалованной его жизни.

Костя де Лазари

Действительно, Костя бедный кричал, метался по полу, готов был кусаться, лишь бы не давать ему этой затирки. Почти двое суток он не дотрагивался этой еды и все время кричал и плакал, но мы выдерживали скрепя сердце. На третий день он по немного стал пробовать свою пищу и с каждым днём становился спокойнее, и так как аппетит его с каждым днём усиливался, то усиливалась и доза этой пищи. Результатом этой выдержки было значительное улучшение состояния его

здоровья и в двухнедельный период он заметно поправился, живот стал опадать, руки и ноги полнеть. Затем лечение это продолжалось, ему, кроме затирки, стали давать сырое мясо, вместо булок сухари, и Костя значительно поправился. Но болезнь эта имела громадные последствия на весь его организм и характер, при постоянно расстроенных нервах, и все это составило мучения и терзания, как для него самого, так и для окружающих близких его. О чем придётся ещё говорить ниже в своём месте.

[В Царстве Польском]

Оставив жену и детей в Петербурге у матери, я 13 апреля выехал в Варшаву, куда поступило назначение меня на должность начальника жандармского управления Гроецкого, Блонского и Горно-Кальварийского уездов. По прибытии в Варшаву представился начальнику округа генерал-адъютанту барону Фредериксу¹¹⁰ и начальнику Варшавского

губернского жандармского управления старому генералу [89] Вуншу¹¹¹, который был женат на польке, весьма оригинальной женщине, которая, несмотря на свой старческий возраст, всегда желала казаться молоденькой. Одевалась особенно оригинально и носила разные вычурные костюмы, при этом белилась и румянилась до смешного.

Платон Александрович Фредерикс

Ознакомившись со всеми членами управления округа и побывав у каждого из них в доме, я отправился к новому местослужению своему в г. Гроец, куда ежедневно ходили почтовые кареты, на расстоянии 44 вёрст. Карета выходит обыкновенно в 4 часа утра и в Гроец приходит в 5-6 часов вечера.

По приезде в город я остановился в № в ресторане Розманита¹¹², — это единственное место, где останавливаются приезжие. На почтовой станции встретил меня вахмистр Ищенко, с помощью которого я и перешел в № почти напротив почты. Спустя некоторое время ко мне вошёл какой-то офицер и спросил, не брат ли я Василию Николаевичу де Лазари? На утвердительный ответ он отрекомендовался капитаном Запороженко и сказал, что служил с братом в Ширванском полку.

Мне очень приятно было познакомиться с ним, так как из рассказов брата о его жизни на Кавказе он часто вспоминал Запороженко как

¹¹⁰ Барон Платон Александрович Фредерикс (1828-1888) — в 1867 назначен начальником Варшавского жандармского округа.

¹¹¹ Василий Федорович Вунш (1811-1874).

¹¹² Станислав Розманит (Rozmanith) — варшавский купец, торгующий колониальными товарами.

близкого ему товарища и друга. Оказалось, что Запорощенко служит в Гройцах же нач. земской стражи. В тот же вечер я отправился к предместнику капитану Орловскому, от которого я должен был принять должность. Просидел я у него [90] до 11 часов, знакомясь, с его слов, с положением нашим в том Крае и вынес впечатление, что работы там куда больше, чем в России, и положение жандармского офицера значительнее имперского.

*Гроец в 1867 г.*¹¹³

На другой день в 9 часов я приступил к приёму жандармского управления. При этом Орловский выставил всю мелочность его натуры, ставя мне в счёт всякий лист бумаги, всякий предмет журналов и книг, и у нас дошло до таких недоразумений, что я отказался принять все вещи по указанным им ценам, и он подал рапорт генералу Вуншу, который на докладе об этом начальнику округа предлагал Орловскому сдать все мне по учёту денег, отпущенных на канцелярские расходы (50 р. в год).

¹¹³ *Rynek w Grójcu (Рынок в Гройце)*, „Tygodnik Ilustrowany” 1867, nr 381.

Это обстоятельство дало мне возможность учесть Орловского по его счёту, больше чем на 170 руб., что и поставило нас в неприязненные отношения.

По отъезде Орловского я занял его же квартиру, которая была по отводу, состоящая из 4-х комнат, с передней и кухней. Впоследствии по переписке Орловского в Польском банке я удостоверился, что он на этой должности сумел скопить 20000 руб., и по всему этому со стороны всех служащих в уездах, всех жителей города и помещиков он не пользовался расположением и уехал из города не солоно хлебавши. Я понемногу стал устраивать свою квартиру, так как из вещей Орловского, по дороговизне, ничего не мог приобрести, и вещей этих было весьма недостаточно, и потому, приняв управление и ознакомившись с делами и перепиской, [91] я отправился в Варшаву, где и затратил более 400 р. на все обзаведение.

В мае месяце приехала семья, и мы зажили в Гройцах новою семейною жизнью, при хорошей кухарке и горничной. Прислуга в том краю вообще очень хороша и очень дешёва, и нанимаются они по кварталам (3 месяца) обыкновенно 9-10 р. на квартал, что по тогдашним ценам считалось хорошей платой. Обыкновенно же чиновники держали по 7 руб. на квартал и в лице одной прислуги заключалась горничная, кухарка, прачка, называясь до вшисткого (всего).

Под городом, в 2-х вёрстах, было имение «Глухов», принадлежащее начальнику Варшавского уезда П. Я. Тевелеву, который не жил в этом имении, а только иногда наезжал для проверки дел в тамошнем пивном заводе. В имении этом был хороший дом, сад и протекала река. Познакомившись с Тевелевым, он предложил нам занять этот дом на лето, и мы с удовольствием переехали туда, где и детям нашим представлялось раздолье в чистом воздухе, а также и жене нужен был воздух, купание и моцион, потому что она ходила уже беременной.

Костя уже был 3-х лет и всюду ходил за мною. В то время была при нем нянькой девочка, 15 лет, Саша, привезённая из Кременчуга. Под горой в саду была устроена на реке купальня, и я никогда не забуду, как Костя, играя на мостках, упал в воду и чуть не утонул, так как подле него не было в это время Саши, а я был в купальне и услышал, что что-то упало в воду. Выскочив из купальни, я не видел Кости [92] на мостках, и он был уже под водой, и место, где он играл, я заметил только потому, что вода была замутнена, и я бросился в воду и успел вытащить его, но он не подавал голоса. Испугавшись, я взял его на руки и побежал с ним

к дому на гору и, когда вносил его в комнаты, то тогда только он крикнул и стал плакать. Я так встревожился, что, положив его на кровать, сам истерически разрыдался и долго не мог успокоиться от одной мысли, что он мог погибнуть. Женя росла крепенькой девочкой и никаких болезненных признаков не было. Выглядывала маленькой, хорошенькой цыганочкой, и все у ней было пропорционально.

За время пребывания в Глухове я успел познакомиться со многими помещиками, которые всегда очень любезно меня принимали. Начало знакомства моего с ними было у помещика [Феликса] Худзинского, в имении «Залесе», в 2 вёрстах от города и от Глухова. Это были очень богатые люди. У них же познакомился с [Болеславом] Крживошевским, который был женат на их дочери и имел имение «Дрвалев»¹¹⁴ в 7 вёрстах от Гройца. Так же познакомился с многими другими помещиками: [Кароль] Сосновский, имение «Михров», Нивинский, имение «Тшиляткув», Чарноцкий, [Юлиян] Зелинский, [Пётр] Суский и много других. Все они очень были довольны этим знакомством и относились очень внимательно ко мне потому, что мой предместник Орловский никогда и ни с кем

из них не знакомился.

*Глухов – дворец
Тевелева*¹¹⁵

¹¹⁴ См. <http://www.institut-genealogii.com.pl/index.php?mod=artykuly&id=2&itemid=119>.

¹¹⁵ Фот. Andrzej Zygmunt Rola-Stężycki. См. его же, *Rezydencje... ziemiańskie siedziby w Grójeckiem*, Grójec 2010. Приношу благодарность автору за эти фотографии.

*Залесе –
дворец
Худзиньских*¹¹⁶

Любезность помещиков дошла до того, что они первые [93] сделали мне визиты, и я счёл обязанностью им ответить. Так как политическая благонадёжность жителей Края устанавливалась нашим учреждением и фраза, частоголословная, «в политическом отношении неблагонадёжен» принималась местной администрацией как характеристика данного лица и от характеристики этой зависел весь быт этого лица, в нравственном, политическом и его экономическом отношениях, то из одного лишь патриотического чувства несимпатии к полякам был бы большой несправедливостью при всех обстоятельствах к сказанной выше фразе прибавлять частицу «не». Сознавая же, что правительство, доверяя учреждению нашему (Корпусу Жандармов), и ожидает от нас справедливой характеристики по аттестации в политической благонадёжности местных жителей, встретила необходимость ознакомиться ближе с жизнью каждого жителя всех сословий, дабы не давать голословных отзывов о той либо другой личности.

В канцелярии управления моего по трём уездам я застал до 40 книг контролей. В книги эти вписывались: все помещики, арендаторы имений, управляющие, ксёндзы, чиновники и вся шляхта, проживающая в данных уездах, и со всеми членами их семейств, и против каждого

¹¹⁶ Там же.

из них делалась отметка, в особой графе, о политической благонадёжности. Всякий случай, мало-мальски дающий повод заподозрить кого в этой неблагонадёжности, как факт заносился в контроль, а этого весьма достаточно было, чтобы такому лицу оставаться на всю жизнь неблагонадёжному.

*Дрвалев – дворец
Кжовошевских¹¹⁷*

*Михров –
усадьба
Сосновских¹¹⁸*

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

[94] Мера эта, принятая правительством относительно местного польского населения после мятежа 1863 года, была необходима, дабы не впадать в такие ошибки, какие были причиной разгоревшегося восстания до 1863 года, но мера эта достигает целесообразности, если люди, которым правительство наше доверяет благополучие края, стоят на высоте своего призвания. В данном случае впадать в ту либо другую сторону личных симпатий будет полною несправедливостью и породит массу недоразумений. Опасным элементом для правительства, по поддержанию политического благополучия в крае, представлялись помещики и ксёндзы, как рьяные деятели минувшего мятежа, во время которого не было ни одного помещика и ни одного ксёндза, которые бы если не явно, то хотя бы косвенно не принимали участие в этом политическом движении, а потому все они были записаны в контроли и почти против каждого из них были отметки в их политической неблагонадёжности.

При первом же моем знакомстве с помещиком Людгардом Чарноцким¹¹⁹ он сразу охарактеризовал себя двуличным. Придя ко мне и отрекомендовавшись судьёй (сеньдя покою), он стал мне делать аттестации по политической неблагонадёжности своих соседей-помещиков, причём ставил в параллель им себя лично и свою преданность правительству. Это обстоятельство меня сильно возмутило, и, по уходе его справившись по контролю, оказалось, что личность эта аттестуется весьма неблагонадёжной, с отметкой: «Во время мятежа принимал у себя банду мятежников и несколько дней держал начальника банды Жихлинского¹²⁰, весьма хитрый, действует и в ту и в другую сторону, пользуясь обстоятельствами». [95] Впоследствии пришлось убедиться в справедливости этой аттестации, с добавлением, что он, выгораживая себя, с головой выдал помещика Сосновского, у которого поместил Жихлинского, где он был взят, и Сосновский уплатил 3000 руб. контрибуции, а Чарноцкий остался оправданным. В то время при Варшавской Цитадели существовала Военно-следственная комиссия, председателем которой был сперва Тухолка¹²¹, а потом генерал Гришин, и эта комиссия разбирала все дела по мятежу и оканчивала своё существование.

Впоследствии я вернусь к описанию положения и быта в том Краю, а теперь перейду к своему домашнему быту.

¹¹⁹ Людгард Чарноцкий – до 1858 г. владелец Церанова, мировой судья в Пржеславицах (ум. в 1885).

¹²⁰ Людвик Жихлинский (1837-1891) руководил отрядом „Дети Варшавы”.

¹²¹ Фёдор Львович Тухолка (1807-873).

20 декабря родилась дочка, и мы называли её Софией.

София де Лазари

Крестили её наш приятель, начальник Горно-Кальварийского уезда В. А. Томилин¹²², и заочной была родная сестра жены Соня, вместо же её держала ребёнка Саша, наша горничная, которая была нянькой у Кости. Жена уже не могла кормить сама, и была нанята мамка, полька, крестьянка Антонина. Очень здоровая и молодая женщина и симпатичной наружности. Мамка эта замечательна тем, что она растила и воспитывала Соню по-своему и при-

учала ребёнка ко всему. Обыкновенно, чтобы подмыть Соню, она раздевала её догола и подставляла под кран с холодной водой. Этот сильный приём имел благотворное действие на весь организм Сони.

[1873 год]

Наступил новый, 1873 год. Летом 1872 года в мае мы были весьма опечалены известием о внезапном умопомешательстве родного брата жены флигель-адъютанта полковника Александра Энгельгардта, в руках которого был сосредоточен весь капитал родных, и большая часть этого капитала лопнула на приобретении покойным акций Газового Общества. Кроме того, после его болезни обнаружилось, что сожительница [96] его, Титова, представила ко взысканию дутых векселей на 201 т. рублей и, благодаря лишь вмешательству градоначальника Трепова¹²³ векселя эти были уничтожены. Болезнь его продолжалась почти целый

¹²² Валериан Александрович Томилин – в 80-е годы XIX в. начальник Енджеевского повята (уезда).

¹²³ Федор Федорович Трепов (1812-1889) – с 1873 по 1878 г. занимал должность Санкт-Петербургского градоначальника.

год, и 3-го июня 1873 года Александр умер, оставив все дела в расстроенном положении.

Так как я с женой имели обязательство перед матерью жены на 2500 р., которые были даны нам в счёт будущего раздела, а к тому ещё с прибавлением семьи, и наши материальные обстоятельства расстроились, то я обратился к начальнику Округа барону Фредериксу о выдаче мне заимообразно 2000 руб. и вместо удовлетворения моего ходатайства Фредерикс так накричал на меня за дерзость беспокоить его с этой просьбой, что я, конечно, заказался и, желая выйти из этих стеснённых обстоятельств, должен был прибегнуть к частным займам.

Вот начало того гнёта, которое в течение дальнейшей моей жизни не давало и не даёт мне, и днём и ночью, нравственного и фактического покоя. С течением времени долги увеличивались, вследствие тех варварских процентов, какие мне приходилось и приходится платить, и не дай Господи никому из детей моих испытывать когда-либо этот тяжёлый гнёт, который отравляет существование человека. Только любовь к жене, любовь к детям удерживает ещё рассудок при сознании, что я не выполнил всей миссии моей по отношению к семье, и заставляет бороться с обстоятельствами до самой смерти, лишь бы дети не упрекнули меня, что я не заботился о них, а то бы давно покончил с этой жизнью, так как одна лишь смерть может прекратить этот нравственный гнёт.

[97] При частых поездках моих по делам службы в г. Горно-Кальварию я очень сблизился с нач. града Томилиным и его семьёй и у них же познакомился с полковником Соколовым и сапёрным поручиком Н. П. Малыхиным. Оба они были женаты на родных сёстрах Томилиной (рождённые Божеряновы), а брат их П. М. [Павел Михайлович] Божерянов был в то время комиссаром по крестьянским делам в Сувалках. Отношения наши так сблизились, что очень часто Томилины навещали нас, а мы, в свою очередь, их. В Горно-Кальварии квартировали два сапёрных батальона. Офицеры этих батальонов по целым дням проводили время в среде семейства Томилиных. Самая лучшая, умная и воспитанная молодёжь вращалась в этой семье. Томилин имел громадное влияние на них, что породило неудовольствие командира 2 батальона Клугена, в то время когда командир 1 батальона Постельников был вполне расположен к Томилиным. Это обстоятельство и породило массу недоразумений и сплетен, что представлялось естественным в малом городишке, каким представлялась Горно-Кальвария.

В Гройцах же квартировал 1-й Стрелковый батальон, командир которого был полковник Одинцов, женатый на купчихе, и люди эти были очень скупы, а он тяжёлым начальником как для офицеров, так и для солдат, что имело последствием угрозы, делаемых ему анонимными письмами, о намерении солдат убить его. О чем я изложу впоследствии.

*Казармы
в Гройце¹²⁴*

Как общество офицеров стрелковых, так и сапёрных батальонов ко мне были очень расположены и всегда отно-

сились ко мне [98] с большим уважением и вниманием. Как-то сапёры вздумали устроить пикник, совместно со стрелковым батальоном, и командир 1 Сапёрного батальона Постельников сообщил мне об этом письмом, просил меня предложить стрелкам, не пожелают ли они осуществить эту мысль, причём местом пикника указывалось имение Блюма¹²⁵ «Хынов» в половинном расстоянии между Гройцем и Горно-Кальварией, в 15 вёрстах (от Гройца до Кальварии 30 вёрст). Имение это когда-то было очень богатое, с большим помещичьим домом, но впоследствии разорённое, благодаря местной уездной администрации, и помещик Блюм был поставлен в положение нищего. О чем я скажу ниже.

Так как в лице моем, по отношению к обществу офицеров, представлялся человек нейтральный, то общим хозяином на этом пикнике, с обеих сторон, был избран я. Время пикника было назначено 15 мая, и съезд на пикник к 12 часам, причём в мое распоряжение, кроме подписных денег, была дана прислуга, как от сапёров, так и от стрелков. На пикник этот были приглашены также и те помещики с семьями, с которых

¹²⁴ Фот. Andrzej Zygmunt Rola-Stężycki. См. *Rezydencje...*

¹²⁵ Маурыцы Блюм — совладелец варшавского сахарного завода.

ми офицеры были знакомы, и большая часть из Горно-Кальварийского уезда. Заручившись позволением помещика Блюма устроить пикник в роще у его дома, я за два дня забрал людей, поваров и провизию и отправился в д. Хынов, где устроил все необходимое к пикнику, и 15 числа с 11 часов стали съезжаться с двух сторон участники и приглашённые. При двух хорах музыки прибывавших встречал я сам, а экипажам указал место в соседнем лесу.

[99] К приезду всей публики в роще были приготовлены столы с сервировкой, и в 1 час пополудни был подан завтрак, с закусками, водками, винами и бочонками пива, которые были поставлены в стороне у отдельных столиков и с разными на них бутылками вина и водки. Во время завтрака все шло чинно, дружно и весело, причём не преминули выпить за мое здоровье, как распорядителя.

По окончании завтрака все дамы и танцующая молодёжь были приглашены в большой зал, при одном хоре музыки, а другой хор оставался играть в роще, для оставшихся у столов не танцующих. Открыв танцы вальсом с Мм Клуген (Постельников был неженат), я взял на себя дирижерство. Танцы были в разгаре, день склонялся уже к сумеркам, я находился в зале, и ко мне подошёл не помню кто из прислуги и сказал, что гг. офицеры просят меня к ним в рощу, и я отправился.

Подойдя к столу, где было сгруппировано много офицеров, как сапёрных, так и стрелков, сапёрный капитан П., обратившись ко мне, заявил: «Господин жандармский капитан, считаю долгом заявить, что поручик З. подлец». В это время З. (сапёрный чин) срывается с места, взял бутылку в руки и с размаху пустил в П. Офицеры вскочили и удержали обоих на своих местах.

Не ожидая такого скандала, я, обращаясь к П., сказал: «Считаю долгом заявить Вам капитан, что я не состою здесь в роли жандармского офицера, а лишь в роли хозяина, и напрасно Вы замешиваете меня в эту историю как жандармского офицера».

[100] Вслед за тем подошёл полковник Постельников и приказал капитану П. удалиться и отправиться под арест. При отъезде П. послал одного из офицеров к З. вызвать его на дуэль, и на другой день в 6 ч. утра за городом дуэль эта состоялась, при чем З. был ранен в ногу и отправлен в лазарет.

Узнав об этом от жандарма (их было два на пункте), я молчал и приказал жандарму никому не говорить. Полковник Постельников узнал лишь на третий день об этой истории и, придя ко мне, спросил, извест-

на ли мне эта история и доносил ли я об этом. Конечно, я сказал, что не донес, и он также решил не посылать об этом рапорта бригадному командиру (Бурману¹²⁶), но что он напишет ему письмо и будет просить о переводе капитана П. в другую бригаду. Перевод этот вскорости состоялся, и П. переведен был в Ригу. Спустя некоторое время об этой дуэли дошло до сведения генерала Фредерикса, и я получил телеграмму о прибытии в Варшаву для объяснений по делам службы с начальником округа.

Прибыв в Варшаву и представившись барону Фредериксу, он принял меня очень сурово и спросил: «На каком основании Вы не донесли о дуэли между двумя сапёрными офицерами?» Объяснив ему все мое положение, в котором я находился во время этой истории, как член общества, как хозяин пикника, и что, давши слово командиру батальона не выносить ссоры из избы, я не смел нарушить как офицер этого обещания. Барон Фредерикс, выслушав меня, протянул мне руку и сказал: «Да, на Вашем месте и я бы сделал то же, что и Вы. Благодарю Вас, что вы сумели поставить себя так, что общество расположено к Вам и доверяет Вам».

[101] При встрече потом в Варшаве с генералом Бурманом он также благодарил меня, что я не доносил об этом и тем дал возможность распорядиться административным порядком, без следствия и суда над офицерами. Так как не в моем характере искать отличий по службе так, чтобы показывать свой патриотизм, и, не щадя ближнего, быть к нему несправедливым, лишь бы выставить свою деятельность, а потому строго придерживался правды, дабы не вводить начальство и правительство в ошибки. Вот почему я сразу стал на такую почву, которая дала возможность расположить к себе людей и заслужить их доверие.

Время мятежа прошло, и минувшим смутам в Крае наступала, как и всему в жизни, давность, а потому ставить всем и каждому из местных жителей в укор, что он во время мятежа не оставался равнодушным к этому движению, не приходилось, тем более, кто близко знаком с этим движением, тот вполне согласится со мной, что никто из поляков не мог поручиться за свою жизнь, и масса людей, вполне доброжелательных нашему правительству, желая избежать всякого вмешательства в мятеж, под страхом смерти вынуждались к оказанию какого-либо участия

¹²⁶ Владимир Георгиевич Бурман (1832-1909) – инженер-генерал, с 1873 г. был начальником 1-й (впоследствии 4-й) саперной бригады, которой командовал в течение 20 лет; его штаб-квартира находилась в Варшаве (ул. Новы Свят, 67).

в этом движении. Нужно быть свидетелем тех варварских, зверских поступков жандармов-вешателей над своими же поляками, которыми подвергалось население в случае упорного нежелания их оказать содействие мятежу.

[102] Многие из служащих на разных участках в Крае, пользуясь служебным положением своим, составили как бы оплот правительственных начертаний, показывая наружно готовность неотступно следовать программе для умиротворения и спокойствия жителей, безнаказанно ловили рыбы в мутной воде и, обогащая себя материально, обеспечивая себя и семью свою, ставя вопрос на политическую почву, доводили помещиков до нищенского положения, в буквальном смысле этого слова. Главную роль в этом отношении играли начальники уездов и комиссары по крестьянским делам в особенности.

Мне было поручено произвести негласную поверку по жалобе к начальнику на Горно-Кальварийского комиссара Ш. помещиком Блюмом, владельца того самого имения, где мы устраивали пикник. По вопросу устройства сервитута Ш. привёл к такому соглашению между помещиком и крестьянами, что, при помощи двух богатых евреев Таумана и Бляса, довёл имение Блюма до полного разорения и, не удовлетворив крестьян в их правах, обогатил себя. Во время самого производства этого негласного расследования, в бытность мою в Горно-Кальварии, в квартире Томилина, ко мне прибыла помещица, вдова Рыкс¹²⁷, и со слезами на глазах стала жаловаться, что Ш. взял у ней 5000 руб., обещая устроить состояние с крестьянами и устроил [103] так, что крестьяне теперь больше чем когда-либо пользуются безнаказанными порубками леса и пастбищем скота, и это привело её в полное разорение. Причём просила меня защитить её и указать, к кому ей следует обратиться с жалобой. Рыкс была сильно скомпрометирована во время мятежа и сидела в крепости. Конечно, я это все изложил в донесении своём, и впоследствии Ш. потерял место, по предложению начальства оставил службу и ушёл с хорошим запасом капитала.

В другом, Блонском уезде, был комиссаром М., на деяния которого такая масса была жалоб со стороны помещиков и крестьян, что наместник поручил варшавскому вице-губернатору Данилову¹²⁸ произвести совместно со мною дознание. Данилов (ныне покойный) был очень добрый человек. М. жил в то время в г. Гродиске, а уездное управление

¹²⁷ Юзефа Пелагея Рыкс (Рух; 1809-1884) – владелица поместья Пражмов.

¹²⁸ Константин Дмитриевич Данилов – вице-губернатор Варшавы (1869-1876).

было в г. Блоне, в 8 вёрстах от Гродиска. Мы с Даниловым условились съехаться одновременно в Гродиск, он по железной дороге из Варшавы, а я на лошадях из Гройца. Прибыв в Гродиск, я застал Данилова на станции желез. дороги и там же М., который был предупреждён о нашем приезде и приготовил для нас обед. Хотя Данилов и согласился на приглашение М. пообедать у него, но, видя, что я отказываюсь, и он не пошёл, и мы пообедали тут же.

[104] Все просители, подавшие жалобы наместнику, были заблаговременно вызваны нами в Гродиск. Приступив к проверке их жалоб, обнаружилась масса злоупотреблений, и М. должен был идти под суд. Вслед за ним должны были быть привлечёнными и все члены по крестьянским делам, а главное – неперенный член Д. за оставление жалоб на М. без последствий. Окончив дознание и выставив все это М., он со слезами стал просить нас не губить его. Данилов обещал ему сделать все от нас зависящее, и когда мы остались вдвоём, то Данилов (он заикался), подумав немного, обратился ко мне: «Ну, Ни...ко...лай Ни...ко...лаевич! Что же на...м с ним де...лать?» На это я ответил: «Не знаю, Константин Дмитриевич. Что Вы предлагаете?». И он, смутившись и ещё более заикаясь, высказал мне, что делу этому не поправить, что вместе с М., если привлечь его к судебной ответственности, отвечают и другие, а главное – невинно пострадают малолетние дети, а потому сделать представление, что в делах М. замечено масса упущений по службе и обнаружено полное нерадение его, а потому является необходимым М. от должности удалить и передать его участок другому комиссару, до назначения нового. Я согласился на это, и Данилов делал личный доклад наместнику о результате дознания, и М. был удалён.

[Капитан Крупский]

[105] В Гройцах начальником уезда был капитан Крупский¹²⁹, окончивший курс Юридической академии по II разряду. Человек этот, стоя во главе администрации уезда, позволял себе злоупотреблять должностью и, несмотря на частые замечания губернатора, барона Медема¹³⁰, не обращал внимания на эти замечания и угрозы, что он будет удалён от должности, продолжал безобразничать, налагая на помещиков и ксёнд-

¹²⁹ Константин Игнатьевич Крупский (1838-1883) – отец Надежды, жены Ленина.

¹³⁰ Николай Николаевич фон Медем (1834-99) – в 1866-92 – варшавский губернатор.

зов штрафы, половину которых, при помощи полицейского делопроизводителя (забыл фамилию), забирал в свою собственность. Об этих и других злоупотреблениях как помещики, так и чиновники и крестьяне приходили ко мне и жаловались. Из доброжелательства к нему и его семье я как-то выбрал удобное время и в присутствии его жены¹³¹ предостерёг его о прекращении подобных действий, доказывая ему, что я и себя ставлю невыгодно на глазах моего начальства, если о всех этих жалобах не доведу до сведения начальника округа. Крупский, показывая мне на свой академический значок, сказал: «Вы видите это доказательство, что я ознакомлен с законами? А потому прошу Вас указаний мне не делать и самому исполнять законные требования, и если программа Вашей деятельности говорит, что Вам нужно доносить обо всех слухах, то доносите, а меня не учите». Тут же жена его, видя, что он забылся, сказала: «Костя! Мне кажется, Н.Н. нужно благодарить за его доброжелательство к тебе, а не вооружать против себя!» На это он ответил: «Молчи, дура, ты ничего не знаешь». Мне оставалось после этого уйти, что я и сделал.

*Константин
Крупский
и его «значок»*

[106] В это время Крупский затевал весьма крупную комиссию, и я выжидал, когда он приступит к собранию денег с жителей. Теперь я вспомнил – делопроизводителя полицейского отделения была фамилия Родзинский. Плут, каких мало. – Крупский пустил циркулярное предписание ко всем гминным войтам¹³² и бургомистрам об обязательности всех помещиков и наёмных крестьян и прислуг завести контрольные книжки, в которые вписывать время найма и условия с нанимате-

¹³¹ Елизавета Васильевна Фишман (1843-1915).

¹³² Гминный войт – служебное лицо, возглавляющее гмину (волость).

лем и нанимаемым, и что никто не имеет права наниматься и нанимать без этой книжки, что цена этой книжки 20 коп. и можно их получить у делопроизводителя полицейского управления, при этом предписывалось войтам и бургомистрам доставить требование в уездное управление, сколько нужно экземпляров, для вручения этих книжек обеим сторонам, с предупреждением, что при обнаружении где-либо, что работник существует без установленной контрольной книжки, обе стороны, как наниматель, так и нанимаемый, будут подвергнуты штрафу. Так как у каждого помещика в деревне, у каждого мещанина в посадах и городах и частью у самих крестьян всегда есть наёмная прислуга и работники, а ввиду того, что заведение этих книжек обязательно для обеих сторон по найму, то очень естественно в уездное управление стали поступать со всех сторон требования на массу этих книжек, с ответственной суммой денег на них. По мере получения требования стали отправлять в уезды и книжки, и со всех сторон валили деньги.

Деньги принимались Крупским или Родзинским [107] и никуда не вносились. В уезде поднялся страшный ропот, и со всех сторон стали жаловаться мне на это распоряжение. Все чиновники были возмущены этим смелым поступком, и я послал жандарма в ближайшую гмину взять подлинный циркуляр этого распоряжения и доставить мне. У нас всегда обедал помощник начальника уезда Михин, холостой и очень честный малый, который всегда возмущался поступками Крупского. По доставлении мне подлинного циркуляра я составил донесение начальнику округа, в котором, излагая свой взгляд на подобное распоряжение, добавил, что вряд ли когда правительство решится на наложение такого налога на жителей, просил распоряжение о производстве дознания по всем злоупотреблениям Крупского и, дабы не дать повода последнему заподозрить меня в пристрастных действиях, просил об устранении меня в участии в производстве расследования и командировании другого жандармского офицера. Забрав это донесение с циркуляром, я просил Михина предупредить Крупского, что выезжаю экстренно в Варшаву для доклада начальнику округа о всех злоупотреблениях его.

Прибыв в Варшаву и представившись барону Фредериксу, я, доложив ему о цели моего приезда, вручил донесение мое, которое он прочёл с вниманием, а затем, отдав мне циркуляр, приказал отправиться к губернатору барону Медему и дать ему этот циркуляр для прочтения, который привезти назад и доложить о том, что скажет на это Медем. Прибыв к последнему и заявив дежурному чиновнику, чтобы он до-

жил о моем прибытии с поручением [108] от начальника округа, я был немедленно принят.

По прочтении содержания циркуляра Медем спросил: «Скажите, пожалуйста, что, Крупский с ума сошёл, что ли?». Я ответил «вероятно», и барон Медем сказал, что он сейчас же будет у Фредерикса, когда же я хотел уйти, то он попросил меня обождать, затем отправился со мной к начальнику округа. Я остался в приемной, а Медема попросил Фредерикс в кабинет. Спустя некоторое время они оба вышли, и Фредерикс сказал, что будет назначено следствие и, хотя я прошу об устранении себя, но что он не согласится с этим и желает, чтобы я способствовал к открытию при следствии всех злоупотреблений, и чтобы выехал из Варшавы вместе с командированным для следствия чиновником. Тут же Медем заявил, что он командировует чиновника Литке¹³³.

Спустя день времени мы выехали в Гроец и по дороге свернули на имение Тшиляткув, помещика Вильконского (я нарочно направил Литке туда, потому что Вильконский был в дружеских отношениях с Крупским), специально, чтобы потом Крупский не говорил, что мы пристрастно действуем и опрашиваем неприязненных ему людей. Прибыли мы в Тшиляткув в 9 ч. Вечера, и старик Вильконский собирался уже спать.

Отрекомендовав ему Литке и объяснив цель приезда, Вильконский представил нам до 200 книжек, которыми войт снабдил его и крестьян работников, а затем стал разъяснять все злоупотребления Крупского. Литке все это записал в протокол, и мы ночью выехали в Гроец, и я нарочно не просил Литке останавливаться у меня. На другой день, придя в 4 ч. дня в управление, мы отобрали все наличные деньги, хранящиеся у Родзинского [109] за проданные книги, и сделали распоряжение о возврате всех высланных книг в уездное управление для получения обратно денег.

По предъявлении Литке предписания губернатора о производстве совместно со мною над действиями Крупского следствия, последний за протестовал и просил об устранении меня. Я подал об этом телеграмму барону Фридериксу и получил ответ, что вместо меня командировается майор Островерхов. Обстоятельству этому я был очень рад. Вскоро приехал Островерхов, приступили к расследованию, во время которого Крупский был устранён от должности, и исполняющим должность назначен был Михин, которого первый не хотел допустить до должности,

¹³³ Иван Митрофанович Литке — заведующий канцелярией варшавского губернатора.

и это обстоятельство вызвало помеху, которая была устранена распоряжением наместника. Все злоупотребления выяснились, и Крупский был отдан под суд вместе с делопроизводителем Родзинским.

[Другие дела во время службы в Гройцах]

Выше я говорил об отношениях командира стрелкового батальона Одинцова к офицерам и нижним чинам батальона. Одинцов был жестокосерд к нижним чинам и за маловажный поступок последних, за которые надлежало бы нарядить на дежурство, либо на дневальство, он нещадно подвергал их к строгому аресту на хлеб на воду, а потому арестный дом всегда был набит битком арестованными, и офицеры и нижние чины при всяком удобном случае намекали на своего командира.

Квартира Одинцова была в здании казармы в верхнем этаже. Внизу, под его квартирой, помещался батальонный лазарет, и все эти помещения имели один общий двор. С некоторого времени прислуга Одинцова, денщик Иван и прачка, пройдя двор, несколько раз подымали подметные [110] какие-то письма и записки, и, так как прислуга была неграмотна, то эти письма доставлялись Одинцову и все они оказывались по адресу его же, с содержанием угроз, что если он не изменит своего обращения с нижними чинами, то будет убит. Сперва Одинцов писем этих не обнаруживал, но, видимо, трусил и ставил у своей квартиры усиленный караул, чем подал повод солдатам убедиться, что письма их напугали командира. Вслед за тем находились опять подметные письма, в которых предупреждали его, что никакой караул его не защитит и он будет убит.

Обстоятельство это тогда вынудило его заявить мне об этом и представить письма эти командиру бригады, генералу Эггеру¹³⁴, (очень плохо говорящему по-русски, что служило поводом к насмешкам со стороны офицеров, и я расскажу ниже один эпизод), который представил эти письма наместнику, и по распоряжению последнего в Гроец был командирован генерал-майор Моргенштерн, для производства формального расследования по этим подметным письмам совместно со мной. Генерал этот по приезде в Гроец прибыл ко мне и просил, не могу ли я указать и помочь ему обнаружить редакторов этих писем. Конечно, мне не представлялось возможным высказать по этому какое-либо на

¹³⁴ Артур Федорович Эггер (1811-1877).

кого подозрение, и мы отправились к Одинцову.

[111] При опросе по этому поводу Одинцова он первым этапом заявил, что подозревает денщика своего Ивана, которого он несколько раз сажал под арест; а затем назвал нескольких солдат, которых он заметил в сношениях с Иваном. По распоряжению Моргенштерна все указанные Одинцовым люди были арестованы в отдельные карцеры. На другой день генерал пригласил меня к себе для присутствования, и следствие началось. Конечно, следствием ничего не было обнаружено, генерал возмущался и поведением своим к нижним чинам, призываемым к допросу, доходил до таких безобразий, что я вынужден был предупредить его, что подобные незаконные действия не могут быть допустимы, а потому просил его прекратить такой способ расследования либо уволить меня от присутствования, о чем я должен буду доложить по начальству. Приёмы Моргенштерна по понуждению допрашиваемого солдата сознаться в взводимом на него преступлении заключались в том, что он, как только вызванный к допросу солдат входил в комнату, то Моргенштерн первым делом страдал его, что он будет расстрелян, если не скажет правду, и когда солдат отвечал «не могу знать, Ваше Прство», то генерал брал его за нос либо за ухо и начинал вертеть допрашиваемого во все стороны, других так просто бил и иногда до такой степени забывался, то приказывал солдату [112] открыть рот и вкладывал туда свою трубку с табаком и огнём. (Моргенштерн курил всегда из трубки, с длинным чубуком).

Подобный инквизический способ до такой степени меня возмутил, что после второго или третьего допроса, улучив минуту, когда мы остались вдвоём, я высказал ему свой протест. Тогда Морген. сказал: «Не угодно ли самим Вам допрашивать?». На это я ответил, что уполномочие мое ограничивается лишь личным присутствием при следствии и я не могу быть равнодушным зрителем таких пыток. Быть может, при других приёмах и способах, что-нибудь и выяснилось по расследованию, но Моргенштерн не понимал другого обращения с нижними чинами. Хотя Моргенштерн, после замечания моего и перестал неистовствовать, но дознанием ничего не выяснилось, и только один денщик Одинцова остался в сильном подозрении и по приказанию Военного Суда при Цитадели был направлен в тюрьму.

Одинцов же, по дознанию этому, вышел действительно желчным и жестоким командиром, за то и получил предостережение от начальства, которое сразу изменило его обращение с подчинёнными чинами.

В этом батальоне адъютантом был поручик Шавров, очень весёлый и остроумный малый. После инспекторского смотра, произведённого бригадным командиром генер. Эггером, общество офицеров устроило ему обед в офицерской столовой, на обед был приглашен и я. Обед шёл очень оживлённо, и после тоста, выпитого за здоровье генерала, последний встал и начал [113] свою роль. Говорил он очень долго и весьма ломаным русским языком, как немец, и возбуждал общий смех, от которого все общество едва удерживалось. Кончил он свою речь тем, что сказал: «Я очень люблю русский солдат, я очень люблю солдатский казарм, а потому будет выпивать за русский солдатский дух. Ура!» Все крикнули «Ура!», а Шавров подошёл к командиру батальона и официально спросил: «Не прикажете ли, полковник, послать вестового приказать запереть все двери и окна в казармах, чтобы не выпускать духу, который так любит Его Превосходительство?» Одинцов стал смеяться, Эггер спросил о причине смеха, и Одинцов громко доложил о том, что сказал Шавров. Все присутствующие разразились громким смехом, как этому фарсу, так и тому, что Эггер, не поняв, в чем дело, не обратил на это внимания.

В Гройцах проживала польская семья Маковских, помещик [Леонард Маковский] в двух вёрстах от города и содержатель почтовой станции. В городе у них был большой дом, и офицеры постоянно посещали эту семью, где было три взрослых дочери. Впоследствии все дочки выходили замуж за офицеров.

Батальонным врачом был О. О. Гольдштейн¹³⁵, имел большую семью, и вся семья была очень привязана к нам, в особенности сам Гольдштейн ежедневно навещал меня и очень любил карты. В то время процветал ералаш и вист, и Гольдштейн был постоянным партнёром.

[114] В Гройце же был комиссаром М. И. Добродеев¹³⁶, который постоянно у нас обедал и обыкновенно любил выпить. Добродеев неохотно играл с Гольдштейном в карты и за игрой постоянно спорил с ним и надсмехался над ним. Пульку обыкновенно составляли Добродеев, Запорщенко, Гольдштейн и я. Раз как-то Добродеев пригласил нас к себе на пульку и был порядочно выпивши. Сели мы играть, и Гольдштейну пришлось играть с Добродеевым, а я с Запорщенко. По обыкновению они заспорили, и Добродеев встал из-за стола, пошёл в свою спальню

¹³⁵ Осип Осипович Гольдштейн – военный врач, еврей, жена – Камилия (Поломская) пианистка. В 1893 ушел на пенсию и работал частным врачом в Радоме. Умер в 1906. См. R. Wiraszka, *Noty biograficzne lekarzy radomskich E-J*, <http://www.archiwum.muzeum-radom.pl/indexm.php?nid=1089&r=33>

¹³⁶ Михаил Иванович Добродеев – комиссар по крестьянским делам.

и вынес оттуда заряженный револьвер, который положил против Гольдштейна и сказал: «Если Вы, О.О., будете спорить, то я пушу Вам пулю в лоб!». Гольдштейн испугался и не мог спокойно сидеть против лежащего перед ним на столе револьвера и не желал брать карты в руки, прося Добродеева убрать револьвер. Добродеев взял револьвер, взвёл курок и сказал Гольдштейну: «О.О., держите Ваш палец перед левым глазом, и я докажу Вам, как я метко стреляю», – и стал наводить на него револьвер. Гольдштейн стал просить его не шутить так с револьвером, и Добродеев, направив револьвер вверх над головой Гольдштейна, выстрелил. Моментально Гольдштейн очутился под столом. Мы с Запорщенко испугались, соскочили со стола и бросились поднимать Гольдштейна, а Добродеев стал хохотать. Гольд. оказался невредим, а пуля сидела в потолке. Конечно, и мы разразились хохотом, но Гольдштейн был так напуган, что уже не мог продолжать игру и ушёл домой.

В Гройцах жилось очень весело. Часто устраивались вечера с танцами, бывали и любительские спектакли (польские), и обществу дружно [115] жилось. Обыкновенно в четверг бывали базары, и в этот день съезжалась масса помещиков, которые, закончив свои дела в городе, сходились ко мне либо к архитектору Радвану¹³⁷, и мы проводили время до 2-3 часов ночи за картами, играя в ералаш. Часто также помещики приглашали к себе, и во всех домах был принят помещик Сосновский (им. Михров), очень симпатичный, умный и весёлый господин. Как-то раз он приехал ко мне с просьбой не препятствовать ему съездить за границу навестить больную жену, которая находилась при смерти. Я ему заявил, что сам разрешить не могу, по его прошлой политической неблагонадёжности (у него был взят начальник банды Жихлинский, который был повешен¹³⁸), но что я выйду с ходатайством об этом к начальству. Ходатайство мое было уважено, и Сосновский побывал за границей, прожил там 3 месяца и вернулся с женой и дочерью. Он так был благодарен мне за это, что стал прославлять меня по всему уезду. Сойдясь со мною на более близкие отношения, Сосновский не скрывал своего прошлого участия по мятежу и всегда говорил, что мятеж только доказал русскому правительству, насколько поляки глупы.

Он, как хороший комик, обыкновенно очень серьёзно рассказывал анекдоты, от которых публика надрывалась хохотом, а у него не появля-

¹³⁷ Юльян Осипович Радван – уездный архитектор и инженер в Гройце.

¹³⁸ Людвик Жихлинский (1837-1901) не был повешен, а был сослан в Сибирь, откуда вернулся в 1868 г.

лось на лице и улыбки. На одном многочисленном обеде он обратился ко мне по-польски с вопросом: «Г-н начальник, что труднее перенести в жизни: когда жандарм провожает ксёндза или наоборот – когда ксёндз провожает жандарма?» Не поняв игру слов, я затруднился ответить, и Сосновский, видя [116] мое затруднение, сказал: «Конечно, лучше, когда жандарм провожает ксёндза, потому что куда жандарм ни проводит ксёндза, хотя бы в Сибирь, то у последнего есть надежда возвратиться, а если ксёндз провожает жандарма, то он никогда не вернётся, потому что ксёндз может проводить только до могилы».

Тут же присутствовало два ксёндза, и все рассмеялись. В другой раз Сосновский тоже очень серьёзно обратился ко мне с просьбой разрешить ему подать прошение с ходатайством у правительства о выдаче ему 6 т. р. награды. На мой вопрос «за что?» он ответил, что у него арестовали Жихлинского и он уплатил 3000 р. контрибуции, а так как если бы не он, то Жихлинского могли и не поймать, поэтому ему следует возратить уплаченных им 3000 и за похвальный поступок подарить другие 3000 р.

[Энгельгардты]

В августе мы всей семьей и с одной вдовой Зеленской отправились в Петербург утешить старушку мать после смерти любимого ею сына Александра, и уже самый младший брат жены Коля был офицером, и так как он был очень развитый и весьма порядочный человек, то в семейных делах заместил покойного брата и помогал матери по всем хлопотам.

Аркадий был уже командиром 8 Стрелкового батальона в Ченстохове, брат Константин впоследствии полиц. адъютантом. Хотя Аркадий был женатым, но жена его представляла из себя какую-то куклу и положительно не симпатизировала всем родным её мужа, избегая всякого сношения с ними и если иногда навещала мать, то делала это какой-то повинностью [117] в отношении мужа своего. Сам Аркадий всегда отличался бестактностью и был не любим офицерами, подчинёнными ему. Костя был неразвитым и часто несообразительным до глупости, впоследствии женился и находился под влиянием своей жены. Покойная мать была очень недоверчива и скупа, хотя по отношению к нам, в особенности жены моей, она всегда была внимательна и любила

Сашу больше всех детей. При тяжёлом её характере трудно было сойтись с ней, и многое приходилось терпеть из уважения к её старости и из того, что в лице её представлялось звено, которым связывались родственные чувства всех родных братьев и сестёр, и, пока она жила, не было разладу между членами её семьи. Брат Николай, впоследствии офицер Гвардии сапёрного батальона, живя подле матери, умел как-то поддерживать отношения матери к её детям на добрых началах и хотя женился, но отношения его к родным не изменялись. Недолго пришлось ему наслаждаться жизнью, которую он начал так блистательно и счастливо, и Господь прибрал его. Коля умер от тифа в Сан-Стефано во время турецкой войны, оставив молодую вдову, которая вскорости утешилась, выйдя замуж за Игнатьева.

Хотя трудно было уживаться с матерью, но я не сознавал того, что со смертью её все родные отвернутся друг от друга. Набрасывая эти строки, приходится чистосердечно сознаться, что со смертью матери [118] отошли в вечность и все добрые начала, при которых поддерживались отношения родных между собой. Те крохи, которые остались после смерти Старухи, которые собирались ею, часто отказывая себе в необходимом, для благополучия детей своих, послужили костью раздора между родными при делении этих крох. Современный же вопрос дележа родового имения Флусово¹³⁹ представляет наглядно басню Крылова «Лебедь, щука и рак». При всем нашем бедственном материальном положении было бы легче жить, если бы не было этого наследства, на часть которого имела виды жена, рассчитывала хотя немного улучшить наш материальный быт и помочь бедным детям, и теперь вопрос этого раздела до такой степени запутан, благодаря фантазии и упрямству брата Аркадия, что раздел этот представляется синицей в небе, а Аркадий представляет собою собаку на сене. Все родные представляют нищую братию, кроме Аркадия, каждому нужна копейка, и она не даётся в руку, благодаря непонятным действиям Аркадия, хотя последний всегда с любовью относился к жене моей и семье.

¹³⁹ Флусово (Ельнинский уезд) упоминается в книге *Списки населенных мест Смоленской губернии по сведениям 1859 г. в 1868 г.*

[Опять в Гройцах]

Прожив в Петербурге 28 дней, я возвратился в Гройцы, оставив семью у бабушки. В отсутствие семьи я часто делал объезды по трём уездам, и везде меня принимали очень любезно. Жандармские офицеры делали разъезды на обывательских лошадях, платя по 2 коп. за лошадь и версту, и так как Царство Польское весьма густо населено, то расстояние от одного имения до другого было очень малое, а потому [119] приходилось часто менять лошадей и бричку, и послужило поводом к обширному знакомству с местными помещиками.

В объезды эти обыкновенно дорога обходилась, потому что большая часть помещиков, желая услужить мне, приказывали запрягать лошадей в свои экипажи, часто четвёркой, и, стесняясь платить лично помещику за лошадей, так как он бы не принял и этим ставил бы меня в неловкое положение, то я причитающиеся ему за лошадей деньги отправлял гминному войту для передачи под расписку в экономию имения, зато этим способом я дал понять, что мне дешевле получать пару лошадей и простую бричку, чем четверик с коляской, так как для поддержания своей представительности и кучеру приходилось платить на пиво не менее 50 коп., не стесняясь пространством, иногда в 10-15 вёрст проезда. Бывали и такие помещики, которые, хотя были и богатыми, но весьма неохотно давали лошадей. Между тем, за отказ в лошадях, они подвергались штрафу. По дороге от Гройца на Горно-Кальварию, не желая заезжать для перемены лошадей к одним и тем же помещикам, я как-то свернул 3-4 версты в сторону к помещику Резнеру переменить лошадей (помещик был прусский подданный).

Подъехав к дому управляющего, я просил дать мне пару лошадей и бричку. Управляющий побежал в дом помещика и, возвратясь от него, сказал, что помещик не позволяет давать лошадей. Тогда я послал в деревню за солтысом¹⁴⁰, а сам остался на дворе ожидать. В это время вышел ко мне Резнер и, не приглашая меня в комнату, стал объяснять мне, что он не может дать лошадей [120] своих, так как он не обязан давать всякому проезжающему через его имение. Я отрекомендовался ему и советовал не упрямиться и приказать запрячь мне пару в бричку. В это время подошёл солтыс, и я приказал ему распорядиться насчёт лошадей, а сам отправился в деревню и зашёл в начальное училище.

¹⁴⁰ Солтыс — глава (староста) села, деревни в Польше.

Спустя некоторое время подъехала к дому бричка с солтысом, и последний стал жаловаться, что Резнер никакому распоряжению не повируется. Я заявление солтыса записал в присутствии учителя и сторожа училища и, сев в бричку, отъехал. Дорогой мне пришла мысль наказать этого помещика, и, проехав 4 версты, приказал кучеру повернуть назад в имение.

По дороге я взял в деревне опять солтыса и, заехав во двор помещика, приказал солтысу запрячь другую пару, на смену, и что я изменил свой маршрут и еду обратно в Гроец. Резнер вышел ко мне на двор и уже с более вежливым тоном обратился с вопросом, что мне нужно. Я ему сказал, что хочу доказать ему, что, сколько бы раз я ни проезжал, он всегда должен давать мне лошадей, и просил дать мне лошадей обратно. Тогда он заявил, что на тех же лошадях я могу ехать обратно, куда мне нужно, а сам очень грубо повернулся и ушёл, ругая меня по-польски. Я отъехал 6 вёрст и отпустил лошадей. По возвращении с объезда заявил о Резнере начальнику уезда, и он был оштрафован 5 рублями. С тех пор Резнер стал очень внимательным и услужливым, но уж я ни разу потом не заезжал к нему.

В октябре возвратилась моя семейка, и, благодаря Бога, жена и дети приехали здоровыми, и кормилица Сони видимо привязалась к ней. Оказалась очень доброй и любящей Соню. [121] Вместе с женой и детьми приехала и молодая девушка, в качестве бонны, Марья Ульяновна, которая оказалась очень доброй и симпатичной особой и впоследствии была к нам как родная, и дети привязались к ней.

*Марья Ульяновна
(бонна детей Николая)*

Для семьи моей самыми близкими людьми в Гройцах была семья Гольдштейна и Радвана (архитектора), и постоянно проводили вместе время, так как их дети были ровесниками наших.

Жизнь в том Краю для русских, помимо разлада с польским элементом, представляла ещё то неудобство, что, кроме города Варшавы, почти нигде не было русских церквей, и дети наши воспитывались в религиозном направлении, не зная, что такое православный храм, не слыша слов и поучений наших священников. Если же великим постом и заезжал в город командированный из Варшавы либо Радома священник, для исповеди и святого причастия важных гостей, к которым присоединялись все русские чиновники, жандармы и земские стражники, то делалось это второпях, в течение 2-3 дней, и этот короткий срок, при небрежном отношении самих священников к настоящему вопросу, не удовлетворял потребностям к религиозному настроению православных людей вообще и детей в особенности, которые до 10-15 лет не имели никакого представления о богослужении нашем. Если этот недостаток в Крае представляется ощутительным для образованного класса людей, то какой же для простого человека, который в своём религиозном направлении даёт громадное значение Церкви, всем её святыням, всей внутренней обстановке Храма и Богослужению в нём?

[122] Но сколько бы ни был малым приход православных, сколько бы ни обошлась правительству постройка небольших церквей в городах Царства Польского, но существование православных храмов представляется насущной потребностью, как в религиозной, нравственной, так и политической жизни русских в том Крае. Тогда бы не было такого влияния Костёла и богослужения в нём на русских, с которыми мне приходилось встречаться.

Немалое значение для жителей Царства Польского имеет и разность времени по двум календарям, и опять-таки русские терпят в том больше неудобства в жизни, чем поляки, так как всему есть свой сезон, своё время, и эти сезоны редко когда представляются общими, народными, поляков с русскими. В то время, когда польский народ празднует свой карнавал, свои годовичные праздники, русские только приготавливаются к ним, в особенности это ощутительно отзывается в праздник св. Пасхи. Когда у поляков уже разгорелись, в костёлах идёт торжественная служба, русские постят, и при наступлении нашего праздника он становится совершенно незаметным, и в городах и деревнях никакого оживления. Такое же неудобство представляется и в провизии, и во всех жизненных продуктах, так как поляки имеют все свежее и все лучшее, нам же, русским, приходится довольствоваться остатком, как на Рождественских, так и на праздник св. Пасхи.

Поляки вообще мастера обставить праздники изобилием всего съедомого, и эта черта в особенности характеризует их в праздник Пасхи, когда в каждом доме накрыты большие столы и обставлены всевозможными бабами, яйцами, мазурками¹⁴¹, до 12-13 сортов, и всякими колбасами, жаркими и т.д. Стоит только появиться с поздравлением, как хозяйка дома старается накормить и напоить вас, как говорится, до отвала, и тут же уверяет, [123] что все это работа её рук. Конечно, при этом удивляешься её мастерству и подхваливаешь.

Желая, в свою очередь, и самому не ударить лицом в грязь и отплатить им тем же; зная, что с наступлением наших праздников все помещики приедут с поздравлениями, я перед праздником отправился в Варшаву и в кондитерской Коха заказал разных печений, баб, мазурок на 45 руб., купил в колбасной разных фаршированных птиц, поросят, колбас и т.д. и все привёз домой.

В первый день св. Пасхи расставили столы и как разложили все это на выставку, то самому пришлось порадоваться, что и у нас стол оказался не хуже польского, и мы с женой с гордостью ожидали гостей.

После окончания богослужения в Костёле я пригласил ксёндза освятить яйца и пасху. Так как из русских в городе только у меня был пасхальный стол, то к нам нашло масса помещиков, чиновников и офицеров с поздравлением, и мы с женой стали угощать публику. Многие помещики стали также восхищаться столом, и Крживошевский¹⁴² сказал: «Что же Вы, г. начальник, удивились тому, что у нас много подают за стол и что жены наши такие хозяйки, а кто же это все делал?» На это я ответил, усмехаясь, «конечно, жена», но он поднял одну из [коробок] с мазуркой и увидел клеймо «Коха» и, засмеявшись, сказал: «Да, вероятно, Кох помогал ей?», – и это возбудило общий смех.

Так как гостям моим деваться было некуда и не было кого поздравлять из русских (начальник уезда был в Варшаве, а Одинцов не принимал), то всех гостей я задержал на целый день, и большая часть всего наставленного было съедено и выпито.

[124] В обычае жителей Царства Польского всякого служащего и представителя учреждений называть «господин начальник» (пáне начельнику), поэтому этих начальников масса – и содержатель почтовых разгонных лошадей назывался «г. начальник».

¹⁴¹ Мазурка (mazurek) – польское песочное печенье с ореховыми или фруктовыми наполнителями.

¹⁴² Владелец поместья Дрвалев.

Учреждение наше, т.е. чины корпуса жандармов, благодаря представительности и значению начальника округа генерал-адъютанта барона Фредерикса, были отлично поставлены и пользовались громадным значением. Все замеченное жандармами, ко всем отраслям управления Краем, не оставалось без внимания и направлялось на правильный путь. Мне лично приходилось даже вмешиваться в распри и интриги между ксёндзами, благодаря доверию ко мне административной духовной власти в Крае, замещающей архиепископа. Начальники учебных дирекций Попов, Щебальский¹⁴³, Сидорский¹⁴⁴ при всяких возникавших недоразумениях между учителями начальных училищ, крестьянами и уездной администрацией, при всяких неудовольствиях, заявленных на учителей, всегда обращались ко мне за разъяснениями и установлениями причин возникших вопросов и проверки действий учителей, несмотря на принцип невмешательства нашего в дела народного образования.

Никто из жителей не имел права выехать за границу, получить разрешение на право содержания оружия, ни перевод чиновника с одного места на другое, ни назначение на должности чиновников и ксёндзов, ни перемещение последних и т.д. — без предварительной аттестации нашей, не только в политической, но и нравственном отношениях, и каждый вносился в общий контроль, с надлежащими отметками [125] на характеристике каждого лица, и были такие чиновники, которые имели в контролях подобную характеристику: «Подлец, плут, мошенник, взяточник». Хотя аттестации нами требовались только по отношению поляков, но и все замеченное и в отношении русских чиновников не оставалось безнаказанным, и всегда принимались меры к исправлению всего неестественного и ненормального, как в служебном, так и в гражданском быту последних. При таком положении и значении чинов корпуса жандармов все, что составляло в массе людей здравомыслящих, честных и хорошо направленных в жизни, смотрело на нас с уважением, благодарностью и полным доверием, признавая в лице нашем защитников против всякой несправедливости.

Все же недобросовестные, нечестные и злоупотребляющие своим положением люди относились к нам очень недоброжелательно и смотрели как на открытых врагов своих. Не зная и не анализируя, как другие относились к их положению, но я гордился своим, при одном уж сознании, что могу приносить правительству и обществу громадную пользу.

¹⁴³ Пётр Карлович Щебальский — историк и публицист, начальник Варшавской учебной дирекции.

¹⁴⁴ Осип Семенович Сидорский — начальник Сувальской учебной дирекции.

Много приходилось мне, в течение 18-летней службы в Царстве Польском, переносить нравственных испытаний, пережить весьма тяжёлые и грустные эпизоды в моей жизни, о которых отчасти я упомяну в своём месте, но я с глубоким прискорбием вспоминаю о тех причинах, которые послужили мотивами к оставлению того Края.

[126] В том году была сильная холера в Крае, и мы оставались жить в городе. Докторов разбирали нарасхват, хотя всех-то их было три человека. Хорошей репутацией пользовались Маньковский и Завроцкий, а потому у них была большая практика. Гольдштейн положительно не имел практики, и мне всегда было жаль его. Помню, как-то я получил записку от помещицы Волибнер, где она сообщала о том, что муж её заболел холерой, и просила меня прислать ей доктора. Так как в городе не было ни Завроцкого, ни Маньковского, то я предложил Гольдштейну ехать на присланном Волибнер экипаже. Помещик этот был очень богатый человек, и Гольдштейн обрадовался случаю получить хороший гонорар. Вместе с Гольдштейном отправился и я, и застали Волибнера в страшных припадках. Гольдштейн со страхом принялся за лечение, но не мог спасти, и Волибнер умер.

Так как вслед за тем Гольдштейна пригласили в другую деревню, то мне нечего было делать, и я возвратился домой. Проезжая в городе мимо окон квартиры Гольдштейна, жена его, увидя меня, едущего одного, остановила меня и из окна спросила, а где же муж. Не знаю, почему пришло мне в голову глупое желание пошутить, и я ответил ей: «Осипа Осиповича я оставил больным, в корчах». С ней сделалось дурно. Видя это, я вбежал к ней в квартиру, и мне много пришлось испытать, пока я уверил её, что подшутил.

[127] За женой Гольдштейна ухаживал поручик Стрелкового батальона Элыш, и хотя она была уже довольно пожилая женщина, несимпатичная, но впоследствии до того увлеклась им, что на 15-ом году замужества принесла мужу [ребёнка], имея 4-х детей, при том разошлась с мужем и вышла в Петербурге за какого-то чиновника замуж, оставив детей при муже.

После Крупского начальником уезда был назначен [Модест] Жеглинский, который по первому же знакомству с Гольдштейном встал с ним в неприязненные отношения. В уездном управлении вместо Родзинского делопроизводителем был назначен Прокопов, который очень ухаживал за сестрой Гольдштейна, молодой девушкой. Прокопов сделал ей предложение и получил согласие, но Жеглинский, из неприязни к Голь-

дштейну, не разрешал ему жениться, и этой несправедливостью все возмущались. Прокопов и Гольдштейн обратились ко мне за участием, и я, видя тоже упорство Жеглинского настоять на своём, поехал в Варшаву и объяснил губернатору фальшивое положение девушки и такое несообразное на своём упрямстве Жеглинского. Получил от Медема разрешение Прокопову жениться, и они были обвенчаны. Конечно, после того Прокопову не приходилось оставаться с Жеглинским, и он перешел в акцизное правление. Но женитьба эта была несчастливая. Через год жена его родила двух близнецов, которые умерли, а затем родила дочь, и Прокопов вскоре умер, оставив вдову с сироткой, которых [128] и забрал к себе на жительство Гольдштейн.

Жеглинский приехал на должность начальника уезда с женой и маленькой дочерью. Он человек очень несимпатичный, желчный и грубый, не любивший общества, а жена напротив – очень весёлая и развязная женщина. Недолго Жеглинский прожил с ней, так как за ней очень ухаживал поручик стр. батальона Чиркин, который, заручившись симпатией с её стороны, принудил её оставить мужа и ехать с ним в Петербург, куда он отправился с целью поступить в Академию Генерального Штаба. Потом были у них прижитые дети. Чиркин кончил курс, был офицером Генерального Штаба и, говорят, впоследствии разошёлся с ней.

Побег её с Чиркиным из Гройца был так неожиданный для её мужа и для всех в Гройце, что сперва не хотели верить этому. Многие очень злорадно относились к Жеглинскому после этой истории, потому что не любили его. В особенности злорадствовал Гольдштейн и ставил обстоятельство это ему в укор, как доказательство неуживчивого его характера до такой степени, что жена бежала от него, но зато и сам потом потерял жену.

Детки наши росли, развивались и утешали нас. Помню, как Костя потешал меня своими распевами. Он очень любил стоять на одном месте у стола и играть чем-нибудь. Я как-то устроил ему такого рода забаву, что, переложив две книги, лист за листом, и поставив обе книги на стол, листья один за другим спускались, и это представляло как бы мельницу. Косте так понравилось это, что он стал распевать на разные лады «Лагасак, тагодак лагасау» и при этом бил руками по столу. Что значили эти слова, он и сам сообразить не мог.

[1874 год]

[129] Настал 1874 год, и я уже был совершенно ознакомлен со своим положением, с местными обычаями, понимая хорошо и польский язык, а потому ничего не представлялось мне уже чуждым. Жилось мне с семьёй и людьми очень хорошо, и всюду ко мне относились внимательно.

В этом году последовала перемена нашего начальства: начальник округа генерал-адъютант барон Фридерикс был назначен иркутским генерал-губернатором, и вместо него назначили полковника флигель-адъютанта Оржевского¹⁴⁵, молодого сравнительно человека, очень богатого, и по прибытии его в Варшаву к нему, как начальнику округа, [...] должен был представиться старый генерал-майор, заслуженный бывший деятель Крымской войны Вунш. Станным показалось всем нам это обстоятельство и не в характере военного быта, но судьба как назло распорядилась так, что недолго старому Вуншу пришлось служить под начальством далеко младше себя Оржевского, так как вскорости Вунш заболел и умер, оставив после себя вдову при взрослом сыне.

Пётр Васильевич Оржевский

Для погребения генерала Вунша полковник Оржевский вызвал в Варшаву почти всех офицеров округа, и так как я был одним из близких к семейству его человек, то поспешил заблаговременно прибыть в Варшаву и отправился в квартиру покойника, где застал в горестных слезах жену его и сына.

Оржевский, зная мое отношение к покойнику, [130] потребовал меня к себе и сказал, что ему желательно, чтобы похороны Вунша были обставлены с полным торжеством, подобающим старого генерала. Конечно, прежде всего встретилось необходимою узнать, насколько вдова владеет средствами к осуществлению желания. Узнав от вдовы Вунша,

¹⁴⁵ Пётр Васильевич Оржевский (1839-1897) – с 1873 начальник Варшавского жандармского округа. В 1893-1897 – Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор.

что после смерти её мужа в доме осталось всего лишь 67 руб., я отправился к Оржевскому и заявил ему об этом, тогда он выдал мне 500 руб. и просил распорядиться этими деньгами, предупредив, что если этого окажется мало, то чтобы я заявил ему.

Взяв на себя эти хлопоты, я отправился к архиерею и просил распоряжения о назначении кого-либо из соборных священников, а также и певчих и объяснил ему материальное положение вдовы. Архиерей сказал, что он с удовольствием сделает это распоряжение и чтобы я уплатил за то сколько будет можно, не входя в условие с духовенством и певчими. В магистрате у президента города я просил распоряжение о наряде, от погребального городского Братства – катафалка с 6 лошадьми и факельщиками в траурной форме, у коменданта просил наряда войск и белой лошади на похороны. Так как жена Вунша была полька и имела много знакомых в Варшаве, а также по обряду на погребение офицеров округа, на похороны собралась масса публики с экипажами.

[131] На погребение был назначен, по чести, Волынский гвардейский полк и эскадрон улан. У Вунша было много орденов, и потому встретилась надобность в порядочном количестве подушек под эти ордена, с ассистентами офицеров наших и других частей. Похороны вышли действительно очень торжественными и многолюдными. После похорон Оржевский меня благодарил, и я ему представил 160 р. неизрасходованными, которые он вложил в конверт и поручил мне передать вдове, не говоря от кого.

По смерти Вунша был назначен начальником Варшавского губернского жандармского управления генерал-майор Шпилиотов¹⁴⁶, с которым мне пришлось более всего прослужить в Варшавской губернии. Отношения с ним у нас были такие приятельские, что он не стеснялся просил меня как-то поручиться за него на 600 руб. по векселю, и мне, при моих тяжёлых обстоятельствах, пришлось заплатить за него. Начальник округа Оржевский знал об этом.

¹⁴⁶ Николай Петрович Шпилиотов (1819-?) – в жандармерии Царства Польского с 1867 г.

[Графиня Прозор]

[1875 год] Вообще обстоятельства мои с каждым годом ухудшались увеличением долгов моих, за которые приходилось платить громадные проценты. Летом того года, познакомившись в Горно-Кальварийском уезде с помещицей Пилицы¹⁴⁷ и Виняры¹⁴⁸, с графиней Прозор¹⁴⁹, мне удалось нанять у ней дачу в Винярах, в которой никто не жил, и дача эта представляла прелестную местность у речки Пилицы, где дети наши купались. Эта местность всегда останется в памяти у нас, и воспоминания того времени самые приятные и отрадны.

Сама гр. Прозор была довольно [132] пожилая женщина, но хорошо сохранившая красоту своей молодости. Когда-то при жизни мужа она играла видную роль в варшавском аристократическом обществе, по своей замечательной красоте она была известна и покойному государю Александру II, благодаря её близкого знакомства с покойным графом Адлербергом¹⁵⁰, через которого она довольно часто получала громадные куши денег, для поддержания ее аристократических привычек в жизни. Я помню поручение управляющего императорской Главной квартирой, в которой мне предлагалось лично повидаться с графиней и объявить ей, что Государь, снисходя к её ходатайству, повелел выдать ей из Польского банка 17000 руб. и что деньги эти будто ей ассигнованы через варшавского губернатора.

В другой раз она получила право на открытие на Новом Свете аптеки и, запродав это право, она получила 20000 руб. Несмотря на все эти субсидии, гр. Прозор вечно нуждалась в деньгах, и впоследствии имение Виняры было продано с торгов. Женщина эта была замечательна ещё и тем, что она день превращала в ночь, а ночь в день. Ложилась спать она обыкновенно в 5-6 часов утра, просидев целую ночь в обществе её хороших знакомых, которых у ней было очень много и которые в угоду ей жертвовали собою, лишь бы она не скучала. Вставала в 3-4 часа пополудни, обедала в 9-10 часов вечера, и этот режим жизни поддерживался у ней до самой смерти, а умерла она в полной нищете.

¹⁴⁷ Деревня Пилица вблизи города Варка у реки Пилица, 30 км от Гройца.

¹⁴⁸ Деревня Виняры – теперь район города Варка.

¹⁴⁹ Мария Станиславовна Прозор (Грабовская, 1826-1892) – вторая жена графа Эдуарда Прозора.

¹⁵⁰ Aleksander Władimirowicz Adlerberg (1818-1888) – generał, minister na carskim dworze.

Всегда она ходила в перстнях и под густою вуалью [133] и хотя много курила, но никогда не закуривала сама папиросы от зажжённой спички, потому что, употребляя много косметики, она боялась серы от спичек, и в первый раз меня поразило, когда она дала мне папиросу, чтобы я закурил её, а потом уж взяла и стала курить. Она очень внимательно всегда относилась к моей семье. У неё был пасынок *Маврикий*¹⁵¹, который был сделан камер-юнкером, хотя довольно глупый и непосредственный молодой человек. При ней также много проживало нахлебников, как мужчин, так и женщин, и всегда славилась добродетельностью, помогая всем и каждому. Вообще же была очень доброй, симпатичной и образованной женщиной и всеми любима. Обстоятельства её до того были стеснены, что она за несколько лет задолжала прислуге своей, поварам, лакеям, кучерам и горничным, наёмную плату и люди эти жаловались генерал-губернатору, но она съездила в Варшаву, и от начальника округа было мне сделано предложение защитить её и не дать возможности прислуге скомпрометировать графиню, но проверив обстоятельства дела, пришлось дать совет ей удовлетворить претензии людей её, и при помощи местного ксёндза, который бывал у неё ежедневно, ей удалось расплатиться с ними, и половину своего штата она рассчитала и уволила. Старый же повар был так привязан к графине, что после расчёта остался служить ей даром и был очень предан ей до самой смерти. Родные её, граф Грабовский¹⁵² и сестра его, старая девушка Людвика, не привыкшие к труду, были без средств и проживали на её хлебах.

Маврикий Эдуардович Прозор

¹⁵¹ Маврикий Эдуардович Прозор (1849-1928) – сын первой жены Эдуарда Прозора, Марии Залеской; будущий российский дипломат. Был он м. проч. генеральным консулом в Вене и Женеве, посланником России в Бразилии и Аргентине. См. <http://www.rusdiplomats.narod.ru/prozor-me.html>

¹⁵² По всей вероятности – ее холостой брат, Станислав Грабовский (1831-?).

[Лето в Винярах]

[134] В бытность нашу на даче в Винярах к нам иногда наезжали знакомые, и в особенности Томилины. Имение это в 2-х вёрстах от г. Варки, где и представлялось для нас удобством в приобретении разных продуктов. Под Варкой же жил помещик В. Михальчевский, с которым мы тоже близко познакомились и часто навещали друг друга.

Между помещиками вообще встречалась масса людей весьма благонравных и нисколько не чуждавшихся русских, но и были закоренелые недоброжелатели как к русским, так и к правительству. Все же потерпевшие за минувший мятеж представлялись людьми весьма благонадёжными, а многие возвратившиеся в Край по амнистии из Сибири, из России, из ссылки, претерпевали большие неудобства в жизни, как в материальном, так и в нравственном отношении.

Я помню такой случай. Как то ко мне приехал помещик Вильконский и представил своего сына, как возвратившегося из ссылки. Спустя некоторое время после этого визита приехал молодой Вильконский и после некоторого колебания, конфузясь, обратился ко мне со следующей просьбой: «Г. начальник! Простите за мою смелость, я покорнейше прошу [135] посоветовать: что мне делать, чтобы меня опять сослали административным приказом в Сибирь?».

Признаться, меня вопрос этот сильно удивил, и он, видя, что я смутился, откровенно, со слезами на глазах высказал мне, что он переносит очень тяжёлую и угнетающую жизнь, что в Сибири он был хорошо устроен, имел свои средства, которые давали ему возможность существовать, имея лавочку со всякой мелочью, и что, возвратившись в Край, он терпит страшную нужду и преследуется не только посторонними, но и родным отцом, от которого ему житья нет.

Посоветовав ему успокоиться и постараться заняться чем-нибудь, я обещал оказать ему участие к определению его куда-нибудь на службу, и он, простившись со мной, уехал. Спустя после того неделю я получил известие, что Вильковский повесился. Этот факт произвёл на меня очень тяжёлое впечатление, и все осудили старого Вильковского, как человека-деспота и жестокого по отношению к сыну.

Жизнь в Винярах много способствовала к поддержанию здоровья де-

тей и в особенности жены, которая ходила беременной. [...] Под конец лета приехала к нам Томилина и прожила у нас.

[136] С переездом в город мы заняли квартиру в казармах, где жил Одинцов, который, с батальоном был перемещен в г. Влоцлавек, Варшавской же губернии, а на место стрелков прибыл батальон Смоленского полка, командиром которого был полковник Галахов, и полк стоял в г. Козеницах Радомской губернии.

В начале января приехала к нам мать жены погостить, а 21 января родилась дочь Вера, крестили её бабушка и заочно брат Аркадий. Жена не могла сама кормить, и взяли к ребёнку кормилицу, которая впоследствии заболела и умерла в госпитале, и вместо неё была взята другая.

Вера де Лазари

Весной все вместе с матерью ездили навестить помещика Михальчевского и она осталась очень довольна приёмом.

[Покупка имения]

Много прошло времени, как я не возобновлял дальнейшего повествования своего, а потому, достигнув уже 60 летнего возраста, не приходится на этом окончить.

В год рождения дочери Веры, после крестин её, мать жены моей пробыла у нас в течение 4 месяцев, и за время её пребывания приезжал и Аркадий в марте месяце. В это же время навещали нас и сапёрные офицеры Головкин, Хонский и Голубинин, которые приходили пешком из Горно-Кальварии (30 вёрст от Гройца).

В то время в Царстве Польском ежегодно при Варшавской казённой палате продавались имения, конфискованные у помещиков, [137] и земли, отобранные у ксёндзов за участие в мятеже. Земли эти продавались

чиновникам и жителям русского происхождения на льготных началах, т.е. по продаже с торгов вносились 10% стоимости и остальной капитал рассрочивался в уплату на 36 или 42 года, по желанию покупателя, и таким образом приходилось вносить ежегодно только 5% на положение капитала с процентом. Земли эти обыкновенно по покупке отдавались в арендное содержание, местным жителям на долгие сроки, что и составляло небольшое подспорье русским чиновникам в их бедности, при расчётах впоследствии иметь земельную собственность.

Под самым городом Гройцем были также [куски] костельной земли, которая отдавалась в аренду от казны и которая подлежала продаже на общем основании. Желая как-нибудь поправить свой материальный быт, зародилась и у меня мысль приобрести этот кусок земли с тем, чтобы устроить на ней небольшую усадьбу, и, съездивши в Варшаву, я просил казённую палату выставить эту землю на продажу, заявив желание приобрести её с торгов.

[138] Настроение это я не скрывал перед комиссаром Добродеевым, который, как я говорил выше, постоянно обедал у нас. Добродеев, воспользовавшись тем, что я упустил из виду время объявления на торги этой земли, вместе с неперменным членом Добролюбовым купил с торгов эту землю и по приезде из Варшавы заявил мне об этом, причём сказал, что купили они с торгов за 10000 руб. и что если я хочу приобрести эту землю, то он согласен переуступить её мне за 11500 р., иначе говоря, с отступной в 1500 р.

При помощи брата Аркадия удалось мне в 1876 году приобрести эту землю, и вот с этого времени началась наша деятельная жизнь и утешение в том, что мы теперь будем иметь свою земельную собственность. Так как на постройку нужных для хозяйства помещений правительство разрешало и выдачу строевого леса из казённых лесных участков на сумму 10% стоимости приобретённой земли, то я походатайствовал в Варшавской казённой палате ассигнования этого леса, который и был назначен из Гродиского лесничества на 1000 р. по казённой таксе. Отправившись на место за получением этого леса, я продал таковой, также за 2200 р., и на эти деньги приступил к постройке [139] и переделке существующих на фольварке этом старых зданий. Все это было сделано в течение 1876 года, и Саша, в то время беременная, горячо принялась помогать мне в устройстве усадьбы, приобретении инвентаря и в самом хозяйстве. По целым дням, с утра до позднего вечера, мы проводили время с детьми на этих постройках.

К началу 1877 года уже мы стали полными хозяевами на нашем хуторе, куда собирались гости и все гроицкие знакомые наши, в особенности семья Радвана. В этот период времени не оставила нас и бонна детей наших Марья Ульяновна, которая всё время была при детях, привыкнув к ним как родная. Время это можно назвать отрядным в жизни нашей в Царстве Польском.

В августе 27 числа того года жена родила дочку, которую называли Ксенией. К ребёнку этому также была взята кормилица, оказавшаяся очень доброй, кроткой и симпатичной женщиной.

Вера и Ксения

В служебном моем положении я все более и более приобретал внимание и расположение к себе как моего начальника, так и представителей других учреждений, в числе которых особенно благоволили ко мне варшавский губернатор барон Медем, [140] попечитель учебного округа Апух-

тин¹⁵³ и начальник учебной дирекции Щебальский, несмотря на все сильные, трудные обязанности служебной деятельности в тамошнем Крае чинов корпуса жандармов, где требовался от них известного рода такт, умение держать себя в среде такого разнообразного общества и не входить в ошибки по характеристике как личностей, так и самого этого общества, по движению умов местного населения.

Много приходилось переживать и в нравственном отношении, страдая за молодёжь, увлекающаяся социально-революционным движением при частых обысках у них, при допросах и при задержании с целью лишения свободы. Какая масса из этих молодых людей, хорошо образованных, но дурно направленных, сошла с пути истины и принесла себя в жертву по этому движению, направленному в Край из-за границы, благодаря близости таковой, куда обыкновенно многие бежали, дабы скрыться от преследования, оставив в краю вредные корни социального учения!

¹⁵³ Александр Львович Апухтин (1822-1903) – в гг. 1879-1897 занимал должность попечителя Варшавского учебного округа.

Славные детки наши росли и продолжали утешать нас, родителей. Физическому же развитию их много способствовал наш хутор, где мы проводили по целым дням с детьми, которых все хозяйство наше много интересовало, в особенности во времена [141] сенокосов, жатвы и уборки хлебов. При сложении сена все дети принимали живейшее участие, влезали на стога, бросались оттуда в подвозимые копны, зарывались в сено и в течение всего лета всласть пользовались свежим воздухом. Хутор этот много оздоровил жизнь всей семьи нашей, а в материальном отношении поддерживал и существование наше. Косте нашему доставляло большое удовольствие во время молотбы погонять лошадь у дышла молотилки, и делал это в полном сознании, что он приносит также пользу в хозяйстве.

К числу преданных нам людей проживала в Гройце и жидовка Колейва, которая безвыходно проводила на кухне у нас целые дни и на всякую услугу была всегда готова. Все дети её очень любили и были привязаны к ней, до такой степени, что маленькая наша Женя не задумалась согласиться ехать с Колейвой в Варшаву, и когда я шутя спросил её, не хочет ли она поехать с Колейвой, то она, поверивши возможности этой поездки, очень скоро собралась, торопилась одеться в пальто и с радостью пошла на руки к Колейвой и вышла уже из дому. Грустно было её разочарование, когда мы послали вернуться и еле уговорили раздеться и остаться дома.

[142] Её самолюбие было задето. Вообще Женя была очень самолюбивой и обидчивой девочкой. Как-то раз я выругал её дурой и крикнул на неё. Она до такой степени обиделась, что два дня не говорила со мною. По организму и некрепкому здоровью она была очень деликатна, в сравнении с Соней, которая росла при цветущем здоровье и всегда была молчаливой, я называл Соню солдатиком, и она особенно показывала мне расположение. Бывало, после обеда я прилягу отдохнуть, набросив на себя тужурку, и, как только Соня увидит, что я уже лёг, сейчас же подходит к кровати и, ни слова мне не говоря, влезет на кровать, ляжет рядом со мною и потянет тужурку, чтобы и себя прикрыть ею, и сладко уснёт со мною. Привычку эту она долго сохраняла.

По хозяйству на хуторе много помогал нам жандарм Ищук, человек семейный. Я дал ему и квартиру там и держал двух его коров за его заботы. Всем жандармам отводил по несколько метров земли для посадки картофеля, которым они запасались на целый год и часть продавали на сторону.

По соседству с хутором в одной меже была подуховная часть земли Воров, и, взяв эту землю в аренду от казны, я впоследствии и эту землю купил с торгов в Варшавской казённой палате на тех же условиях.

[143] Несмотря на все испытываемое нами удовольствие жизни в Гройцах, при земельной собственности и тех удовольствиях, которые доставляло нам это хозяйство, но ввиду охотников взять эти земли в аренду и возможности без лишнего труда иметь материальную поддержку, пришлось согласиться отдать эти земли в аренду, казалось бы, на выгодных условиях на долгосрочную аренду в виде продажи и, выпустив из своих рук как хутор Гроец, так и Воров, впоследствии не раз приходилось пенять на эту сделку, тяжесть которой до сей поры отзывается на всем нашем материальном быте. Пожив ещё некоторое время в Гройце и устроив дела свои по этому имению, мы не переставали интересоваться этими землями, хотя они были уже в аренде, и все-таки имели некоторую выгоду в материальном отношении.

30 августа 1880 года жена родила сына Сашу, и крестным отцом ему вызвался быть начальник Варкского уезда, камер-юнкер Крузенштерн¹⁵⁴ (племянник графа Коцебу), который после крещения дал мне подписку в том, что до 10 лет воспитание Саши лежит на нашей обязанности, а по достижении им 10 лет он берет заботы о нем на себя лично. Но не суждено было ему исполнить это обещание – Крузенштерн [144] умер в молодых ещё годах.

Саша де Лазари

¹⁵⁴ Александр Александрович Крузенштерн (ум. в 1887 г., похоронен на варшавском Вольском кладбище).

[В Варшаве]

С разрешения генерала Оржевского мы переехали на жительство в Варшаву, с целью воспитания детей, оставаясь в той же должности. Именья были отданы в аренду. Последнее обстоятельство окончательно подорвало наш материальный быт, который на всю жизнь наложил на нас тяжёлый нравственный гнёт, и с этим же гнётом придётся сойти в могилу. Казалось, с приобретением земли, с целью улучшить своё материальное положение, все нам поначалу улыбалось, и положение действительно улучшилось, но, отдавши имение Воров в аренду, а лучше сказать, продав его на арендных фиктивных началах (что практиковалось русскими приобретателями подуховных имений), но эта продажа возбудила с моей и с противной стороны судебный процесс, который я проиграл, и вот это послужило началом безвыходным долгам моим.

Устроившись в Варшаве, дочери наши Женя и Соня были определены в женскую гимназию¹⁵⁵, а Вера и Ксения ходили в частную школу Лебедевой. Костя в то время был отдан в Полоцкий кадетский корпус и отлично учился и вёл себя там и редко пользовался отпуском, куда он ходил, по моей просьбе, к жандармскому капитану Ивашкину.

Кадет Костя

С назначением в Варшаву генерал-губернатором Коцебу¹⁵⁶, переехал с ним и князь В. Долгоруков¹⁵⁷, в качестве чиновника особых поручений. Долгорукова я знал ещё со времен службы моей в Гвардии, и мы вместе околачивали пороги известных домов в Петербурге. В то время он был не у дел и прожигал жизнь, как и все титулованные молодые [145] люди,

¹⁵⁵ В здании на улице Краковске Пшедмесьце, 36.

¹⁵⁶ Павел Евстафьевич Коцебу (1801-1884) – с 1874 по 1880 г. был Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа.

¹⁵⁷ Василий Михайлович Долгоруков (1840 -1910).

будь средства поддержать значение титула, по польской поговорке: «Цо по тытуле, кеды пусто в шкатуле?». Судьба улыбнулась этому князьку, вследствие того исторического значения в положении его родной сестры Екатерины Михайловны¹⁵⁸, в котором находилась она в последние годы царствования императора Александра II, став его женой под фамилией Светлейшей Княгини Юрьевской. Все и вся бросилось к способствованию устройства служебного и общественного положения этому Васе Долгорукову.

И вот, встретившись с ним в Варшаве, знакомство наше возобновилось. Он познакомился с моей семьей, но уже держал себя по отношению ко мне, он приподнятый человек и с покровительственным тоном. Из камер-юнкеров он был сделан камергером и уже статским советником. Так как Оржевский был карьерист, то, не зная, кто такой Долгоруков и все его прошлое, ему с руки было приблизить Долгорукова к себе настолько, чтобы стать в отношении с ним на дружеское «ты». Оржевскому стало известно и мое отношение к этому Долгорукову. За смертью вице-губернатора Данилова¹⁵⁹ Долгоруков был назначен на эту должность в Варшаве, а затем радомский губернатор Анучин¹⁶⁰ оставляет этот пост, и на место его назначается Долгоруков, с чином действительного статского советника. Оржевский получает назначение товарищем министра, командиром Отдельного корпуса жандармов и заведующим полицией. Вместо Оржевского начальником округа назначен граф Кутайсов¹⁶¹

(20 апр. я произведен в майоры).

В течение 1881 года Долгоруков часто наезжал в Варшаву и не пропускал навещать меня.

(Здесь я не буду касаться той служебной деятельности, так как о всем прошлом на 30 л. службы в корпусе жандармов составлена особая памятная запись; см. примечание¹⁶²).

¹⁵⁸ Екатерина Михайловна Долгорукова (1847-1922) – вторая, морганатическая, супруга Императора Александра II; до того, с 1866, его любовница.

¹⁵⁹ Константин Дмитриевич Данилов был вице-губернатором Варшавской губернии в годы 1866-1876.

¹⁶⁰ Дмитрий Гаврилович Анучин (1833-1900) – Радомский гражданский губернатор (1867-1879).

¹⁶¹ Павел Ипполитович Кутайсов (1937-1911) – начальник Варшавского жандармского округа (1882-1884).

¹⁶² Примечание Н. Н. де Лазари: Все относящееся к характеристике Долгорукова и той жизни в служебном отношении изложено в отдельной «Памятной Записи старослуживого Жандарма», 19 февр. 1898 г. Омск. [Документ не сохранился].

[В Радоме]

С переездом на жительство в Радом я был встречен тамошним обществом [146] с большим вниманием и любезностью, благодаря предупредительности Долгорукова и тем хвалебным гимнам, которыми он воспевал меня в среде всего незнакомого мне ещё общества, с обдуманном намерением, как выяснилось впоследствии, что можно усмотреть из памятной записки моей.

В Радоме я застал начальника управления полковника [Николая] Яниша, человека старого, расслабленного, женатого на очень молодой и симпатичной женщине, вышедшей замуж за старика Яниша молодой 17-летней девушкой, благодаря бывшему опекуну её, возможно, усмотревшему на этом сватовстве свой собственный интерес, так как Яниш, женившись уже третьим браком, взял приданого за женой 30.000 р. Несмотря на видимую дряхлость свою, я застал супружество это при 4-х малолетних детях.

Дабы быть последовательным в своей исповеди всей пройденной мною жизни, с сознанием, что с этою исповедью должны ознакомиться жена и дети мои, я чистосердечно открою им тайну мою, которую я скрывал до сей поры. Я уверен, что те взрослые уже дети (Костя, Женя и Соня), которые, видя мои близкие отношения и симпатии мои к М. Л., быть может, кладут на меня, отца их, не заслуженные мною подозрения в измене их матери, при личном убеждении мною, что и жена моя всегда находилась в этом заблуждении, то пусть будет Бог свидетелем, насколько я, как муж и отец, заслужил порицания в моем поведении, как со стороны жены, так и детей моих.

Здесь я расскажу всю суть моего прежнего романа с этой женщиной, если можно отношения мои к ней назвать романом: Сам Яниш, человек бесчувственный, привыкнув всю жизнь свою жить на иждивении других, никогда ничем не занимаясь, смотря на прибавление детей как на результат удовлетворения своей похоти, он не признавал никаких человеческих достоинств в жене своей и считал её необходимой для себя самкой. Страстный игрок, мот и пьяница, он опостылел жене. Промотав все её состояние, не оставив ничего из него для жены и детей, она два раза выручала его от пошлин [147] при помощи родного брата, который ссужал её деньгами для выручки мужа. При этих обстоятельствах я по-

знакомился с М.Л. и настолько заслужил её симпатию к себе, что она стала просить меня навещать её чаще, так как она в течение каждого вечера оставалась одна, а муж постоянно в клубе. В эти вечера, оставаясь с ней глаз на глаз, она изливала всю скорбь своей жизни, и я, симпатизируя ей, соболезновал её горькому положению. Она так привыкла к моему обществу, что страшно скучала, если я не приду один-другой вечер, и для того, чтобы заставить меня провести у неё вечер, она стала устраивать у себя пульки для меня, зная мою строгость к вину.

Так проходило время, и симпатия наша крепла, и М.Л. влюбилась в меня. Это равнодушие она не скрыла перед другом её в лице М-м Тарховой, и последняя приняла живейшее участие в сближении нас, для чего сама стала устраивать у себя пульки для нас и, как также любительница винта, составляла нам партнёра. Правда, она мне нравилась, и, видя такое расположение к себе, я часто, не стесняясь присутствием посторонних, стал целовать ей руки, что, конечно, разжигало её страсть ко мне.

Помню такой случай: Яниш, получив в часов 12 дня телеграмму из Опочно от рот. Дьяконова, должен был выехать туда по устройству какого-то займа в 1500 р. через посредство Дьяконова и объявил, что он выезжает в Опочно в 5 ч. после обеда. Уходя из управления домой, М.Л. просила меня прийти к ним пообедать и проводить мужа. Пообедавши у них и по отъезде Яниша я стал прощаться, чтобы идти домой, и М.Л. просила меня прийти вечером к ней и что она устроит пульку.

В 8 ч. вечера я пришёл и, не застав никого из партнёров спросил: «А кто же будет?» Не знаю умышленно или нет, но она заявила, что просила Тархову и Горелова, [148] но оба прислали сказать, что они не могут быть, а затем просила меня остаться пить чай и поужинать с ней. Я согласился. После чая она пригласила меня в спальную (спальня состояла из 2-х комнат, в одной стояли кровати, а в другой был её будуар). Усадив меня на кресло подле столика, дала мне журнал «Вестник Европы» и просила почитать что-нибудь, а сама взяла работу и стала слушать. Я стал читать, и она поминутно выходила в детскую и спальню и, жалуюсь, что ей жарко, сняла корсет и надела блузу. В детской настала тишина, дети уже заснули, она пошла опять в детскую и, сказав: «Ну, дети утомонились, спят!» — и бросилась ко мне на шею и стала целовать меня в губы, глаза, лоб и всей грудью прижималась ко мне. Я отвечал ей поцелуями в шею, грудь, и она, взяв меня за руки, потянула к себе и упала на диван, не выпуская меня из своих объятий. Господь избавил меня

от греха. Я вовремя опомнился, вскочил, и со мной сделалась истерика, от которой я успокоился, увидя и её плачущей.

После этого эпизода я стал избегать оставаться с ней наедине, но близость к ней меня продолжала тянуть, а затем у нас установились такие отношения, что мы, ласкаясь друг к другу, все позволяли себе, только до измены жене в этих ласках я не доходил, и в этом преступлении не грешен.

Пусть будет удостоверением этому и переписка наша по разлуке с ней. Я слишком дорожу любовью ко мне жены моей и как женщину не поменяю ни на одну настолько, чтобы согласиться на блуд. До сей поры я люблю М.Л. и сознаю, что её привязанность ко мне настолько сильна, что во всякое время она готова отдаться мне. Одно это заставляет меня быть ей всегда верным другом и родным братом. Эти чувства к ней сойдут со мной в могилу, и она уверена в этом, без колебаний. Если М.Л. [149] когда-либо любила и ещё любит, то это только меня, и это я также без колебаний удостоверяю.

Яниш так проигрался, что, спустив все полученные деньги, он остался должником по картам 3000 р. Он обещал в течение 10 дней уплатить этот долг. Объяснив положение своей жене, он просил её в последний раз съездить в Череповец к брату её и взять у него эти деньги на уплату. Со слезами на глазах М.Л. выехала из Радома и возвратилась от брата с 3000 руб. Отдавая эти деньги мужу, она, в присутствии моем, просила его дать ей клятву, что больше в азартную игру он играть не будет. Яниш стал на колени перед Киотом, поклялся и закончил эту клятву, приложившись к Киоту.

Проходит некоторое время, я явился в управление в 10 ч. утра и не застал Яниша. Жандарм доложил мне, что полковник не возвращался ещё от карт со вчерашнего вечера. Спустя несколько минут вошёл Яниш, бледный, руки трясутся, и на вопрос мой: «Ну, что?» — ответил: «Проиграл 1.200 руб.». Во время этого разговора вошла в комнату горничная и сказала Янишу, что его зовут к полковнице. Он пошёл в спальню и спустя минуты две я слышу голос М.Л.: «Н.Н., идите сюда скорей».

Я вошёл в спальню и застал её стоящей в одной рубашке на коленях на кровати. Она сказала: «Подойдите ко мне», — и бросилась ко мне на шею и стала рыдать. Яниш спросил: «Что это значит?» Она в слезах ответила: «То, что ближе Н.Н. у меня нет человека, и если он был свидетелем, как мой единственный друг, твоей клятвы перед образами, что ты не будешь играть, то пусть же и ты будешь свидетелем моей неизменной

клятвы в моей вечной любви к нему, так как ты подлец, мерзавец, и любить тебя я не могу».

[150] Кроме этой сцены, был и такой случай. Как-то утром прихожу я к ним и застаю М.Л. в слезах, и она поспешно укладывает вещи в большой дорожный сундук, и Яниш меня встречает с просьбой уговорить её остаться, что она решила бросить его, детей и уехать навсегда от них. После долгих, усиленных просьб и убеждений, что она опозорит мужа, себя и семью, она согласилась остаться и более трёх месяцев не говорила ни слова с ним. Я же скрывал, что, не будь меня, остались бы эти несчастные дети сиротами при живой матери.

Все это сближало её со мной, и она дорожила мною, как спасителем своим и семьи её. Все дети мои должны помнить то время, когда Яниш после отставки переехал с женой в Петербург, а дети их остались у нас, пока они устраивались в Петербурге, и я отвозил их туда вместе с Женей и Соней. Вот наши отношения, которые, вероятно, не заслуживают того подозрения, какое оставалось на мне со стороны жены и детей моих в этих отношениях.

С переездом нашим в Радом Женю и Соню отдали в гимназию. В Радоме была бедная семья Леонидовой, состоящая из вдовы-матери и четырёх дочерей. Одну из дочерей, Олю, взял к себе на воспитание интендантский капитан Мецеловский, женатый и имел своих двух сыновей. Жена Мецеловского стала упрекать мужа в том, что он все внимание обращает на эту Олю, в ущерб своим детям, и я, слышав эту сцену у них же в доме, предложил им свои услуги, что я готов взять эту девочку к себе. Они обрадовались предложению и отдали нам Олю. Скромная, хорошая, благонравная девочка скоро очень сошлась с нашими дочерьми-сверстницами и так свыклась со своим положением, что полюбила семью нашу как родную. Она нисколько не выделялась в заботах о ней от наших собственных детей и до сего времени мы смотрели на неё как на родную дочь.

По отъезде нашем из Радома она кончила курс в гимназии и поступила в Варшаве на фельдшерские курсы и впоследствии была сестрой милосердия при уездном военном госпитале, где служит и по сей день, [151] не забывая нас и переписываясь с нами.

В Радоме я застал старого знакомого, считающегося даже родственником, артиллерийского бригадного командира (7 бр.) генерал-майора Ивана Константиновича Постовского¹⁶³ и жену его Марию Петровну,

¹⁶³ Иван Константинович Постовский (1828-?). См. <http://regiment.ru/bio/P/130.htm>

при их детях 3-х сыновей и 4-х дочерях. С семейством этим мы сошлись очень близко. С отъездом Долгорукова в Екатеринослав¹⁶⁴ [в Радоме] настал губернатором Аркадий Андреевич Толочанов¹⁶⁵, человек очень воспитанный, образованный и симпатичный. Все эти качества очень

рельефно высказались, в особенности в сравнении с помпадуром и самодуром Долгоруковым. При Толочанове было устроено попечительство при православной Соборной Церкви, и по избрании меня общим собранием попечительства секретарём его, я вступил в обширную деятельность в общественном значении. В Радоме на средства попечительства содержалось трое сирот и имелся капитал до 2000 р. В период моего правления этим попечительством число сирот дошло до 24 душ мальчиков и девочек и капитал возрос до 7000 руб.

Николай Николаевич в Радоме

[На этом рукопись заканчивается]

¹⁶⁴ В. М. Долгоруков с 1883 по 1884 г. был губернатором Екатеринослава.

¹⁶⁵ А. А. Толочанов был губернатором Радома с 1883 по 1888 г.

Приложения

О службе Николая Николаевича де Лазари

Предъявитель сего генерал-майор Николай Николаевич Де-Лазари. Имеет ордена: Св. Владимира 4 степени с бантом за выслугу 25 лет в офицерских чинах, Св. Анны 3 степени, Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом. Медали: бронзовую за усмирение в Царстве Польском мятежа в 1863 и в 1864 годах, серебряную в память царствования Императора Александра III и бронзовую в память царствования Императора Николая I.

Родился 10 января 1837 года. Из дворян Таврической губернии. Вероисповедания православного. Воспитывался во 2 Кадетском корпусе, ныне Константиновское училище. В службу вступил прапорщиком в Таврический батальон внутренней стражи 16 июня 1856 года. Отправился к месту службы 28 июня, прибыл 23 июля 1856 года. Переведён по воле начальства в 54 пехотный Минский полк 16 апреля 1860 года; отправился по переводу 7 июня, прибыл 27 июня. Произведён в подпоручики 5 июня 1861 года. По распоряжению начальства прикомандирован к 30 пехотному Полтавскому полку 1 ноября 1861 года. По распоряжению начальства прикомандирован к 6 пехотному Либавскому Принца Карла Прусского полку, впредь до перевода в оный, с назначением в должность жалонерного офицера 2 пехотной дивизии 10 января 1862 года. Высочайшим приказом переведён в 6 пехотный Либавский Принца Карла Прусского полк 23 апреля 1862 года. По распоряжению начальства 2 пехотной дивизии назначен исправляющим должность отрядного адъютанта Высоко-Литовского отряда против польских мятежников, куда и отправился 24 февраля 1863 года. Прибыл обратно в штабс-дивизию 26 июня 1863 года. За усердную службу всемилостивейшее пожаловано единовременно сто четыре рубля 3 июля 1863 года. За отличие, оказанное в деле с польскими мятежниками 21 апреля 1863 года у села Горново награждён орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом 24 июля 1863 года. Отчислен от должности дивизионного жалонерного офицера во фронт 22 августа 1863 года. Прикомандирован

к Лейб-гвардии Финляндскому полку для испытания по службе и перевода в оный 4 сентября 1863 года. Отправился по назначению 5 октября, прибыл 7 октября. По воле начальства переведён в Лейб-гвардии Финляндский полк прапорщиком Высочайшим приказом 5 мая 1864 года, со старшинством с 17 апреля 1864 года. Произведён в подпоручики 27 марта 1866 года. Зачислен по армейской пехоте Штабс-капитаном с назначением служить по мировым учреждениям в Северо-Западном округе 18 апреля 1866 года. По собственному желанию прикомандирован к Штабу Корпуса Жандармов 8 июля 1867 года. За это время 6% вычета в эмеритальную кассу произведено не было и добровольных 6% и 3% вкладов оплачено не было. Высочайшим приказом переведён в Корпус Жандармов 8 декабря 1867 года. Назначен помощником начальника Полтавского Губернского Жандармского Управления 11 декабря 1867 года. Оправился по назначению 22 декабря, прибыл 19 января 1868 года. Награждён орденом Св. Анны 3 степени 20 апреля 1869 года. Назначен начальником Жандармского Управления Гроецкого и Горнокальварийского (ныне Гроецкого и Блонского) уездов 8 февраля 1872 года; отправился по назначению 25 марта, прибыл 4 апреля 1872 года. За отличие по службе произведён в капитаны 16 апреля 1872 года. Всемилоостивейше награждён единовременно 125 рублями 28 марта 1877 года. За отличие по службе произведён в майоры 20 апреля 1880 года. Назначен начальником Жандармского Управления Радомского, Конецкого и Казеницкого уездов 15 сентября 1881 года; отправился по назначению 1 октября, прибыл 2 октября 1881 года. Высочайшим приказом переименован в подполковники 6 мая 1884 года. Всемилоостивейше пожалован орденом Св.Владимира 4 степени с бантом за выслугу в офицерских чинах 25 лет 22 сентября 1884 года. Всемилоостивейше пожаловано единовременно 282 рубля 24 апреля 1888 года. Назначен помощником начальника Тифлиссского Губернского Жандармского управления в г. Сигнах 11 октября 1888 года; отправился по назначению 8 ноября, прибыл 13 декабря 1888 года. Всемилоостивейше пожалован единовременным, на лечение болезни, пособием в размере 269 рублей 50 копеек 21 декабря 1889 года. Приказом по Корпусу Жандармов за № 22 назначен помощником начальника того же управления в г. Тифлис 13 октября 1890 года. Приказом по отдельному Корпусу Жандармов за № 23 назначен исправляющим должность начальника Эриванского Губернского Жандармского управления 28 марта 1891 года; отправился по назначению 2 мая; прибыл 4 мая 1891 года. Высочайшим приказом произведён

за отличие по службе в полковники с утверждением в настоящей должности 5 апреля 1892 года. Приказом по отдельному Корпусу Жандармов за № 88 назначен начальником Омского Жандармского управления 11 сентября 1892 года; отправился по назначению 14 октября; прибыл 10 ноября 1892 года. Высочайшим приказом, состоявшимся в 7 день марта 1898 года произведён в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией из Государственного Казначейства по восьмисот шестидесяти рублей в год и из эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства по одной тысячи двести девяносто рублей в год. По воспоминании Высочайшего приказа об увольнении оставался в исправлении прежде занимаемой им должности начальника Омского Жандармского управления впредь до сдачи таковой вновь назначенному на эту должность лицу, которую и сдал 21 июня 1898 года. В гражданской службе и по выборам дворянства не служил. Высочайших рескриптов и благоволений не получал. В отпусках был: на 14 дней с 24 сентября 1861 года; на 28 дней с 6 декабря 1861 года; в двухмесячном с сохранением содержания с 17 августа 1864 года; на 3 месяца и 28 дней с сохранением содержания с 26 марта 1866 года; на 8 дней с 15 апреля 1868 года; на 28 дней с 20 декабря 1869 года отсрочен на 14 дней, сверх которой просрочил 9 дней, просрочка была признана начальством уважительною; на 22 дня с 5 октября 1871 года; на 14 дней с 10 августа 1873 года; на 1 месяц и 9 дней с сохранением содержания с 22 июня 1875 года; на 11 дней с 4 августа 1879 года; на 28 дней с 11 января 1881 года; на 28 дней с 10 августа 1883 года; на 14 дней с 23 августа 1884 года; на 15 дней с 15 августа 1886 года; на 28 дней с 6 мая 1888 года; двухмесячном с сохранением содержания с 7 сентября 1888 года; на 6 дней с 10 февраля 1895 года; на 8 дней с 17 июня 1895 года; в четырёхмесячном отпуске с сохранением содержания с 27 июня 1897 года и на 7 дней со 2 марта 1898 года. В отпусках для пользования ран и в плену у неприятеля не был.

В походах и делах находился: при усмирении в Царстве Польском мятежа находился со 2 января по 28 августа 1863 года в составе войск Виленского военного округа, а с 28 августа по 5 октября 1863 года участвовал в экспедиции при разбитии генерал-майором Беклемишевым у села Карнево шайки Латковского, пробиравшейся из Царства Польского в Беловежскую пушу Гродненской губернии. Ранен и контужен не был. По распоряжению начальства был командирован: в 1862 году в Управление Плоцкого военного отдела для исполнения служебных обязанностей, где был утверждён в звании чиновника младшего оклада,

в каковой должности состоял 25 января по 1 октября 1862 года и в 1894 году в городе Красноярск Енисейской губернии для выполнения требования командира Отдельного Корпуса Жандармов, где находился по 29 июня 1894 года. Женат на дочери Действительного Статского Советника Энгельгардта Александре Александровне. Имения родового или благоприобретённого за ним и за женою, и за родителями его не состоит. Имеет детей родившихся: Константина – 5 марта 1869 года, Александра – 13 августа 1880 года, и дочерей Евгению – 2 ноября 1870 года, Софию – 20 декабря 1872 года, Веру – 21 января 1875 года и Ксению – 27 августа 1877 года. Жена и дети вероисповедания православного. Подсудности, подлежащей внесению в штрафную графу, не подвергался. В службе генерал-майора Де Лазари обстоятельств, лишаящих права на знак отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку, не было. В чём подписью и приложением казённой печати удостоверяю июля 18 дня 1889 года, штаб-квартира в городе Иркутске. В этом указе подчисток и поправок пять. Подлинный за надлежашею подписью /М.П./.

Итого в семь указе пронумерованных, прошнурованных и припечатанных печатью Управления Сибирского Жандармского округа два листа. Подписал старший адъютант Управления Сибирского Жандармского округа Ротмистр.

Государь Император по всеподданнейшему докладу Его Высокопревосходительства Г. Шефа жандармов об отлично-усердной и продолжительной службе бывшего начальника Омского Жандармского управления, ныне отставного генерал-майора Де-Лазари в 21 день января месяца 1899 года Высочайше соизволил назначить ему взамен законной (восемьсот шестьдесят рублей) усиленную пенсию из Государственного Казначейства по девятисот девяносто семи рублей в год, в чём подписью и приложением казённой печати удостоверяю апреля 23 дня 1899 года, штаб-квартира, город Иркутск. Подлинник подписали: начальник Сибирского Жандармского округа генерал-майор Демидов, старший адъютант Ротмистр. N. /М.П./

Семейные фотографии

Николай и Александра де Лазари (конец 90-х гг. XIX века)

*Николай с семьей
в Рудлово*

*Константин
в Казахстане (1896)*

*и в Польше
в Жуховицах
(начало XX в.)*

Валентина де Лазари (1893-1916) с Надеждой и Александрой

Евгения Баженова и ее дочери

*Надежда (1892-1966, Саблина)
и Александра (1893-1992, де Гогель)*

Фото 1900-1906 гг.

Александра с внучками

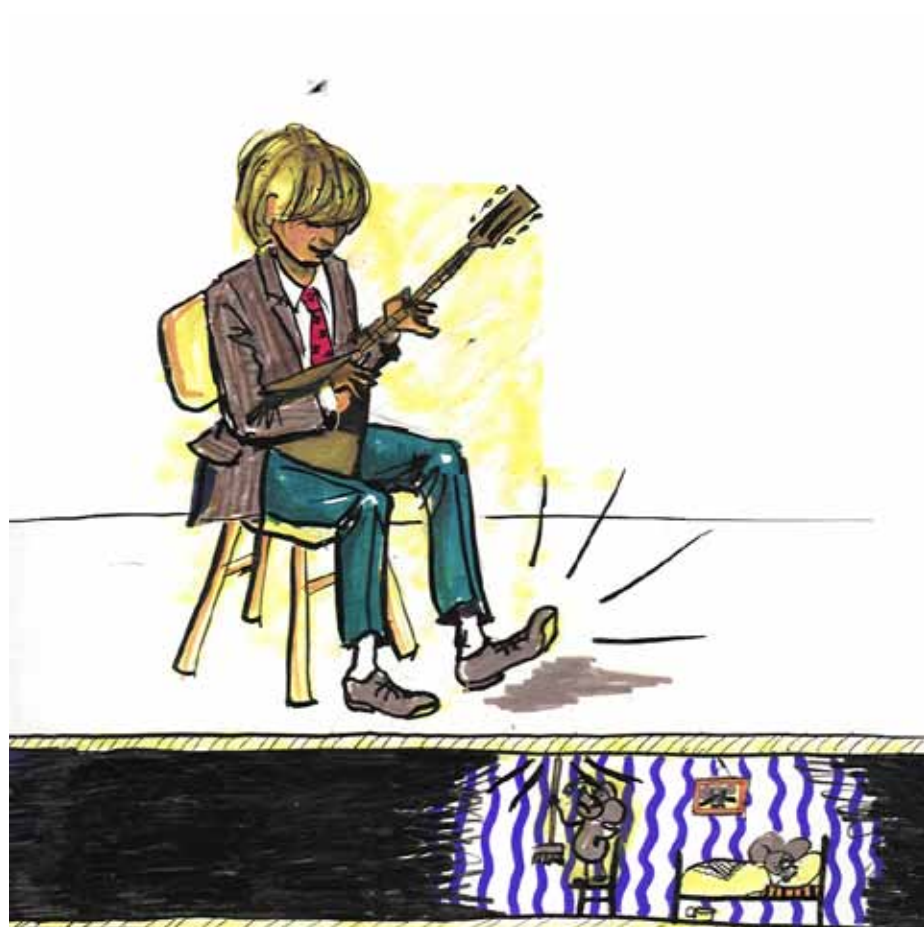
*Надежда и Александра
с Софией де Лазари*

*Карикатуры на
Ивана (Ванечку) де Лазари
(1871-1931), сына
Константина
де Лазари – Константинова
(рис. из альбома Н. и С. Легатов
«Русский балет в карикатурах»,
1903 г.)*

и на

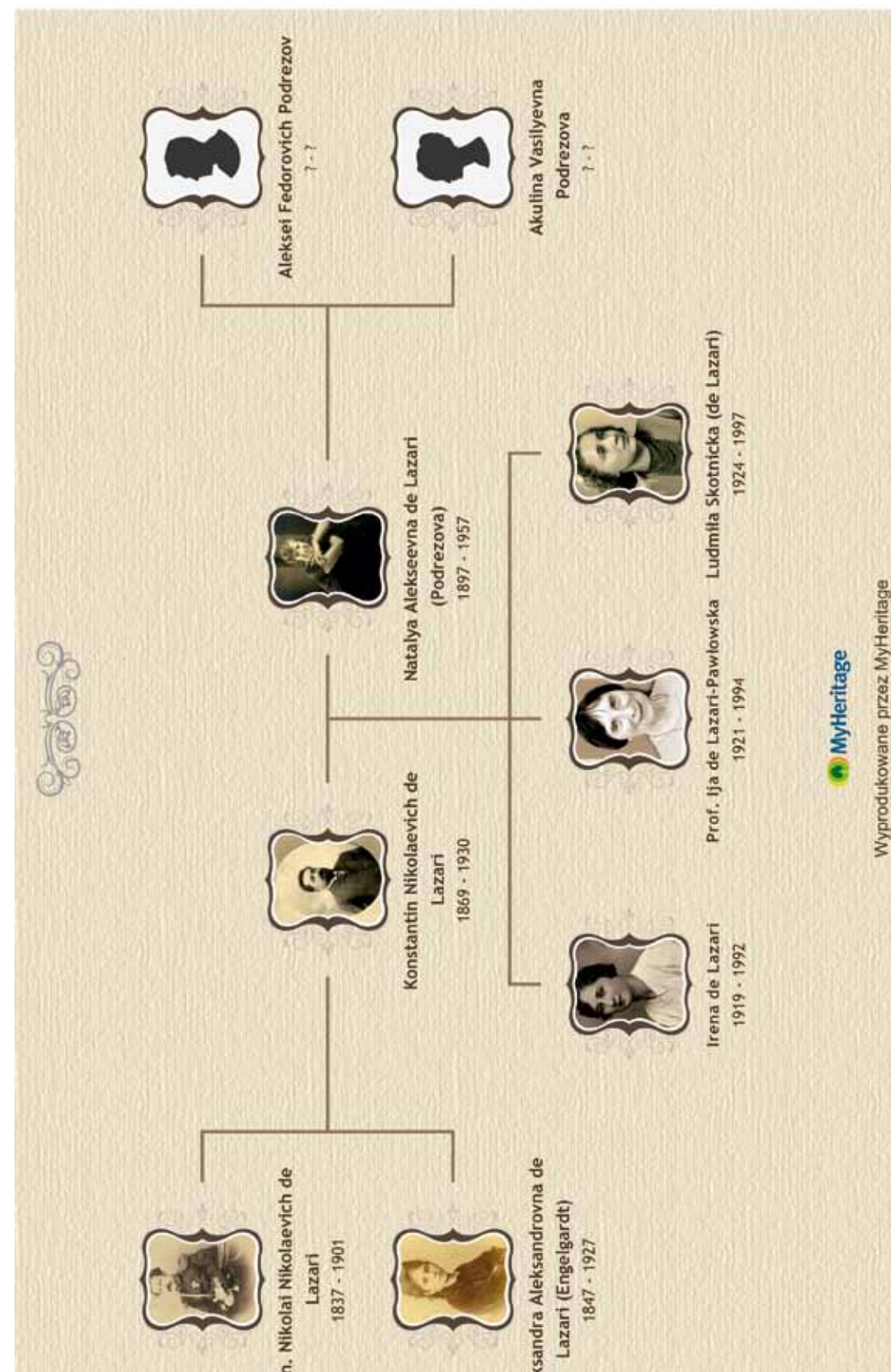
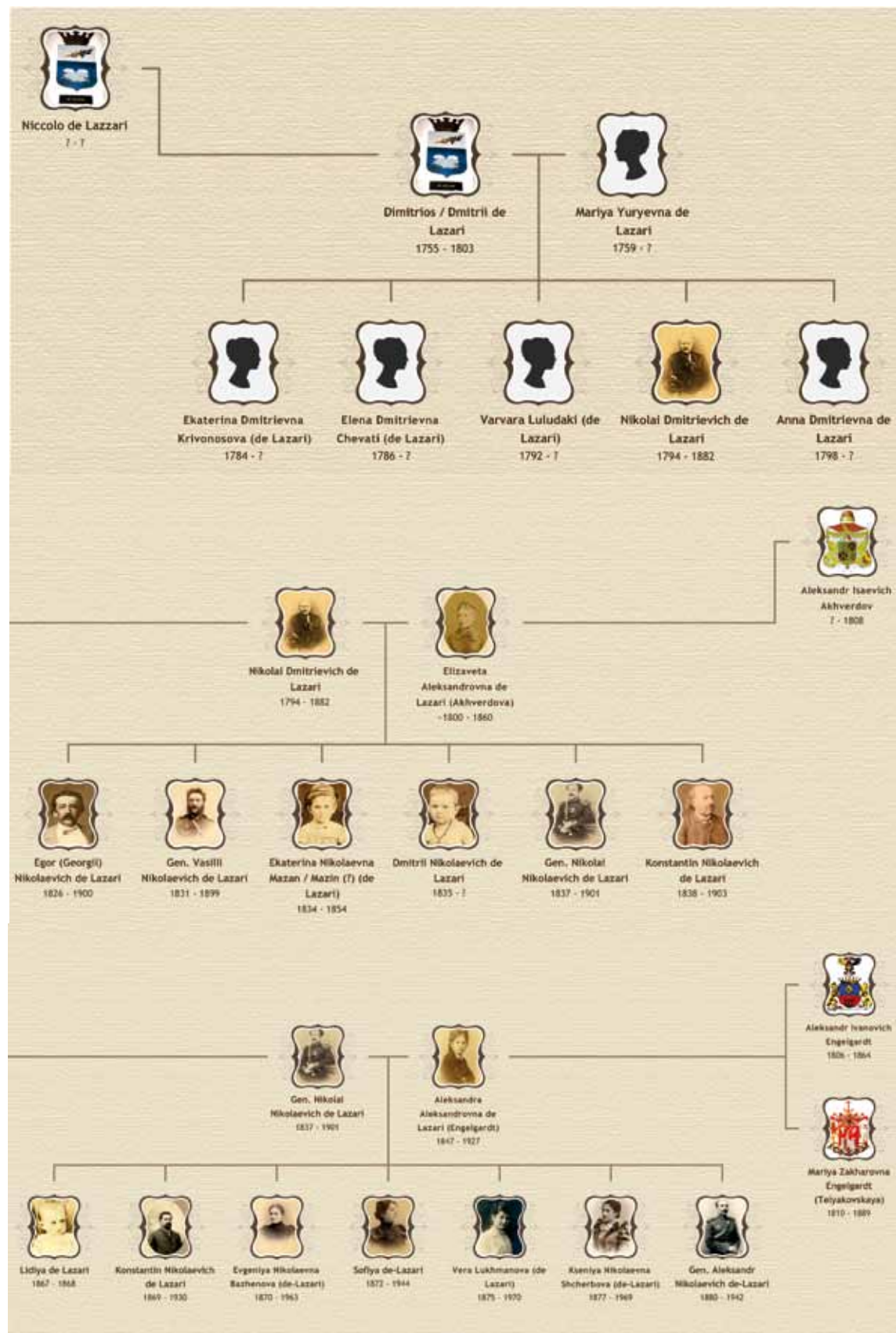
*Анджея де Лазари
из хроники ансамбля «Балалайки»
(рис. Анны Лесинской, 1974 г.)*

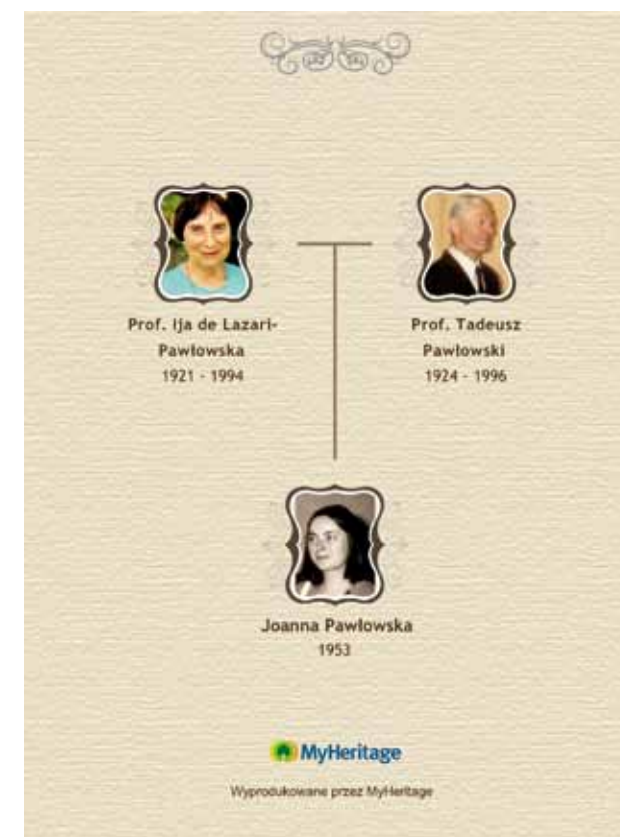
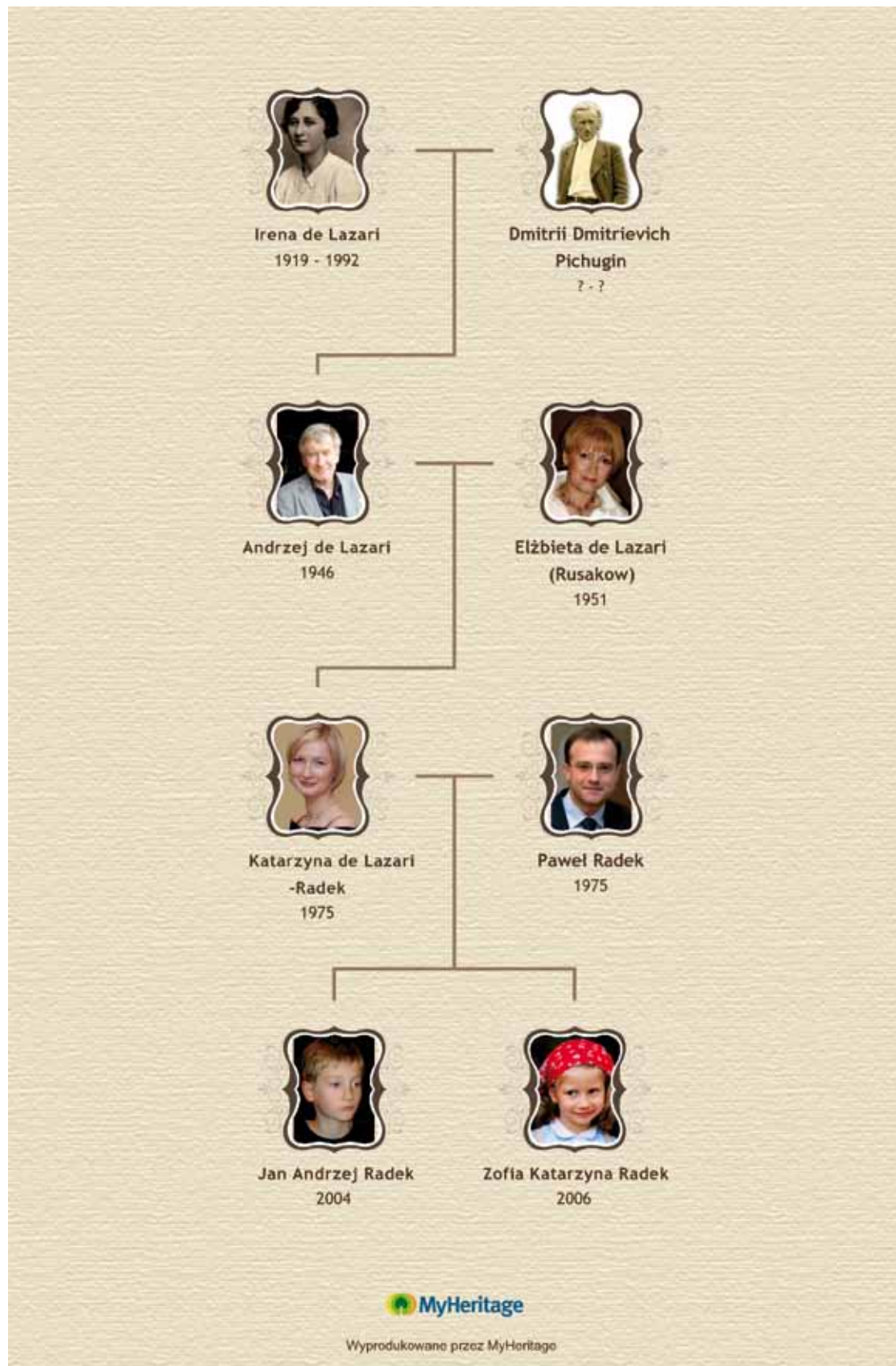

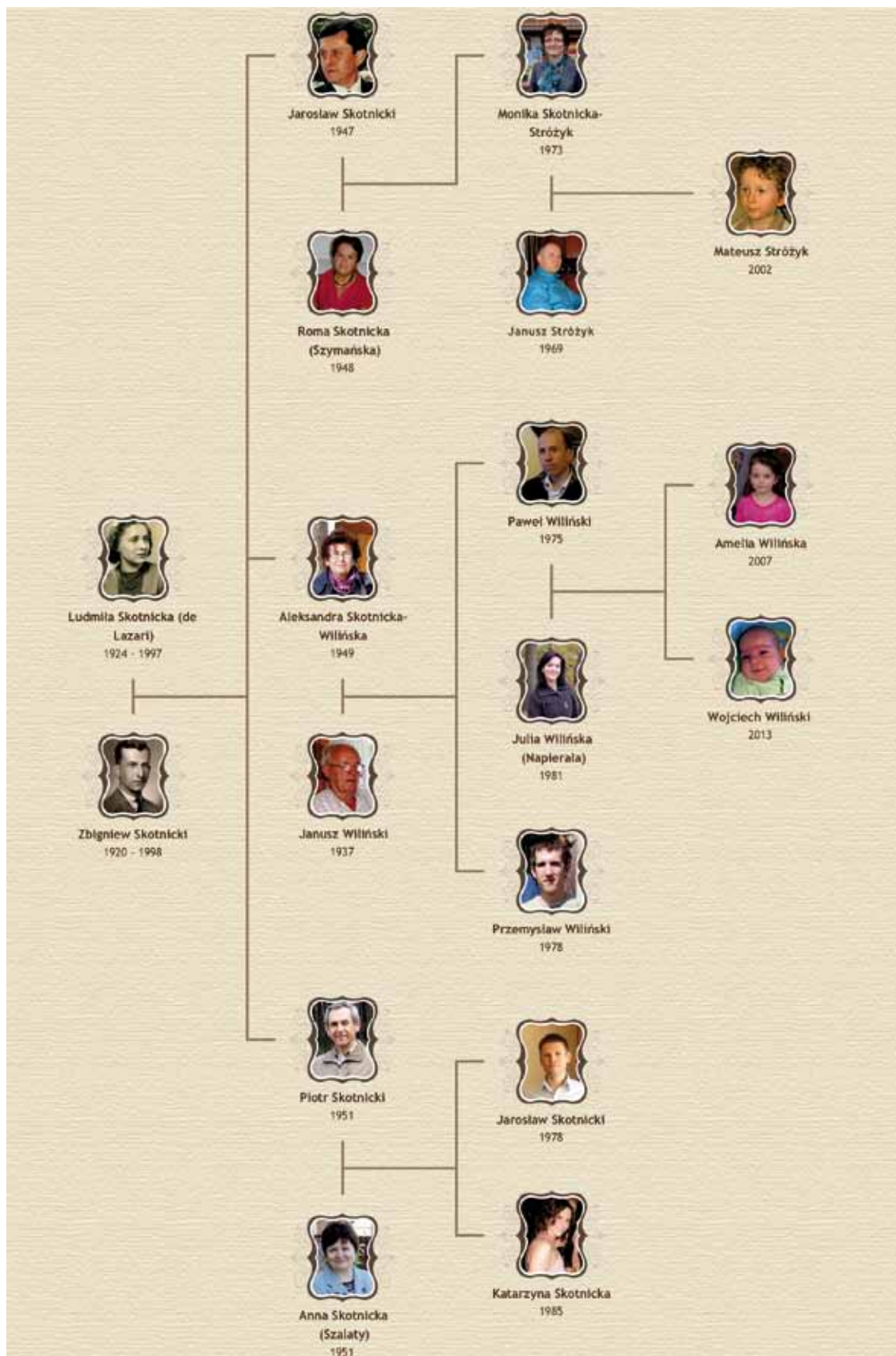
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ

ДЕРЕВО

(избранные ветви)

Послесловие

Николай Николаевич де Лазари, конечно, не беллетрист, однако, если учесть, что он закончил лишь кадетский корпус и почти всю жизнь прослужил жандармом, его рассказ вполне «литературный». Литературоведа вряд ли он удовлетворит, но не одному историку пользу принесет. Я постарался «расшифровать» многие упомянутые имена, фамилии и добавить к ним примечания; с некоторыми мне не повезло и буду благодарен тем читателям, которые смогут мне подсказать, о ком конкретно идет речь в том или ином фрагменте текста.

Фотографии из моей домашней «коллекции» – в основном оставленные моим дедом, Константином Николаевичем (о нем, как о фотографе, см. в русской Википедии). Несколько я получил от моих дальних родственников – от Константина де Гогеля из Лондона, Андрея Делазари из Петербурга и от Никиты Зуева из Лиепай (праправнук Дмитрия Афанасьевича Лухманова). Остальные (несемейные) – из интернета (общественное достояние).

Анджей де Лазари

<http://www.strony.toya.net.pl/~delazari/>

Анджей де Лазари – доктор гуманитарных наук, профессор. В Лодзинском университете преподает историю русской мысли и культуры. На русском языке, кроме многих статей, издал: *Наполеон или Чичиков. Из истории русского национализма*, Петербург 1993; *Польская и русская душа: от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына*, Варшава 2004; *В кругу Федора Достоевского. Почвенничество*, Москва 2004; *Русские и поляки глазами друг друга. Сатирическая графика*, Иваново 2007 (соавтор Олег Рябов) и коллективную монографию «*Русский медведь*»: История, семиотика, политика, Москва 2012 (соредактор Олег Рябов).

Анджей – внук русских эмигрантов. 45 лет тому назад создал в Лодзи, играющий до сих пор в Лодзинском университете балалаечный оркестр.

*Pradziadowie trwają w pamięci
potomnych, albo słuch o nich
ginie. Mój przetrwał, bo „rękopisy
nie płoną”, a pradiad zostawił
wspomnienia, dziad zaś masę zdjęć
z przełomu XIX i XX wieku. Niech
więc pamięć o przodkach trafi teraz
do wnuków, a w przyszłości dzięki
tej książce również do kolejnych
pokoleń...*

Andrzej de Lazari

